

16+

Краснобородько В.М.
Хранители Мира
Роман

Валерий Краснобородько

Хранители Мира

«Автор»

2004

Краснобородько В. М.

Хранители Мира / В. М. Краснобородько — «Автор», 2004

ISBN 978-5-532-05511-7

Колдун исчез, когда я бросил демона в костёр, а двойник нашего водителя трусливо сбежал в густую темноту глубокой ночи. Я не силен в демонах и уж тем более борьбой с ними. Поэтому в глубине души чувствовал, что всё прошло плохо и наша битва ещё не завершена. Вот только какой она будет – наша следующая встреча? И чем она закончится? На эти вопросы я не знал ответы. Но колдун не заставил себя долго ждать.....

ISBN 978-5-532-05511-7

© Краснобородько В. М., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Дед	6
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Валерий Краснобородько

Хранители Мира

*К чему нам помнить древние доблестные времена, идя куда – неведь. А так, смотрим
вспять и говорим, что вот, стыдимся мы Нави – Прави – Яви, знать и всё вокруг ведать, и
понимать.*

(«Велесова книга» литературный перевод Н. Слатина.)

Дед

***

День выдался жарким, лишь к закату с Северского Донца потянуло прохладой, природа и люди вздохнули свободней. Солнечный диск коснулся горизонта. Я сидел на цокольном выступе дедушкиного дома и смотрел на оранжевый закат. Пашка, мой младший брат, непоседа и вечный подбивала на разные приключения, и наш лучший друг Сашка лежали на пожелтевшей августовской траве, ещё недавно росшей зелёным ковром, около дома чуть поодаль от меня и так же как я, не отрываясь, глядели на оранжевое солнце, прячущееся за линией горизонта. В саду, что раскинулся прямо за деревенским домом и занимал всю дальнюю часть двора, под аккомпанемент вишневых листьев, шелестящих от лёгкого ветерка, громко чирикали воробьи, устроив очередную потасовку. Наверное, что-то не поделив.

Ветер сменил своё направление. И теперь его новый порыв донёс до нас, сладковатый запах ночной фиалки, распустившей свои маленькие и прекрасные цветки и распространявшие божественный аромат на весь двор. Эти цветы наша бабушка Валя очень любила, сажала вдоль заборчика, отделявшего огород от внутреннего дворика, и бережно ухаживала за ними.

– Пацаны, может, махнём Иванычу? – спросил я тоном, в котором не было ни капли настоящего желания куда-то идти.

– Зачем? – безразлично ответили мальчишки хором.

– Опять пчёлы покусают! – слегка взволновано ответил Сашка.

Да, прошлый раз ему от них ох как досталось! Он решил показать себя смельчаком и полез в содержимое улья, чтобы поменять соты. Естественно, с разрешения деда Иваныча, нашего соседа, жившего, напротив. Но без защитной экипировки, которой обычно снаряжал его дед, перед тем как лезть в ульи. Поначалу мы думали, блефует, следили за его действиями без особого интереса, а когда Сашка начал доставать вторую пластинку сот, наши глаза смотрели на него, как на героя! Мальчишка посмотрел на нас, свысока. Дескать, «слабаки» вы ребята! Я же сказал, сделаю, и сделал! А вы не верили!

До этого момента он делал всё идеально, как истинный пчеловод-профессионал, несмотря на свои неполные тринадцать лет. Но вот его рука предательски дрогнула, край деревянной рамки выскользнул из пальцев, ударился о соты, ещё оставшиеся в улье. Пчёлы встрепенились, заметались, тревожно жужжа, принялись искать обидчика. Одна из полосатых жительниц маленького домика приблизилась к Сашкиному глазу явно с нехорошими намерениями. Он не выдержал, резко отмахнул насекомое рукой, но на её место прилетела другая пчела, более дерзкая и злая, и уже весь рой словно по чьей-то команде ополчился против него. Вот тут-то его нервы окончательно сдали! Сашка начал быстро размахивать обеими руками и топтать ногами, чтобы разогнать назойливых мохнатых насекомых и закончить начатое дело.

Мы слышали, как он ойкал при каждом следующем укусе, и мы с Пашкой просто умирали со смеху, глядя, как ему удаётся одновременно уворачиваться от пчёл и ставить новые рамки, при этом, не забывая корчить гримасы обиды и неудовольствия, вызывавшие у нас новые припадочки смеха.

Ещё через минуту всё закончилось. Улей с помощью и вовремя подоспевшего Иваныча, которому стало жалко парня, был собран и закрыт, а Сашка благополучно выдворен из пчелиного роя.

Иваныч смазал уксусом пчелиные укусы на теле Сашки, протянул ему небольшую беленькую таблетку и ковшик с холодным компотом. Эти нехитрые медицинские процедуры привели нашего героя в чувство. Он пыхтел и злился на нас, за то, что мы смеялись над ним и его боевыми ранами. Но я думаю, нам всем его было жаль. Хотя нет, если быть честным до

конца, не только жаль. Мы в душе завидовали и хотели быть на его месте, не смотря на все шестнадцать укусов!

Вот уже оранжевый диск дневного светила на половину скрылся за соседним холмом, на вершине которого находилось деревенское кладбище. Кузнечики усилили свое стрекотание в траве. Ветер совсем стих, но прохлада осталась. В вечерней тишине слышались шаги. Через мгновение из-за яблонь, растущих возле каменного забора, что закрывает двор со стороны дороги, появилась корова Наташка, за ней бычок Борис, и замыкал шествие наш дед. Шел он своим обычным, спокойным, уверенным, но одновременно широким шагом. Весь его вид, осанка выдавали в нём человека сильного, мужественного, привыкшего все жизненные передраги переносить стойко, не прогибаясь под них. Все, кто знал нашего деда, относились к нему с уважением, я бы даже сказал с благоговением, и старались по возможности не ругаться с ним, а подражать ему, вплоть до житейских мелочей. Его авторитет в деревне был настолько высок, что даже большие местные начальники приезжали к нему, чтобы посоветоваться в том или ином вопросе.

– Эй! Сорванцы, чего разлеглись! А ну, живо открывайте ворота! Скотину в стойло ставить надо! – крикнул нам дед, как, всегда не повернув своей седой головы в нашу сторону. – Сейчас бабушка подоит коровку-то нашу, и все будем пить парное молочко.

Я быстро встал, подбежал к деревянной калитке и откинул крючок. Вся процессия проследовала мимо меня той же чередой, и повернула по дорожке к коровнику, где уже стояла с ведром в руке у открытой двери, подпёртой камнем, моя бабушка Валя. Закрыв за ними калитку, я вернулся на прежнее место. Загнав коров, дед вышел, прикрыл в хлев дверь, вздохнул полной грудью, огляделся по сторонам и пошел по дорожке к нам.

Ещё мгновение, и он уже сидел рядом со мной на прогретом солнцем цоколе, глядя на нас, на мальчишек и ласково улыбался.

– Ну что, хлопцы, скучаем? – очевидно, вопрос или, пожалуй, само внезапное появление деда, напугало Пашку, он вздрогнул, но не подал виду и спокойным голосом ответил:

– Да, дед. Что-то ничего в голову не приходит, чем заняться. Вот лежим и смотрим на закат. Красота!

– Красиво-о, – протянул дед, оглядывая местные окрестности.

– Очень красиво, – согласился я.

– Весь вид, по-моему, портит кладбище, – вставил своё замечание брат. Он всегда пытался найти какой-нибудь минус или малейший недочёт, причём во всём! Этаким маленький критик.

– Мне тоже так кажется, – поддержал его Сашка, молчавший всё это время, – особенно ночью, как-то страшновато! Там лежат умершие люди, а нас живых, всё равно тянет туда, не смотря на страх и взгляд сам так и возвращается.

Он поёжился.

– Да... Смерть, это не конец, это следующий шаг к новой жизни... – дед погрузился в долгое раздумье, не отрывая глаз от кладбища.

Он молчал и смотрел вдаль, поглощенный своими мыслями или воспоминаниями. Мы не отрывали от него своих глаз, смотрели и ждали. Ждали, когда дедушка сам решит заговорить. Дед Павло, так его называла вся округа, не любил, когда прерывали его размышления. Эта привычка выработалась у него с годами, и менять её он не собирался даже для внуков. Так прошло минут пять, солнце почти скрылось за горизонтом, и весь окружающий нас мир погрузился в ночной сумрак.

– Кар! Кар! – проорал у нас над головами неизвестно откуда взявшийся ворон.

Лицо дедушки Паши дрогнуло, он нахмурился. Появились глубокие морщины на лбу, а мы тихо переглянулись. Сашка встал и пересел поближе ко мне. Закончив следить за перемещениями своего друга, я снова обратил свой взор в сторону дедушки. Тот по-прежнему смот-

рел в сторону кладбища, но его лицо просветлело, и морщины разгладились, в глазах появился весёлый огонёк. Ещё через секунду губы его дрогнули и поползли дружеской улыбке, обнажая небольшое количество зубов, зато белых и здоровых. Он сложил руки на груди, и чтобы видеть нас всех, немного опустил голову, и в тот самый момент, когда последний луч солнышка скрылся за горизонтом.

– Ну что, внушки, не заснули ещё тут от скуки-то? А? – произнёс тёплым и родным голосом дед и погладил меня по голове своей огромной, словно медвежьей лапой, ладонью.

– А-а-а-а! А-а-у! Ещё бы чуть-чуть и я бы заснул! – потягиваясь в траве, отозвался Павел.

– Да ты у нас соня известный! – воскликнул дед. – Только до подушки добрался и спать!

– Деда, ты преувеличиваешь! – отнекивался брат.

Сашка сидел и смотрел на всю эту перепалку с серьёзным видом. Почесал в затылке, многозначительно кивнул, приняв для себя какое-то волнующее его решение, и решительно произнёс:

– Дедушка Паша, если смерть, это дверь к следующей новой жизни, то, что же такое сон? Я думал, что сон, это взгляд в другой мир, а смерть, это конец человеческой жизни.

На миг наступила тишина. Мы с братом переглянулись. В этот момент мне почудилось, что весь мир замер в ожидании ответа, или чего-то большего. Но нет. Вот, вдалеке прокричала сова, а в саду, совсем неподалёку от нас, каркнула ворона, и мошкара гудит. Нет, весь мир живёт своей жизнью. Это моё воображение сыграло со мной шутку. Впрочем, эти мысли быстро выветрились из моей головы. Мне хотелось, безумно хотелось услышать ответ на этот вопрос. Я вдруг почувствовал, что всю свою жизнь искал на него ответ! Хотя жизнь моя пока насчитывает шестнадцать с хвостиком лет.

– Деда, так что же такое сон? – поторопил я его с ответом, а у самого язык горел огнем, словно ошпаренный кипятком, так мне хотелось наговорить ему ерунды, дабы поскорее услышать ответ.

– Не спеши, Валера, не надо, – ответил он, как, всегда не поворачивая своей головы к вопрошавшему. – Запомни внучок, тише едешь, дальше будешь. Надеюсь, знаешь такую русскую народную пословицу?

– Да знаю! – выдохнул я.

– Я был в этом уверен.

В ту минуту показалось, что дедушка тянул время, чтобы собраться с силами для ответа, или, надеясь, что тема для разговора сама собой закроется, несмотря на наше рвение услышать ответ. Но я сильно ошибался.

– Смерть живого существа и растения, это лишь переход к новой жизни. А сон ваш, внушки, это лазейка в другие, в неизвестные нам жизни.

– Деда, значит, мы можем во время сна из одной жизни перейти в другую? – недоверчиво спросил я.

– Да, примерно так. Но это не так легко, как кажется с первого взгляда!

– Не верю! – воскликнул Пашка, кивая в мою сторону. – Это всё фантазии и сказки для детей! Валерка в них верит. Сия байка для него.

– Это твоё право, внушек, верить или не верить, – спокойно ответил ему дед, – лучше послушай меня, это так.

– Это меня не убеждает, дедушка. Пока я сам всё не увижу своими глазами, ни за что не поверю! – упорствовал брат, со свойственным ему упрямством.

– Здесь я с тобой полностью согласен, Павлуша. Ты же мой внук! Как иначе?!

– Так вот, когда я сам лично через это пройду...

– Иногда, такие эксперименты плохо заканчиваются. Ты ведь переходишь не только из одной жизни в другую, но заодно попадаешь в другое временное измерение, – предупредил его дедушка.

– Ну и чего здесь плохого? – любопытствовал неугомонный мой братец.

– Ты спрашиваешь, чего в этом плохого? Ну, вот представь, что ты во сне переходишь в другой мир, в другую жизнь. Здесь ты спишь, а там, куда ты попадаешь, идет жестокая битва двух рыцарских армий.

– И, что?

– Твое тело внезапно появляется на поле брани, среди звенящих мечей и тяжёлых булав, летающих копий, кругом льются реки крови, – голос моего деда стал твердым, жестким и каким-то воинственным. В нём исчезла старческая нотка, словно он был одним из участников этого выдуманного сражения, – изувеченные тела и бьющиеся в смертельной агонии люди и кони. И ты смотришь на это всё и шалеешь от страха! Ноги подкашиваются! Что делать?!

– Ну и...

– Вот, вспыхнул солнечным бликом, закаленный металл меча. Лишь лёгкий шелест воздуха, рассекаемого им, успевает поймать твоё ухо, как голова слетает с плеч долой и катится по красной от крови земле, окровавленной

– У-у-у-ух ты! – выдохнул я. – Ничего себе перспектива!

– Или на всём скаку, налетит на тебя конь с всадником. Поверь, от такого столкновения коню только и будет что ничего, а остальные редко выживают, – продолжил дед.

– Класс! – воскликнул Пашка. – А про это-то, дедуля, откуда знаешь? Наверное, тебе твой дед как сказку на ночь рассказывал? Ха-ха-ха! А теперь ты нам рассказываешь!

– Ну почему же, я сам видел.

– Что?! – вырвалось у всех нас.

– Ну, не совсем я, у меня друг там был, и всё это видел, – вывернулся дед.

– Ну, я же говорил, всё это враки или басни! – восторжествовал Павел.

Тут его понесло, он стал говорить, что может быть, чего не может быть. Что он думает по этому поводу. В общем, словесный поток обрушился на нас, и длился несколько минут. Ещё мгновение и бурный водопад слов стал иссыхать и становился всё мельче и мельче, пока совсем не испарился. Как мелководная речушка в засушливое лето. Но дед Павло выслушал все, стойчески не пропуская мимо ушей ни единого слова.

– Ну, мне с тобой не тягаться в красноречии, – отвечал ему абсолютно спокойно дедушка Паша, лишь едва заметно усмехнувшись. Кстати брата назвали в честь деда и правильно сделали. Но это я уже понял гораздо позже, – у меня то образование два класса и три коридора! Ты ж, наверное, в институт метишь...

В разговоре возникла пауза, лишь кузнечики в траве стрекотали, заглушая друг друга. Бледный свет молодого месяца тускло освещал деревенскую округу. Где-то вдалеке запел петух, очевидно, перепутал время суток. На другом конце деревни залаяла собака, её поддержала другая, и опять всё стихло и замерло, погрузившись в музыкальные трели соревнующихся между собой длинноногих насекомых.

– Деда Паша, все, что вы рассказали, очень интересно, – вдруг очень серьёзным тоном заговорил Саша. – Все, что сейчас сказал Пашка, это его личная точка зрения. Откуда вы действительно это знаете? Мне показалось, что вы говорите нам чистую правду. Или я ошибаюсь?

Наступила абсолютная тишина, даже легкий ветерок, внезапно набежавший с севера, затих, как будто подчёркивая особую важность этого вопроса.

– Да, я это знаю, – ответил ему мой дед.

– Да враки всё это... – попытался влезть в их разговор брат. – Санёк, я не знал, что ты любишь такие басни?! Думал, Валерка про это читает, да сплетни собирает.

– Вы там были? – не обращая внимания на слова друга, Сашка спросил таким тоном, что было бы глупо пытаться уйти от вопроса. Это уже сейчас с высоты прожитых лет, я понимаю, что в тот день мой друг перестал быть юнцом и мыслить, как мальчишка, он словно повзрослел за эти несколько минут разговора. Тогда, я этого ещё не понял. Он был первый из нас, кто

сделал шаг вперёд навстречу своей судьбе. А дед, заметил (вообще-то от его строгого и пронизывающего взгляда никогда и ничего не ускользало, как бы ты этого не пытался скрыть и не прятал за маской непроницаемости), и разговаривал с ним не как с внуком, а на равных. Впрочем, меня это не трогало никак, мы с ним часто говорим на равных, поскольку был старшим и уже имел паспорт на руках. А вот Павел слегка начал заводиться, ему не очень нравилось, когда дискуссия или какой-то серьёзный разговор проходят без него, – вы всё это видели по настоящему?

– Да, – просто ответил дед, глядя на своего собеседника, что делал крайне редко, – как сейчас тебя. Даже ближе.

– Санёк, это байки, человек не может перемещаться туда... – попытался вмешаться Пашка, но его никто не слушал.

– Вы не шутите?

– Ни в коем разе.

– Не разыгрываете нас перед сном?

– Зачем? – пожал плечами дед. – Ты спросил, я ответил.

Я воспользовался возникшей паузой в их диалоге и спросил:

– Если всё это правда, то, как туда попасть? Может, мы сможем туда прогуляться?

– Ещё рано, – не глядя в мою сторону, отвечал дед. – Вам ещё рано.

– Ха-ха-ха! Во насмешили! – засмеялся брат, – Вы ещё скажите, что хотите там спасти принцессу и за свой подвиг получить полцарства!

– Смеётся хорошо тот, кто смеётся последним! – строго парировал дед Павло.

– Ну конечно, в ответ у нас опять пословицы и поговорки, – обиженно промолвил младший внук.

– Пословицы и поговорки, это, если хочешь знать, душа и библия русского народа. Если бы все мы жили по ним, как по заповеди, то уже жили бы при коммунизме! Ты правильно делаешь, что всё подвергаешь сомнению. Мой тебе дружеский совет, – дед перешел с серьёзного тона, на дружеский вернее сказать, товарищеский тон, словно он наш ровесник и наш друг, – сомневайся и проверяй, но молча. Все твои эмоции должны быть спрятаны где-то там, в недосыгаемых глубинах твоей души, – он закончил фразу и обвёл нас всех своим внимательным взглядом и продолжил. – Проявлять их ты должен, ориентируясь по обстоятельствам. Валерка и Сашка, внуки мои, и вас это тоже касается.

Дед встал, ещё раз обвёл нас и прячущийся где-то в ночной мгле горизонт, взглядом. Посмотрел на молодую луну и пробормотал что-то себе под нос.

– Деда, ты чего сказал? – переспросил я.

– Да... Да вот говорю, поздно уже. Завтра вставать рано надо. Так что, ребятишки, геть до хаты!

Отправив нас «до хаты», сам направился в сторону деревянного крыльца, продолжая чего-то шептать себе под нос.

– Дедушка Паша, я хочу обязательно это увидеть! – нетерпящим возражения тоном сказал ему вдогонку Сашка.

Старик остановился, медленно повернулся и, глядя на мальчишку в упор, словно пытался проверить его на прочность. Их взгляды встретились, несмотря на темноту. В воздухе повисла звенящая тишина. Ни один листик, ни одна травинка не шелохнулся. Ни какое животное, ни одна птица и даже комар не нарушили эту тишину. Это было наяву, это не было моим воображением или ещё чем-то. Я почувствовал, как всё вокруг стало, наэлектризовываться. Окружающие предметы и воздух казались размытыми, словно смотришь сквозь горячий воздух, поднимающийся от раскаленного асфальта.

– Зачем? – сухо спросил дед.

– Сегодня я родился заново. Чувствую себя как младенец, который готов изучать неизвестный ему мир. Разве можно отказать ему в этом? Думаю, что нет. После отказа вы оставляете пустое место, а как вы сами говорите, что свято место пусто не бывает, то его могут занять другие, и кто будут эти люди, и чему они научат дитя, один Бог знает.

Меня осенила та же самая мысль. Не знаю, как он, но я, был готов, прямо сейчас, броситься на изучение этого самого неизвестного и загадочного мира.

– Всему своё время, – смягчаясь, произнёс дед Павло, – так оно и есть, сегодня ты стал другим, но у вас троих есть ещё время подумать и всё решить.

– Я готов подождать, – согласился Сашка, – а ты, Валер?

– Можно и подождать, если нужно, – ответил я, и тут же принялся ругать себя, на чём свет стоит, вот ждать мне сейчас никак не хотелось!

– Пашка, а ты что думаешь по этому поводу?

– Всё это мне кажется полной ерундой. Но если дело выгорит, то приключения нас ждут ещё те! – со свойственным ему скептицизмом ответил брат.

Подул свежий ветерок, принеся с собой аромат ночной степи и забирая последние капли сна. Как нам тогда показалось.

– Деда, а ты расскажешь, как ты туда попал? – своим вопросом Сашка попал в точку. У нас у всех он вертелся на языке. Но задать его мы не решались, а он как всегда нас опередил.

– Но не сегодня, – ответил дед и улыбнулся своей светлой улыбкой, – завтра. Завтра вечером. История длинная, да и времени у нас предостаточно, так что, казаки, бегом спать!

Он тихо повернулся, и ещё раз глянул на небо. Его губы опять что-то прошептали, и он медленно пошел к крыльцу, которое сделал своими руками лет, эдак, сорок назад. Там, дед Павло остановился, очередной раз оглядел небо, словно что-то ища. Хмыкнул и зашёл в дом.

Мы смотрели ему вслед, пытаясь понять, что же ждёт нас завтра. То ли сказка, то ли правдивая история человека, повидавшего много ещё чего на своём веку.

– Ну, пацаны, утро вечера мудренее! – попрощался Сашка и направился к калитке.

Я пошел следом за ним, догнав возле бассейна с питьевой водой. Остановил и серьёзно спросил:

– Саня ты во всё это веришь?

Он посмотрел мне в глаза и ответил вопросом на вопрос:

– А ты?

– Больше да, чем нет, – отвечал я.

– Вот-вот, сначала я тоже так думал! За последние полчаса моя вера в это возросла. Он говорил, так обыденно, скромно, словно там был, а не рассказывал байку на ночь. Теперь я убежден, что все именно так, как говорит твой дед. И я ему верю.

– И я это почувствовал. Ладно, пока! Завтра увидимся.

– До завтра!

– Пока!

Мы пожали друг другу руки и разошлись по домам.

***

Утро настало быстро. Мне показалось, будто я едва успел закрыть глаза, а уже пора вставать. Ничего не поделаешь, деревня есть деревня! Свежий воздух, природа...

Затравка, кинутая дедушкой, не давала заснуть мне всю ночь, и питала мой ум всё новыми и новыми фантазиями на эту тему. Дед ушёл в сельпо за свежим хлебом, и за нашим любимым сгущенным молоком, которое ему, как шахтёру, продавали на разлив по льготной цене, поэтому очередь занимали с раннего утра. А мне нужно было отогнать коров в стадо.

Наспех умылся, вывел скотину из стойла и погнал на соседнюю улицу. Куда каждое утро хозяева выгоняли своих питомцев, собирая их в одно большое стадо. А потом, гонит их мест-

ный и бессменный пастух Тимофей на высокие берега Северского Донца, покрытого густой и сочной травой.

Целый день мы с братом никого не видели, заняты были в огороде. Дедушка то приходил, то снова уходил. Иногда на его лице можно было прочесть озабоченность и волнение. С коими он быстро справлялся и снова становился обычным добродушным дедушкой.

Сашка, как и мы, не вылезал со своего огорода, поливал, тяпал и вырывал сорняки. В общем, работали мы все не покладая рук. И делали это лишь для того, чтобы сегодняшний день пролетел быстрее, а вечером быть свободными от дел.

Зато аппетит наработали мы на свежем воздухе прямо зверский! Это вам не в городе, где от пыли и смога дышать нечем, а работать вовсе в тягость.

Мы сами-то из города Новочеркасска. Что под Ростовом. А наш кореш, Саня, из Азова. Наши мамы дружили с детства и в школе за одной партой сидели. Потом выучились и разлетелись, словно оперившиеся птенцы из родного гнезда. Вылетев, оседали кто где. А нас, детей, по любому случаю, будь то праздник или каникулы, отправляют в деревню, чтобы поправить здоровье и отдохнуть от школьных занятий и домашних заданий. Мне это нравилось, и я, всегда рвался к бабушке с дедушкой в посёлок Виноградный, это маленький шахтёрский посёлок расположившегося на крутом берегу Северского Донца. В городе, летом делать нечего. А тут природа, река и огород с вишнёвым и яблочным садом. Благодать!

– Эй, работнички! Айда купаться! – крикнул нам Сашка, усевшись на каменный забор.

– Здорово, Санёк! – ответил я. – Сейчас! Падалку соберем.

– Хватит тарашиться. Иди, помоги лучше яблоки собрать! – крикнул ему Пашка.

– А что мне будет с этого?

– Не намылим шею! – засмеялись мы в ответ.

– Надо подумать. Э... Ну... Если я приду и помогу вам, то по шее не получу. А если не помогу, то что? Хотелось бы знать!

– Слышь, философ, харэ болтать! – прикрикнул на него Пашка.

– Ну, всё, всё иду! Вечно вы без меня не можете справиться. Бездельники!

Яблонь было шесть, а нас трое. Быстро распределили каждому по два ведра, две яблони и вперёд! Мне досталась «Симиренка», под которыми яблочек валялось больше, чем под остальными деревьями, они были большие и червивые и ещё не очень спелые. Закончив, я вышел из сада с двумя полными с горкой вёдрами. Пацаны, тоже только что подошли и ставили свои ведра возле летней кухни под лавочку. Освободив руки, я крикнул:

– Ну что, други моя, бегом на речку!

– Может, не будем бежать? – предложил Санёк.

– Не знаю. Всё, сэр, на ваше усмотрение.

– Кстати, а, сколько-времени-то? – спросил Пашка.

– Было пять, когда я пошёл к вам. А сейчас... – Сашка почесал затылок и прищурил левый глаз, он всегда так делал, когда пытался сосчитать в уме, – пусть мы потратили на яблоки двадцать минут, значит где-то пять часов двадцать пять минут.

– Ну-ну, ты ещё секунды сосчитай! Чудак человек.

– А где все ваши? Никого не видно? – спросил Шурик.

– Дед пошел в Краснодонецкую, а бабушка прилегла, у неё, после обеда, голова разболелась, – ответил ему Пашка, на ходу сорвав с соседского дерева сливы и протягивая их нам.

Мы съели по одной. Нам они показались очень вкусными (соседские всегда вкуснее своих домашних), мы вернулись и нарвали полные карманы. Поглощая синие пахучие и очень сладкие плоды, направились в сторону реки. Дорога вела вниз, и идти было легко, всё с горки, да с горки. Приземистые небольшие домики сменяли друг друга. За одним из них свернули направо, и вышли на улицу Ленина. Скорее она была похожа на поле с грунтовой дорогой посередине. Знаете, эдакий деревенский вариант проспекта, когда с одной стороны (то есть

слева) дома стоят в один густой ряд и огороды за ними узкие и длинные, а вот напротив полная свобода. Между хатами, хоть марафонские забеги устраивай! Ближе к левой стороне проходит, так называемая, проезжая часть с колеей в полметра глубиной. Не дай бог, чья машина соскочит туда, то всё, пиши – пропало! Тогда достать её можно будет только с помощью трактора или крана. Хотя помню случай, когда мне было лет пять, шли мы тогда купаться. Я и дедушка, так как Пашка остался тогда с мамой в городе. Смотрим, машина стоит на дороге, а вокруг неё два мужика суется. Подходим с дедом ближе и видим, что она лежит на брюхе, и колёса крутятся, не доставая до дна колеи. Дед посадил меня в траву у обочины, чтоб значит, не мешался, и поздоровался с мужиками, о чем-то они переговорили и разошлись в разные стороны. А я, лазил вокруг автомобиля и удивлялся, как же так это произошло. Не помню, сколько времени их не было, но вернулись они с подмогой. С ними ещё человек десять было, меня отстранили от пострадавшего автомобиля, а сами облепили её как мухи. Присели. Поднатужились, железный конь дрогнул, поднялся и поехал вправо. Опустился. Затем ещё раз поднялся и под кряхтение деревенских мужиков «москвич» поплыл вправо и снова остановился, но уже на колесах, а не на брюхе. Спасатели отряхивали руки. И предупреждали незадачливого водителя, чтобы был в следующий раз аккуратней. Тот, в свою очередь, благодарил их за помощь. Потом ловким движением руки достал невесть откуда непочатую бутылку «Портвейна 777» и стакан. Потом ещё одну... Так что на речку мы тогда попали где-то минут через сорок или час.

Покинув сельский бульвар, наша троица пошла по тропинке, протоптанной не одним поколением жителей деревни, которая вела через овраг к обрыву. Затем круто спускалась прямо на узкий, но чистый песочный пляж. Едва заведя воду, мы не стали ждать с моря погоды, разделись на ходу, побросали одежду прямо на песок и бросились в прохладные воды Северского Донца, несущего их в Дон-Батюшку.

А дома бабушка Валя накрывала на стол. Её борщ был настолько вкусен, что его аромат я почувствовал аж на берегу реки. А пирожки, какие пекла! Ух! Пальчики оближешь! Очевидно, подгоняемые этими самыми божественными запахами на свете, мы дружно собрались и без промедлений отправились домой. Проходя через овраг, мы слышали грохот и громкий всплеск воды. От неожиданности все замерли на месте.

– Айда, посмотрим! – первый очнулся от оцепенения Сашка.

– Бежим! – крикнул Пашка, вторя ему, и побежал первым, а мы с Саньком за ним.

Выбравшись из оврага, мы понеслись быстрее ветра к обрыву, где уже не было тропы, ведущей вниз к реке. И половины пляжа, где мы только что барахтались в тёплой прозрачной воде, тоже не существовало. Тропа обрывалась, и под нами был, обрыв метров десять. Земля, желтая глина и камни, перемешавшись, рухнули вниз, похоронив под собой половину шикарного песчаного пляжа. Вода окрасилась в желто-коричневый цвет, образуя большое мутное пятно, постепенно уносимое быстрым течением. По её поверхности ещё расходились волны, унося с собой известия о произошедшем здесь обвале.

– Да-а... А, мы здесь пару минут назад купались! – глядя сверху вниз на всё это, произнёс я. – Задержись на пару минут, и была бы хана босякам!

– Это точно! – подтвердил брат. – Земли то сколько рухнуло!

– Кто бы мог подумать, на волосок от смерти были! – Сашка озирался по сторонам, то смотрел на меня, то на Пашу, словно, не веря в то, что мы остались живы.

– Ну, пойдём, или будем торчать здесь до скончания веков? – поторопил я своих товарищей.

– И вправду, пошли быстрее, а то пирожки стынут, – подтвердил Паша. – Мне больше нравится, их горячими есть, нежели холодными. Кусаешь, а оттуда пар струится из сочных фруктов!

– Пойдём... Пойдём. Да пошли уже, чего встали! – толкая нас ладошками в спину, закричал Сашка, голосом полным страха.

Обратно мы шли молча и быстро. Каждый размышлял о случившемся на берегу. Мне не давала покоя одна мысль, я, то и дело, к ней возвращался и прокручивал её в голове раз за разом. Было непонятно, как твёрдая почва, без трещин, промоин, и сползания грунта в реку могла рухнуть, ведь такие вещи не проходят незаметно. Не найдя ответа выкинул из головы, открыл калитку и первым вошел во двор, следом за мной Пашка и Сашка, тоже молча.

– О, случившемся, никому! Понятно? – сказал я шепотом, и окинул Сашку и брата строгим взглядом. – Зачем стариков беспокоить.

– Ясно, – ответили они хором.

Бабушка стояла у стола и нарезала хлеб, слышав скрип петель, она подняла голову, и посмотрела на нас. Её красивые глаза пробежали по нам с ног до головы, убедившись, что все на месте, она улыбнулась и пригласила нас к столу.

– Вовремя, ребятишки, вы вернулись. Сашка, и ты давай садись ужинать с нами, не стесняйся! Чувствуй себя как дома!

– Ага, но не забывай, что ты в гостях, – продолжил он её слова.

– Не беспокойся, тебя это не касается, – ласково ответила она ему.

– Ба, а можно пирожок? – протягивая за ним руку, спросил Пашка и тут же получил по руке.

– Сначала помой руки, затем борщ и второе, а потом будут тебе и пирожки, и вареники со сгущёнкой и молочко парное.

– Пошли! – сказал я, потащив брата за собой к умывальнику.

Закончив водные процедуры, мы уселись за стол, и принялись методично и с отличным аппетитом уничтожать яства, выставленные на стол.

– Ба, а где деда? – поинтересовался я.

– В Краснодонской, наверно, задержался, – с едва заметным волнением в голосе ответила бабушка Валя. Дед такого никогда не позволял себе. Ужин для него святое, как, впрочем, и обед, и завтрак. Он считал, что совместные обеды и ужины укрепляют семью. Это у них в роду и передаётся из поколения в поколение, но в современной жизни наши родители это упускают из виду, а дед восполнял эти пробелы, воспитывая нас по своим старым традициям.

Переведя взгляд на сидящих по другую сторону стола пацанов, она поняла, что кроме меня никто не заметил её волнения, да и я сделал вид, что ничего не заметил. Мы уже переключились на вареники с красной смородиной и пирожки с яблоками и сливой, а деда всё не было.

– Всё, спасибо. Больше не помещается! – взмолился Сашка, отказываясь от очередной порции предложенной ему бабушкой.

– Может ещё пару вареников? – предложила она снова.

– Баб Валь, вы хотите, чтобы я лопнул?

– Нет, так нет, может молочка?

– Молочка... – задумчиво протянул Сашка, поглаживая себя по животу, – молочка, пожалуй, можно, но чуть позже.

– Ну, вот и отлично...

Тут скрипнула калитка, и во двор вошел дед. Он подошел к жене, взял её руку своей огромной ручищей, поцеловал и накрыл другой. Наклонился, чмокнул в щёчку, и тихим и искренним голосом сказал:

– Извини, родная, так получилось. Я не смог тебя предупредить, – тут он приблизился, чтобы поцеловать ее в ушко, так оно со стороны, в общем-то, и выглядело. Если б не мой слух. Мои барабанные перепонки уловили легкий шёпот. Еще мгновение и дед Павло сидел за столом и с большим удовольствием уплетал горячий борщ со сметаной и большим куском варёного сала (бабушка специально для него отваривала прямо в борще несколько больших кусков сала). Сидя в голове стола, он периодически нас внимательно разглядывал. Покончив

с картофельным пюре и котлетами, перешел к десерту, при этом, не забывая нас изучать, а потом спросил:

– Хлопцы, ходили купаться-то? Как водичка?

– Отличная! Как молоко. Илья то прошёл, а вода по-прежнему тёплая! – ответили мы практически разом. Что вызвало у него улыбку.

Он прищурил глаза, глядя на нас как-то сразу на всех, но и на каждого в отдельности, мне всегда казалось, что, когда он так смотрит, от него нигде не спрячешься.

– Сегодня рухнул берег на Донце, вы слышали? – спросил дед.

– Откуда, мы тут уже давно! – соврал я. – Нас тут бабушка, как поросят перед убоим кормит!

– Если вас бабушка родная кормить перестанет, тогда совсем захиреете. Вашим-то родителям некогда! – отозвалась бабушка Валя на комплемент. – И что, сильно рухнул?

– Да, сильно. Участок где-то метров двадцать длиной и несколько метров толщиной. Эдакий маленький оползень, тонн на сто сорок.

– Кто-нибудь, пострадал? – с тревогой спросила она.

– К счастью никто, но говорят, что кто-то из детей там купался и, по всей видимости, они ушли перед самым обвалом.

– Слава богу, что никто не пострадал, – она перекрестилась и отошла от стола за новой порцией пирожков для деда. Он любил её пирожки до безумия, съедая их порой зараз до десятка. Зная это, она подкладывала ему самые красивые и большие. Это было ещё одним сходством Пашки со своим дедом.

Он оглянулся, проследил за ней любящим взглядом, и, убедившись, что она достаточно далеко, заговорил:

– Молодцы, пацаны, что бабе Вале ничего про обвал не сказали. Не надо её волновать такими новостями.

– Деда ты откуда знаешь? – спросили мы, нашему удивлению не было предела.

– Сорока на хвосте принесла!

Ужин затянулся. Под незатейливый разговор, со свежим парным молоком была опустошена ещё одна чашка с пирожками.

– Дедушка Паша, а вы нам расскажите свою историю? – поинтересовался Сашка.

– Я всегда выполняю то, что обещал. И вам советую держать данное вами слово.

После ужина время словно остановилось. Мы изнемогали, и не могли дождаться той минуты, когда дед освободится. По сути, на всё про всё времени было затрачено немного. Но стрелки часов словно приросли к циферблату, каждая минута тянулась целую вечность.

Солнце склонилось к горизонту, и листья в его лучах окрасились в красноватый цвет. Мы сидели на нашем любимом месте, цокольном выступе с лицевой стороны дома и молча ждали дедушку Пашу.

– Шурик, а ты своим сказал, что будешь у нас? – спросил я. – А то кинутся, а тебя нет. Поднимут шум.

– Я предупредил стариков.

Из-за угла дома, со стороны сада слышались шаркающие шаги. Повернули мы головы как раз в тот момент, когда оттуда вывернул дед. Его небрежно надетая рубашка с новыми полосатыми брюками, что подарила ему моя мама, и коричневые, в горошек, тапочки, смотрелись очень нелепо и даже немного смешно. Не знающий человек пренебрежительно сказал бы «Деревня!». Но мы то, знали его привычки, поэтому даже несколько не удивились. Все знали, что он только что вышел из бани, построенной когда-то им же в глубине сада. Человек купался, надел чистое бельё и вышел во двор, посидеть с друзьями на лавочке или сыграть в лото или карты. Сел рядом, и послал Пашку за стулом. Все-таки возраст уже не позволяет сидеть на камнях, даже пускай прогретых солнцем за целый день. Если человеку восемьдесят, то хочешь

или не хочешь, надо побеспокоиться о своем здоровье. Брат принёс его любимый стул, с резьбой по дереву и мягкими вставками на спинке и сидении. Которые были сделаны из приятного на ощупь и мягкого материала серого цвета, которого я больше нигде не видел. Просидишь, бывало, на нем несколько часов кряду, а попа не уставала и не болела. И подлокотники сделаны очень красиво и удобно, словно кто-то сидел и специально подгонял их под руку. И это у него получилось! Чувствовалась рука настоящего мастера. Дед его называл тронем царя Арты. И, несмотря на свою старость, трон не был подпорчен ни жуками точильщиками, ни гнилью. Если б сейчас такую мебель делали, ей бы износу не было.

Дед сел на свой любимый стул-трон. Посмотрел на великолепный закат, окрасивший в оранжевый цвет полнеба и на первую появившуюся звезду.

– Да, ребята, вы сегодня попали в интересное положение. Не страшно было? – спросив, очередной раз оглядел меня, Пашку и Сашку.

– Сначала нет, даже интересно было! – ответил я. – Потом страшновато стало, когда мы осознали, что задержись мы там ещё на пару минут, и для кого-то жизнь была бы уже закончена. Может даже для всех нас сразу.

– Ещё раз повторяю, молодцы, что бабушке не сказали. Ей нельзя волноваться.

– Деда, мы стараемся! – сказал Пашка.

Дед Павло ещё раз взглянул на небо, и его лицо посветлело. Наверное, он увидел то, чего давно так ждал.

Для нас, подростков, он был непререкаемым авторитетом, поэтому мы ловили каждый его взгляд, жест и старались походить на него. Он сидел, не обращая никакого внимания на всякого рода насекомых, особенно комаров, которые так и норовили укусить или приземлиться, выбрав для этого либо голову, или ухо. Мне очень хотелось поторопить его с началом рассказа, но я не решался этого сделать. Он не просто молчал, а искал тот момент своей жизни, с которого мог бы начать своё повествование. Дедушка не видел смысла рассказывать свою историю с момента появления его на свет божий.

– Начну-ка я свой рассказ, внуки, с того дня, когда меня забрали в армию. И служил я тогда в Новочеркасске, на «Куксах»...

***

Часть находилась на самой окраине города, и занимала большое пространство. В большом здании из красного кирпича, та называемого Екатерининского дворца, располагался штаб и казармы. Строения, узкие и длинные, стоящие параллельно друг другу и дороге, прилегающей к штабу части, были конюшнями, в которых находились кони Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Здесь же располагалась кузница, так как нас обучали кузнечному делу. И весь упор подготовки шел на то, чтобы хорошо подковывать лошадей. И мы учились, хотя не всегда получалось. Это ведь, ребята, не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Всё учение заключается в простых и нехитрых действиях. Лошадь заводят в стойло, берешь копыто, зажимаешь его между ног, снимаешь старую подкову, и напильником счищаешь с него старые слои костяного образования. Затем примеряешь подкову, и прибиваешь специальными гвоздями. Плохо почистил, подкова слетает, лошадь калечит ногу, соответственно выбывает из строя, а тебя под трибунал, вплоть до расстрела, за вредительство. Слишком хорошо сточил, тоже плохо. Слой становится тонким, и если конь сразу не почувствовал, то почувствует при первой же скачке, как гвоздь вонзается в живую плоть и травмирует копыто. Если это произошло сразу на месте, то лошадь может лягнуть, и это поверьте мне, больно. Но это меньшее зло. В противном случае тебя ждёт трибунал. В общем, мне удавалось балансировать где-то посередине. Вы думаете, что мы были честными? Как бы ни так! Иногда прибегали к разным уловкам.

В тот день, по-моему, это был понедельник, я должен подковать одну кобылу. Это своего рода экзамен на профпригодность. Сейчас бы это назвали госэкзаменом перед дипломной

работой. С первой же минуты всё пошло наперекосяк. С начала молот упал на ногу, хорошо, что он был небольшой, но ноге легче от этого не стало. В общем, день начался ни к черту, всё валилось из рук. Тут ещё кобыла почему-то дёрнулась в самый неподходящий момент. Когда я заканчивал подковывать последнее, четвёртое копыто и стесал лишнего. Увлёкся немного! Ну, думаю, хана пришла! Единственный способ всё исправить, это заменить кобылу, на другую лошадь. Но как это сделать? Ведь рядом всё время торчит командир!

Вот здесь мне, первый раз за весь день, повезло. «Хоть что-то хорошего произошло за полдня!», – подумал я.

– Товарищ командир! Обратился к моему экзаменатору подбежавший боец, посыльный из штаба. Он запыхался, но старался говорить четко. – Вас... Срочно требует... к себе товарищ... комиссар!

– Сейчас буду! – отозвался тот.

Подошел ко мне, похлопал кобылу по крупу и сказал:

– Красноармеец Кошляков!

Я вытянулся по струнке.

– Заканчивай, я вернусь и проверю, – и далее продолжил более дружественным тоном, – дождитесь меня обязательно.

– Хорошо, Георгий Васильевич, – ответил я, зная, что на такой ответ он не обидится. Мой отец его знал хорошо, без пяти минут лучшие друзья. Помешала революция. Судьба их сложилась по-разному. Отец мой остался в селе. Потом в колхоз вступил, где вскоре был избран председателем. Его односельчанина Жору революционная бурная деятельность увлекла и протащила по всей России. После гражданской вернулся на Дон, и был прикомандирован сюда как лучший кадровый офицер Красной армии.

Военный из него получился очень хороший, толковый. Единственный его минус в том, что он не любил, когда начальники глупее него. На этой почве всегда возникали конфликты. Те, кто был поумнее, старались не упасть в грязь лицом, даже советовались с ним. А иные убирали его подальше с глаз долой, иногда с понижением в должности и звании. Подальше значит от себя. Вот и сейчас он был командир эскадрона. Зато дисциплину держал жёстко, особенно контролировал боевые навыки и мастерство, а также оружие и лошадей. Всё проверял лично. Ковка лошадей не исключение, здесь он позволял себе особые придирки.

Он говорил «конь друг и спаситель твой, чем лучше ты за ним ухаживаешь, тем больше шансов на спасение у тебя в бою». Впоследствии эта черта характера подвела его под расстрел...

Его чуть сутулая фигура скрылась за углом, и я начал действовать. Первым делом бросился в ближайшую конюшню где, если я не ошибался, в стойле стояла точно такой же расцветки кобыла. Память меня не подвела, лошадь там действительно была, но не кобыла, а конь! Но выбирать не приходилось, авось не заметит. Теперь осталось «самое простое», взять и поменять их местами. Что я, незамедлительно и проделал. Любая задержка была смерти подобна, поэтому, не теряя времени, я бросился подковывать нового коня. Работал усердно, быстро и профессионально, даже сам удивился, что не допустил ни одной ошибки или промаха.

Полное спокойствие наступило лишь тогда, когда последний гвоздь был вбит. Слева возле входа в кузницу лежала большая охалка свежего сена, на которую я решил опустить своё уставшее тело. Думая о том, что это меня вознаградил бог за мои мучения в первой половине дня, я незаметно для себя заснул.

***

Дед на секунду замолчал, посмотрел на небо, и улыбнулся.

– Что там? – спросил Пашка, не сильно заинтересованный его рассказом.

– Знак, это знак. Великий знак для людей посвященных, а таких очень мало. Вон, видите, три звезды выстроились в ряд?

– Где? – спросил я.

– Вот слева от макушки вишни?

– А! Да-да, вижу. Вижу! – закричал Сашка.

Тут и мы увидели, планеты, выстроившиеся в ряд.

– Что это за знак? На что он указывает? – чуть встревоженно спросил я.

– Пока на то, что я вам троим должен рассказать всю свою историю, – ответил дед на мой вопрос.

– Ты заснул, и что же дальше? – напомнил брат, чтобы вернуть разговор в нужное и более интересное русло.

– Да, именно тогда я впервые столкнулся с тем, во что ты Пашка, бисова душа, так не хочешь верить, – продолжил дедушка свой рассказ. – Хотя, что там кривить душой, если бы мне в тот момент рассказали, то же, что и тебе, я бы никогда не поверил во весь этот бред, и ещё потом долго бы смеялся со своими друзьями.

***

Напряжение спало, солнышко пригревало не по-весеннему, меня разморило. Я открыл глаза, дабы убедиться, что поблизости нет офицеров. Но вместо двора воинской части, увидел красивейшее поле, всё усыпанное цветами, от которых исходил буйный аромат. И этот запах разбудил меня окончательно, сначала я с наслаждением вдыхал его полными лёгкими и медленно выдыхал. Дикое поле... Я один... И осознав, что полностью свободен, меня охватил страх. Я сел, опёршись на руки за спиной, ещё раз осмотрел поле. Оно было со всех сторон окружено тёмно-зелёной полосой векового леса. Никаких строений, никаких признаков жизни. Лишь высоко в ярко синем небе кружила пара птиц, очень похожих на соколов, хотя может и орлов. Они парили на такой высоте, что невозможно было разглядеть. Страх прошёл, но волнение оставалось.

– Нет, на такой высоте не увижу, – вглядываясь в бездонную синеву неба, произнёс я, страх от произошедшей смены места начинал вползать в мою душу, но соколы привлекли моё внимание.

Потом снова опустился на спину и стал наблюдать за пернатыми. Соколиная пара то поднималась на большую высоту, так, что я терял их из виду, то вновь спускалась. Иногда облетала все поле, высматривая себе добычу. Паря в тёплых потоках воздуха у противоположного края зелёного поля, что-то заметили и закружили на одном месте. Наверное, увидели свою добычу. Внезапно одна из птиц, та, что покрупнее, ринулась вниз с огромной скоростью. Я подхватился и присев, увидел, как сокол взмыл вверх, держа в своих крепких когтистых лапах трепыхающееся животное, похожее на зайца.

За спиной послышался шорох травы, словно кто-то крался. Мой слух обмануть нельзя, страх вновь окутал меня. Всё-таки незнакомая местность. Мало ли чего! Подчиняясь инстинкту, я снова опустился на траву, перевернулся на живот, не спуская глаз с того места, откуда, по моему мнению, должен появиться непрошенный гость. И он не заставил себя долго ждать. Лицо старика, высунувшегося из высокой травы, выражало удивление, но гость быстро справился с ним, вернув своему лицу абсолютное спокойствие, он жестом показал следовать за ним. Никто кроме того старика не видел моего лица. В ту минуту мне казалось, что моему удивлению и страху не будет конца.

– Ты кто? – пересиливая себя, спросил я незнакомца.

– Тс-с! – прошептал старик, приложив палец к губам, и снова поманил меня жестом, следовать за ним.

Моё шестое чувство подсказывало, что надо не сопротивляться незнакомцу, а сделать всё, как он просит, в данной ситуации мой страх, был мой враг. Старик остановился, прислушался. Покрутил головой то влево, то вправо, вдруг замер, ещё через секунду-другую он уже лежал ничком на земле, приложившись к ней ухом.

Тихо приподнялся на локтях и заскользил в траве, словно змея, а не человек. Мне ничего не оставалось делать, как продолжать двигаться за своим проводником.

Постепенно и мой слух уловил топот копыт. Он всё приближался и приближался, становясь всё громче. Стало по-настоящему страшно, затряслись поджилки. Старик, очевидно чувствуя приближающуюся опасность, увеличил скорость передвижения, при этом, практически не приминая под собой сочной травы. Я тоже поднажал, стараясь не отставать от него ни на сантиметр. Скажу честно, держать такой темп, даже для молодого и тренированного парня, как я, оказалось очень сложно, да и двигался не так грациозно. Особенно если к этому добавить какое-то колючее растение, кое всё время так и норовило угодить под мои колени и локти. Внешне оно очень похоже на нашу ежевику, растущую большими кустами в оврагах, разве что колючек больше, и они поострее будут, да стелется по земле.

Наконец мы добрались до кромки леса, которая послужила нам укрытием. Старик, добравшись до места, где молодая поросль создала естественную преграду от глаз человеческих, снова показал мне жестом следовать за ним по едва заметной в зарослях «волчьей ягоды» тропинке и скрылся в поросли. Чуть поколебавшись, я тоже нырнул в чащу. Идти пришлось недолго, шагов десять или пятнадцать, в самую гущу молодого подлеска. Тропа вывела меня на очень маленькую прогалину, где на поваленном дереве сидел мой новый знакомый.

– Присядь, – пригласил он, хлопая ладошкой по гладкому стволу.

Я покорно сел рядом и посмотрел на свои, слегка дрожащие от волнения и напряжения руки, потом перевёл взгляд на старика и посмотрел на него в упор, пытаюсь понять, что это за человек, враг он мне или друг, и чего можно от него было ждать.

– Ты лучше, чем я думал, – загадочно произнес он.

– Не понял?!

– Складный молодец. Нам таков и нужен.

– И чо?

– Не перебивай, это неуважительно. Я початай в деда гоюсь.

– Старик, да ты говори на русском языке, чего тебе надо. А то лепечет, не пойми, чего! – я от волнения и не понимая сплю я или нет, размахался руками, едва не задев незнакомца, но тот и бровью не повёл.

– Извини Павло, тебя так, по-моему, величают? Я волнуюсь, – мой собеседник опустил голову и принялся нервно тереть пальцы рук.

– Да не волнуйся батя, – заговорил я спокойней, видя, что и того трусит от неизвестности, это придало мне сил, – хоть я и здоровяк, но добрый в душе. Позволь спросить, откуда ты моё имя знаешь, мы ведь незнакомы?

– Поведаю. Что ж не поведать-то. Сказ у нас издревле идёт, что появится в наших землях молодец бойкий, да удалый, Богами одарённый.

– С чего взял, что это должен быть я? У вас тут чужих людей много бывает, может кто-то из них.

– Бывает не скрою, но они всё чаще приходят злые и с оружием, да со степей. А ты с неба пришёл.

– То есть? – удивлению моему не было предела. Такого поворота никто предвидеть не мог. Поначалу всё происходившее я принял за сон, и несколько раз сильно ущипнул себя за бок.

– Не помогло? – улыбаясь, спросил незнакомец, разгадав мои мысли.

– Что? А это! Нет... Похоже, что я не сплю...

Где-то совсем неподалёку раздались дикие, почти нечеловеческие крики, топот копыт, от которого задрожала земля.

– Что это? – встревожился я.

– Да, ничего страшного, это князя выясняют отношения.

Звон мечей, крошащих всё на своём пути, разносился по всей округе. Птицы и мелкие зверьки разбегались во все стороны, встревоженные звуками кровавого сражения и топотом коней ратных.

– Мы в безопасности, – успокоил меня старик. – Извини, я продолжу. Ты появился в воздухе и плавно опустился в траву. Я благодарю БОГА, что последнее время шли дожди, и трава уродилась высокой. Она и позволила спасти твою жизнь. Ты опустился как раз в том самом месте, где сею минуту идёт жаркая битва.

Шум боя не затихал, а наоборот, набирал силу, становясь, всё ожесточённое. Битва была в самом разгаре, и нам было неизвестно, на чьей сейчас стороне перевес.

– Не спрашивай меня, как я нашел тебя, – с этими словами старик стал рыться у себя за пазухой и вдруг, извлёк оттуда что-то завернутое в потёртый, местами порванный полиэтиленовый пакет с некогда красивым рисунком на нём. Это сейчас пакетов, каких хочешь! Маленьких и больших, в магазинах валом лежит и то, мы их стираем как вещь, а не выкидываем, а тогда даже для меня он был в диковинку. А тогда их и в помине не было, даже мечтать о них никто не мог. Старик развернул старый, как он сам, пакет белого цвета с почти стёртыми буквами и цифрами, наверное, это были телефоны какой-то фабрики, чья реклама располагалась на пакете, и извлёк оттуда, чем меня действительно невероятно удивил, книгу в твёрдом переплёте!

– Вот, лучше почитай сам, – протянул он мне книжку.

– Где закладка лежит? – спросил я, беря её из рук старика.

– Да, прямо сверху и читай.

– Угу, – я открыл книгу на нужной странице.

Текст был напечатан красивым ажурным шрифтом, довольно большим и приятным для глаз.

«Когда для вашей деревни наступят плохие времена, в тот год солнце будет закрыто луной и день станет ночью, появится человек и будет он тем, кто вам нужен. Он тот, кто спасёт вас от полного вымирания и забвения в истории...».

«Интересно, – подумал я, – а как же он узнал то место, где мне суждено было появиться? Да и затмения, я что-то не видел!»

Перевернув страницу, я увидел рисунок, не оценив его художественные качества, и уже собирался закрыть другим листом, как вмешался старик:

– Это ты! – он возбуждённо ткнул пальцем в рисунок. – Открой шире свои очи!

Я вернул страницу на прежнее место и принялся разглядывать изображение. И, правда, вот лес, и поляна похожая на ту, что попал я.

«Интересно, я ли это!?» – размышляя, я взгляделся в портрет, потом отодвинул от глаз. Нет, конечно, не зеркальное отражение, но всё-таки это я, сижу в траве, смотрю на птиц, парящих в небе.

– Ну, хорошо, убедили практически во всём. У меня есть один вопрос.

– У тебя, их будет ещё много, – пробурчал себе поднос незнакомец.

– Что? – не понял я.

– Нет, всё в порядке. Я слушаю тебя.

– Вопрос, как зовут моего спасителя? Во-вторых, не ясно, как было узнано моё имя. Или опять из книги?

– Святогор, – ответил дед и протянул руку. Я принял его сильное рукопожатие. – Открой следующую страницу и всё узнаешь!

– Хорошо, – я перевернул лист и начал читать.

«Вас, тех, кто читает эту вселенскую книгу, и все ваше племя Росов ждёт смерть, если Павло погибнет, и смерть его настигнет в тот самый момент, как он ступит на вашу землю...».

– Всё, хватит! Книга у вас грустная такая! – закрыл я её, и протянул хозяину, лишь быстро пробежав глазами по её названию «Предсказание древних мудрецов современности». Что хотел этим сказать автор, я так и не понял, но стало как-то не по себе. Мурашки побежали по спине, и холодный пот выступил на лбу. Хотелось проснуться.

– Предание гласит, что именно тебя мы ждём столько лет, ты поможешь нам? – в его голосе прозвучало столько любви и уважения, нет, скорее мольбы о помощи, что мне даже не приходило в голову отказать ему.

– Постараюсь вам помочь. Мне не нравятся красивые слова, которыми привыкли все разбрасываться. Каждое слово должно подкрепляться делом. Когда мне изложат всю проблему, я сделаю всё, что от меня зависит. Вот тогда и скажете, помог я или нет. А пока, я просто Павло или Паша, кому как больше нравится. Если что-то не так, говорите сразу и прямо. Мне не по нраву всякие там пресмыкания, жополизство и прочая дребедень...

Святогор упал на колени, и начал отбивать поклоны и целовать мои ноги.

– Отец, брось ерундой заниматься! – возмутился я его неожиданным поступком, и одним мощным рывком поставил старика на ноги. – Я вырос в деревне, – продолжая говорить спокойным голосом, как будто ничего не произошло, – вы для меня господин, потому как умудренный годами человек. А я молод и не так умен, как вы, поэтому прошу вас, никогда не называйте меня господином или ещё что-нибудь в этом роде.

– Я знал, что это ты! Я верил в предсказание наших предков! – продолжал лепетать, всхлипывая при этом, Святогор. – Он Русский! Русский!

– Ну ладно, ладно причитать-то. Я русский и вот, стою рядом с тобой, могу доказать! – и быстро, но сильно ущипнул старика, тот в свою очередь вскрикнул от боли и счастья, и сразу замолчал. – Вот так уже лучше! Бери себя в руки и пошли, мы же не можем сидеть тут без дела? – подзадоривал я его, хотя у самого кошки скребли на душе. – Нас ждёт работа, а ты нюни распустил!

– Нас ждут великие дела! Извини, немного растрогался. Ты дело всей моей жизни. Я боялся, что уйду по тропе предков раньше, чем ты появишься. Если б ты погиб, то я бы умер на том же самом месте! Такого позора было бы мне не перенести. Поэтому последние дни я крутился здесь в округе, чтобы не прозевать твоё появление.

– Что же тебя убедило на долгое сидение в кустах? – спросил я.

– Ты! Я узнал от своего родственника, что два знатных воина будут выяснять из-за бабы отношения на этой поляне, и поэтому боялся, что попадётся им под горячую руку. А они, это не те молокососы, что будут долго с тобой церемониться! О да, пока не забыл! Дайка я на тебя взгляну...

Он осмотрел меня с ног до головы.

– И что?

– Тебе нельзя появляться на людях в такой нелепой одежке. Надо сменить наряд. И чем скорее, тем лучше!

– Где мы возьмём всё это? Здесь густой лес! – удивился я.

– Там! – Святогор указал пальцем в сторону поля, где проходила кровавая схватка.

– Мне кажется, это плохая примета снимать одежду с мертвеца, – засомневался я в предложении Святогора.

– Никогда не слышал о такой примете. Если из пугливых, это всё постираем и проведём обряд очищения.

– Звучит обнадеживающе! – хмыкнул я, почёсывая затылок. – Святогор, в твоей книге сказано, что луна должна прикрыть солнце, но я что-то этого не видел?

– Если ты не видал, это еще не говорит о том, что этого не было! – спокойно ответил мне старик. – Ты тогда был не в себе! Лежал в траве после падения.

– Понял, вопросов больше не имею!

И мы, не говоря больше ни слова, двинулись к краю поляны, на которой разыгралась кровавая драма. Очевидно, в битву вступили третьи силы, или дружинники князей. Раздвинули молодые побеги осины и волчьей ягоды, и увидели жуткую картину. Битва утихла, оставив после себя страшные следы жестокого боя. Трава, некогда покрывавшая землю сказочным ковром, превратилась в красно-зеленое месиво. Повсюду валялись окровавленные трупы людей и животных. Неподалеку паслись две осёдланные лошади, потерявшие своих хозяев, пощипывали травку и изредка нервно ржали, призывая своих хозяев. Стоявшую тишину изредка нарушало карканье воронья, слетевшегося со всех окрестностей на запах крови и ждущих своего часа, когда они смогут приступить к своей долгожданной трапезе.

– Пошли, – сказал я, – уже никого нет.

Мы уже собрались выйти из своего укрытия, как старик меня остановил, ухватив за руку, и отдернул назад, указав куда-то в поле.

– Что за чёрт! Как я их не заметил! Вот лопух! – я едва не разразился трёхэтажным матом, когда увидел двух живых человек на поляне. Непростительная была оплошность.

– Ничего страшного, – успокаивал меня, Святогор. Воины сидели в траве и делили добычу. Их кони чуть дальше пасутся, ближе к противоположной стороне поля.

– Это был мой промах, но я исправлюсь. Надо быть внимательней! – в сердцах ругал я себя.

– Уйдут, тогда и займёмся делом.

Сбор и дележка трофеев выглядела очень просто, быстро и противно. Они ходили среди трупов и снимали с них все драгоценности, а также оружие, которое можно выгодно продать, так же поступали с доспехами и седлами коней. Не гнушались даже брать золотые зубы. Они выбивали ногами те, которые не могли вырвать руками.

– Смотрите, у них там что-то происходит! – привлёк я внимание старика Святогора, который давно потерял интерес к происходящему на поляне.

Он аккуратно раздвинул ветки и внимательно посмотрел на двух мужчин, облачённых в боевые доспехи.

– Они ссорятся из-за какой-нибудь золотой безделушки, – предположил старик. – Посмотри, тебе это может пригодиться. Будет легче понять наш мир.

Парни явно что-то не поделили, и страсти у них всё больше накалялись. Тот, что справа, сложением покрепче, да ростом повыше, косая сажень в плечах, с каждой секундой всё больше нависал над своим оппонентом. Его руки жестикулировали перед носом второго, которого казалось, было невозможно ничем напугать. Хоть ростом он был невелик и сложением не вышел, но стоял прямо и не сводил глаз с громилы, в общем, вёл себя совершенно уверенно.

Иногда до нас долетали отдельные фразы их разговора. Амбал орал как резанный, второй говорил тихо, но твёрдо и не отступался от своих слов, сказанных ранее. Здоровяк схватился за свой меч, висевший у него справа, очевидно, он был левша, и больше уже ничего не смог сделать, так как правой рукой схватившись за горло, упал в траву.

Коротышка оказался быстрее и опытнее, он словно ждал этого момента. Его рука автоматически выхватила из ножен острый кинжал, которым полоснула по горлу противника. Убийца подождал, пока тело жертвы перестало шевелиться, наклонился, сорвал пучок травы и тщательно вытер им лезвие своего ножа. Закончив, откинул траву в сторону, ещё раз взглянул на своего поверженного соперника, сплюнул на его бездыханное тело с презрением и отошёл в сторону. Затем осмотрелся по сторонам, нашел взглядом своего коня и свистом подозвал его к себе. Вслед за ним пошла и другая лошадь.

– Отлично! – радостно крикнул он, потирая руки. От его крика взлетели, возмущаясь, несколько птиц, успевших сесть на окровавленные трупы, и уже начавших с великим удовольствием лакомиться, свежей мертвечиной.

– Это Лев, князь Усть-Реченский, – прошептал, мне на ухо, Святогор. – Говорят он честный, справедливый, но очень жестокий человек.

– Угу, в нашем мире по-другому честным людям и не выжить, – согласился я. – Хотя смахивает на бандита с большой дороги. И жадный.

– Он не гнушается ничем. Забыл лицо отца своего! Это его ребята перебили князей и их свиты, но очевидно не рассчитали силы, остался сам князь Лев и его сподручный. И это, очевидно, им тоже было на руку. Добычи больше, да и делить легче.

– А в конце и вовсе, пришлось пустить на тот свет и последнего... Так что делить теперь вообще ничего не надо...

– Он забыл лицо своего отца.

Князь тем временем связал в два тюка свои трофеи, закрепил их на второй лошади, ещё раз огляделся и вскочил в седло. Взял под уздцы коня бывшего боевого товарища, и стал приближаться к нам. Мы замерли. Подойдя к краю лесу, он свернул влево, и двинулся вдоль него. Чтобы не маячить у всех на виду посреди поля. А также в случае опасности в нем раствориться.

– И не боится же один бродить по этим лесам! – настороженно бросил я, когда тот скрылся из виду.

– Князь из лучших воинов во всей округе, среди людей. Но живёт, не по заповедям предков.

– А что у вас тут живут ещё и не люди?

– Нонче да.

– А раньше? – спросил я.

– Давеча они жили в горах за двумя большими реками. Так старики сказывали. Но никто их никогда не видел.

– Святогор, по дороге мне расскажешь, а сейчас давай делом заниматься! – прервал я слова старика и вышел на поляну. Тот за мной, на всякий случай, оглядываясь по сторонам, опасаясь неожиданного появления незнакомцев.

Мы ходили по полю от трупа к трупу, ища подходящую по размеру одежду. Зрелище было ужасным! Искалеченные и обезображенные тела лежали повсюду в самых невероятных позах. У одного не было головы, у другого отсутствовала правая рука и живот пропорот, да так, что кишки вывалившись наружу, лежали в его левой руке. Так и умер бедолага с внутренностями в руках.

– По-моему, в вашем магазине моего размерчика нет! – вздыхая, пошутил я.

– Надо поискать.

– Я знаю, где её можно взять! – вдруг воскликнул я, порадовавшись осенившей меня идее, и направился к погибшему от руки князя здоровяку.

Тога и малахаи, они же штаны, оказались в самый раз, а с башмаками, или курпами, вышла беда, они были на размер меньше. Как я ни пытался, ничего не получалось. В конце концов, дабы не натереть ноги, бросил эту затею. И тут мне в голову пришла ещё одна идея, и я её озвучил.

– Сколько идти до деревни? – спросил я. – В верстах, в днях. Я не знаю, в чём вы тут замеряете!

– Две ночи и три дня, – ответил старик, он по-прежнему смотрел на меня с любопытством и благоговением.

– Отлично! А, по пути мы можем зайти к обувщику?

– Могём, – не сводил он с меня удивлённого взгляда.

– Я сейчас иду в своих армейских сапогах, а потом, когда раздобудем нормальную, то есть вашу местную обувь, тогда переобуюсь. Риск, конечно, есть, но не такой большой, как если бы мне идти в своей военной форме.

– Действительно! – удивился старик. – Почему я не додумался раньше! Ведь люди на обувь почти не смотрят.

– Ну, вот и нашли выход из положения, – обрадовался я. – Только ты мне этот, ну-у... Ну, вот этот обряд, про который ты мне говорил, проведи, хорошо? А то я, как-кто, к покойникам не очень...

– Конечно, – задумчиво ответил Святогор.

К лесу шли молча, лишь трава под ногами приятно шуршала. Старика явно что-то тяготило, но он не показывал вида. А я и не хотел навязываться. Мне всегда казалось, что если у человека есть проблема или вопрос к другому человеку или по поводу другого человека, то надо не тянуть, а говорить в лицо сразу и на месте. Так честнее, да и легче. Такт сказать сразу, расставить все точки над «і».

Проходя мимо всадника, задавленного своим же конём, я заметил какой-то ржавый предмет, лежащий рядом около меча этого воина.

– Что это, – прошептал я.

– Где? – спросил мой новый знакомый.

– Вот лежит, рядом с телом воина? – не обращая внимания на старца, я перешагнул через покойника. Отшвырнул ногой его отделанный золотом клинок и поднял с земли грязный, поеденный ржавчиной старинный меч.

Неожиданно для меня самого, едва он лёг мне в руку, все мои чувства обострились. Зрение стало, как у орла, пятикопеечную монету мог увидеть с пятисот метров. Слух просто взорвал мою голову, позволяя слышать такие вещи, о которых я даже не мог и подозревать! А нос?! Во что превратился мой нос? Я словно стал дегустатором духов и одеколонов. Носовые пазухи были заполнены разными запахами, там всё так перемешалось! Запахи трав и цветов, крови и пота, пролитых людьми во время схватки, и приторно сладкий с тошнотворной горчинкой, дурманивший сознание запах, от которого хотелось убежать подальше и побыстрее, запах Смерти! Я слышал рассказы стариков когда-то в детстве, что некоторые их знакомые чувствовали запах бабки с косой, но мне представился случай ощутить его на себе. И потом ещё много раз буду чувствовать этот запах, от которого всех бросает в дрожь, как людей, так и животных. Природная сила мощным потоком потекла по телу, разливаясь по всем моим жилам. Я стоял, как вкопанный, боясь спугнуть эти новые для меня ощущения. Правая рука взялась за рукоять старого меча и поднялась его вверх. Словно хотела остриём, дотянуться до небес и показать его всем Богам. В кончиках пальцев ног появилось покалывание, постепенно переходя на всю ступню. Покалывание перешло в лёгкое жжение, через секунду ступни уже горели так, что не было сил терпеть. Я посмотрел вниз на свои ступни и увидел нечто, похожее на чудо, они светились каким-то волшебным, неземным светом, и этот огненный шар, окутывающий божественным пламенем мои ноги, разгораясь, становился всё больше и больше. От возбуждения, боли и страха, я закричал, во всю мощь своих лёгких.

– А-а-а-аа-а!

Огненный шар стал медленно подниматься по ногам вверх. Всё выше и выше. Следующая остановка была на груди. Боль была невыносимой, и я продолжал кричать.

– А-а-а-ааа-а!

Шар, осветивший белым светом всё поле, стал сгущаться вокруг головы. Принимая всё более желтый и матовый цвет, пока не стал похож на солнце, и тогда молниеносно взмыл в небо, пройдя через мою голову, руку и меч, с кончика которого устремился в небесную синеву, оставляя за собой яркий след, который, как тонкая нить, связал меня с Богом, или с Ангелом. Горло сильно пересохло, воздух в лёгких закончился, и я рухнул в траву обессиленный, раскинув ноги и руки по сторонам. В голове все перевернулось. Какие-то рыцари скачут на чёрных вороных конях, от стука копыт голова едва не лопается... Вот страшно морщинистый седовласый старик куёт меч, и от жара кузнечной топки моё тело прошибает пот, словно я стою

возле раскаленной домны, где плавят сталь... Вдруг из темноты набросилось на меня чудовище... Или нет?! Это человек, но почему у него огромные клыки? А! Это проклятый вампир решил попробовать моей кровушки. На, получай, сволочь, своё! С размаху я вбиваю ему в грудь осиновый кол, а левой рукой сношу этому исчадию ада голову. Солнце, яркое солнце, оно выжигает всё, и землю, и живую плоть. Мою плоть. Тьма, холод, запах плесени и гноя. Вонь. Свет неоновых ламп. Блеск металла перед глазами. Прошел мимо... Жар, испепеляющий тело... Холод. Серебро, смерть вампирам. Тепло сменяется адским холодом. Снег! Яркий, белый снег... Глаза не могут на него смотреть, они болят и кровоточат. Тьма окутала меня. Кромешная тьма и я кричу!

– А-а-а-а...

...и открываю глаза. Ночь. Надо мной чёрное небо, усыпанное миллиардами светящихся звёзд. Прохладный ветерок обдувает моё лицо. Запах травы, перемешивается ещё с чем-то. Этот второй, какой-то отталкивающий, неприятный. Это она, чёрт её возьми! Подлая старуха, воняла! Приподнимаюсь на локтях, пульсирующая боль в голове становится невыносимой. Застонал и снова упал на спину и заснул, крепко заснул.

***

– Всё внучки, устал! – дед встал со своего кресла. – Уже поздно. Всем пора спать. Завтра продолжим. Спокойной ночи! – и пошел в дом.

Я, Пашка и Санек сидели молча, каждый был погружён в свои собственные мысли.

– Ладно, чего сидеть все равно ничего не высидим! – первым попрощался Сашка. – Пока, завтра увидимся!

– До завтра! – ответили мы ему хором, и так же молча отправились спать. Не знаю, как брат, а мне спалось плохо. Всю ночь меня преследовал кошмар, причём я его уже как-то видел, и не так давно. Проснулись мы поздно утром, не сами конечно. Бабушка разбудила. Вкусно позавтракали и пошли в деревенский магазин за хлебом.

Погода была пасмурная, дул прохладный северный ветер, остужая раскаленную землю. Черные тучи висели очень низко, грозя вот-вот обрушить тонны прохладной воды на сухую почву и нам на головы.

– Будет дождь, – высказал я свой прогноз погоды на ближайшее время.

– Причём скоро, – продолжил брат ход моих мыслей, – вон видишь, чёрная туча заходит.

Шли мы по пустынной улице и наслаждались природой и свежими деревенскими ароматами, то сеном слева пахнёт, то справа навозом...

– Что ты думаешь по поводу дедушкиного рассказа? – иронично улыбаясь, спросил Пашка.

– Не знаю, я ещё не определился. Вот когда он закончит его, тогда я выскажу своё мнение.

– Логично. Пожалуй, мне тоже надо потерпеть. А то игра в одни ворота мне не по душе.

Повернули налево, показался приземистый домик с двумя приступками у двери и козырьком из листа железа, давно не видевший краски. С огромной надписью под самой крышей: «СЕЛЬПО»

– Пойдём вместе или я сам сбегаю, а ты тут посидишь? – спросил я брата.

– Беги, я на ступеньках посижу, там душно.

Оставив брата на улице, сам вошёл внутрь магазина. Магазин был пуст, за исключением хлебного отдела. Там в небольшой очереди стояло человека четыре, первым у прилавка был Сашка.

– Валерчик привет! – крикнул он и замахал мне рукой, подзывая к себе. – Давай быстрее, наша очередь подошла!

Недолго думая, не обращая внимания на негромкое возмущение взрослых, я подскочил к прилавку и протянул продавцу, худой как велосипед женщине, сорок копеек.

– Две буханки хлеба, пожалуйста, – вежливо попросил я. Деньги были забраны и со звоном брошены в кассу. А две буханки румяного хлеба были небрежно брошены на стол.

– Мне тоже две буханочки, – попросил Сашка.

Сложив свои покупки в хозяйственные авоськи, вышли из магазина на улицу, где нас ждал Пашка.

– Санька, привет. Как ночь? – с издёвкой в голосе спросил Паша.

– Ночь была ужасной.

– Да ладно! – недоверчиво усмехнулся брат.

– Серьёзно! Ни выпался ни фи́га.

– Что, тоже ужасы снились? – засмеялся брат, – Ха-ха-ха! Валерку, ха-ха, тоже всю ночь вурдалаки грызли! Ха-ха-ха! Всю ночь не давал спать!

– Правда? – серьёзно спросил Сашка меня.

– Не помню кто, что, но страшно было очень! Заснул под утро. А тебе что снилось? – с интересом поинтересовался я.

– На меня дерево падало всю ночь, и я умирал раз двадцать за ночь! Ёлки палки, чуть не поседел.

– Пошли, – сказал Павел, увлекая нас за собой, – а то дождь с минуты на минуту хлынет нам на головы...

И, правда, не успел он закончить фразу, как на небе появились молнии, и громыхнул раскатистый гром.

– Ну, вот накаркал! – возмутился я и толкнул брата в сторону обочины, на траву.

Гроза приближалась. С неба, ветром доносило мелкие как пыль капельки дождя, словно брызги от большого и шумного водопада.

Наша компания прибавила шаг, всё-таки не очень хотелось промокнуть.

– Мне, нравится такая погода! – сказал я, – Могу часами ходить, пока не надоест.

– Или пока не промокнешь! – подначил Пашка.

– Нет, дождь должен быть маленький, как сейчас...

БА-БА-А-АХ! Донеслось с неба.

– ...или чуть крупнее, а я, должен одет так, чтобы не промокнуть, – закончил я свою фразу.

Опять сверкнула молния, и снова раздался гром. День постепенно превращался в ночь, обещая хорошее светопреставление.

Мы шли пока ещё по сухой грунтовой дороге, идущей по узкой деревенской улице, но вскоре она обещала превратиться в одну сплошную грязную лужу. Впереди, в нескольких метрах от нас, перебежала дорогу одинокая сбита с толку громом серебристая курица с лохматыми ногами, деревенские жители таких называют «лохмоножками».

Неожиданно для всех Сашка остановился и, прикусив нижнюю губу побледнел. И в ту же секунду из-под его ног вырвался смерч, пролетел метров десять и распался. Наш дружок стоял как вкопанный телеграфный столб, а его глаза покинули свои орбиты.

– Саня, ты чо? – удивился я, тронув его за плечо.

Он заорал так, что моё сердце едва не покинуло своё убежище в груди, оставив в ней большую дыру.

– На-за-а-ад! Всем назад!

Пашка, я и курица, не успевшая перейти на другую сторону дороги попятились назад. В тот же миг, когда ноги понесли тела назад к нашему другу, молния ударила в огромный пирамидальный тополь, росший у края дороги, который с треском упал на то место, где только что мы стояли, похоронив под собой курицу, не успевшую вернуться в исходную точку своего путешествия. Макушка могучего дерева упала на стоявший с противоположной стороны улицы дом. Грохот и шум был слышен во всей деревне, осколки шифера разлетелись по сторонам.

В нас вселился страх. Мы не могли пошевелить ни рукой, ни ногой. А дождь всё усиливался, капли стали величиной с копеечную монету.

Пашка пришел в себя первым, огляделся, оценил ситуацию, встряхнул меня за плечи и сказал.

– У Санька шок. Надо что-то сделать!

Сашка сидел на дороге, раскинув ноги, и раскрытым ртом хватал воздух, из глаз его текли ручьями слёзы, трясущейся рукой, он показывал вперёд, на упавшее дерево. С криками и воплями на улицу выбежали люди. Началось суета и лёгкая паника.

Я подскочил к своему другу, хорошенько встряхнул его и попытался поставить на ноги. Мои попытки успокоить товарища не увенчались успехом. Он всё время опускался вниз и шлёпался в грязь, словно ноги его были сделаны из ваты. Дождь лил уже как из ведра. Вода потоками лилась отовсюду.

– Хлопцы, с вами всё в порядке? – спросил мужик из соседнего дома.

– Да, но вот у Саши, по-моему, шок.

– Сейчас мигом исправим. Машка, тащи нашатырь! – крикнул он своей жене.

Женщина была полной, и показалось мне, что флакончик с нашатырным спиртом мы ещё нескоро увидим, но мой вывод был ошибочным.

Машка, несмотря на свои габариты и массу, оказалась проворной и шустрой.

– Что стряслось? – спросила она, протягивая мужу пузырёк.

– Да вот, казачонка, чуть деревом не зашибло, так он в шоке от радости, что, жив! – ответил шутливо он.

– В рубашке родился. А ну-ка, отойди, – отодвинула она мужа.

Присела на корточки перед Сашкой и отвесила две неслабые пощёчины, сначала правой затем левой рукой. Третьего раза не понадобилось, в глазах мальчишки появился огонёк жизни, и на щеках появились розовые пятна.

– Я... Я... Видел... Мы, умерли! Это всё сон! – кричал Сашка.

– Тише, тише сынок. Тише, уже всё позади. Это всего лишь дождь. Тёплый летний дождь! – успокаивала его Мария. – Мы с тобой и твои друзья тоже здесь. Мы все здесь. Поплачь, поплачь сынок, тебе легче будет!

Человека в состоянии сильного шока я видел впервые, смотреть на это было страшно, но безумно интересно и не поверю тому человеку, который скажет, что это не так!

А дождь всё набирал силу. Грозовой фронт прошел, а вода лилась с небес сплошной стеной. Жители, видя, что в такую непогоду помочь соседям им не представляется возможным, стали расходиться, обещая пострадавшим от падения тополя помочь, но после того как прекратится ливень.

Мы с ужасом смотрели на Сашку.

– Всё нормально, не переживайте, она у меня врач, – услышали мы мужской голос.

– Правда? – надтреснутым голосом от волнения спросил Пашка.

– Конечно! Можете, сами убедитесь, ему уже лучше.

Наши глаза были прикованы к ним обоим. Женщина медленно поднималась и с ней начал подниматься Сашка. Он плакал, и что-то неразборчиво бормотал себе под нос.

– Идёмте в дом! – скомандовала Мария.

И все, послушно гуськом следуя друг за другом, пошли за ней. В комнате было тепло и сухо. Пашка и я остались стоять в дверях. Нашего друга усадили на стул и стали обтирать полотенцами.

– Вася, налей всем горячего чая, ему отдельного нашего из «спец» состава! – задорно сказала женщина.

Василий Иванович, так звали её мужа, вышел на кухню и, проходя мимо нас, на ходу бросил нам:

– Пацаны, не стойте столбами. Пройдите в ванную, там выжмете одежду, вытретесь, и бегом за стол чай пить!

Тогда я не мог понять, почему они вели себя так, словно ничего не было, ни ужасной грозы, ни падения тополя, в один момент мне даже казалось, что им доставляет радость случившееся. Это потом мне объяснили, что это специально так делается профессионалами для создания тёплой радушной обстановки, в которой людям, испытавшим шок, становится лучше, и они быстрее приходят в себя. По выходу из ванной комнаты, чашки стояли уже на столе, чай, налитый в них, дымился легкими струйками пара.

Сашке тоже принесли особый напиток, от него по всей кухне распространился приятный запах, сравнимый лишь с букетом весенних цветов.

– Что это так божественно пахнет? – спросил Пашка. – Не чай, это точно! – и понюхал свою чашку, наполненную до краёв.

– Это как раз-таки чай! – ответил, улыбаясь, Василий Иванович. – И он травяной, состоит из разных лекарственных трав. Их там столько, что даже всех наименований и не упомнишь!

– Каких? – брат всегда расспрашивал людей, вплоть до самых последних мелочей, но всегда чётко знал, где и когда нужно остановиться.

– Точно не помню... Чабрец, душица, мята, валериана, молодые листики вишни и прочие, их лишь добавляют в разных количествах и пропорциях, всё зависит от конкретного случая, – очень спокойно, словно понимая серьёзность, заданного вопроса, ответил Василий Иванович, – если хочешь, то Мария напишет тебе рецепт.

Сашку стало заметно лучше. Лицо перестало быть бледным и на белой коже начал проявляться первый румянец, прекратилось невнятное бормотание, похожее на бред сумасшедшего. Одни лишь руки продолжали предательски дрожать, это указывало на то, что парень не совсем оправился от испуга.

– Саша тебе лучше? – тихим, мягким голосом спросила Мария Петровна, или просто Машенька, но лишь для своего мужа.

– Угу, – ответил он, делая ещё один глоток специально приготовленного для него горячего тонизирующего и успокаивающего напитка.

– Чего ты так испугался, сынок? Если тебе трудно, то не отвечай.

– Мне... Мне... – его голос в очередной раз предательски дрогнул.

– Тише, милый, тише! Уже всё хорошо, тебе сейчас ничего не угрожает, – успокаивала она его.

– А Валерка и Пашка! – вдруг испуганно закричал он. – Они погибли? Что с ними? Я хочу знать всю правду!

– Нет, – очень ласково ответила ему Марья Ивановна, и по-матерински прижала его к своей большой груди, – успокойся милый, вон смотри, сидят за столом, живые и невредимые! Ну что ты, перестань!

Первый раз за последние полчаса он обратил на нас внимание. Мы ему улыбнулись в ответ, ни у кого из нас не оказалось ни одного слова. Он тоже робко улыбнулся нам в ответ, словно, не доверяя своим глазам. И стал говорить. Говорить.

– Я шёл, нет, мы шли из магазина. И тут я увидел то, что мне приснилось! Сегодня ночью у меня был сон. Он повторялся всю ночь, прокручиваясь, раз за разом, как я ни пытался от него отделаться, ничего не помогало! На нас троих, падало дерево, и мы умирали, снова и снова! – Сашка начал всхлипывать. – Было очень страшно, очень! Ходил умываться холодной водой, пытался не спать. Ничего не получалось, я всё равно засыпал и умирал под этим чёртовым деревом! – закричал он, и уже тише продолжил, лишь изредка шмыгая носом, – Поднялось солнце, я сразу выскочил из кровати и побежал во двор. Как я ему был рад! Вы даже не представляете! Тёплое ласковое. А потом, этот поход за хлебом, этот дождь! Мы шли втроем, хотели попасть домой до дождя. Но тут из-под моих ног вырвался смерч, небольшой такой,

с пол метра высотой, затем серебристая курица стала переходить нам дорогу! Вы понимаете! Это всё было как во сне, всё точь-в-точь! Я опять испугался и как заору «Назад»! Дальше не помню, последнее, что я успел увидеть, это тоже было как во сне, курица пошла назад. Затем хруст дерева, раскат грома и темнота. И мне стало ещё страшней, когда почувствовал, что я живой, а их... их... – он показал на нас пальцем и заплакал. – Их убил этот тополь!

Из его глаз текли слёзы, а дождь на улице не уменьшал свою силу, всё лил и лил.

– Но теперь я вижу, что они живы и я очень рад! – произнёс Сашка, немного успокоившись.

– Это ты нас спас, – подражая тону тёти Маши, сказал Пашка, – если бы не твой крик, вернее сказать будет, если бы этот сон тебе не приснился, а после него ты не закричал, то тогда точно мы бы погибли. Спасибо тебе, ты спас наши жизни.

В доме воцарилась тишина, которая была мне не по нутру, хотелось кричать!

Но тут, подключился дядя Вася, принёсший холодной питьевой воды из бассейна (вся деревня снабжалась привозной водой, которая хранилась в специальных ёмкостях, вырытых в земле в форме груши, и стенки его вылиты из водонепроницаемого бетона, бассейны, они были двух видов, для питьевой воды и для дождевой, которую собирали с крыш для полива огорода, поскольку водопровода не было, и колодец выкопать невозможно было).

Он оказался очень весёлым человеком. Его юмор и шутки остроумно блистали во всей красе. Мы покатывались со смеху, позабыв о случившемся. Даже Сашка, сидевший сначала молча, не обращая на нас никакого внимания, погружённый в свои мысли. Постепенно заинтересовался разговором, вскоре тоже повеселел, и смеялся не меньше нашего! В общем, когда закончился дождь, веселье было в самом разгаре. Был выпит второй чайник, прежде чем я выглянул в окно, там, через тучи пробивались первые лучи солнца. Дождь перестал.

– Спасибо вам за всё! Нам, пожалуй, пора, – поблагодарил я людей, помогших нам в трудную минуту. – А то дома, наверное, уже всполошились, ищут, наверное.

– А дождь уже перестал? – спросила Мария Петровна, и посмотрела в окно. – Точно! Уже перестал. Надо же, как время быстро прошло! Да, да, конечно идите.

В её голосе чувствовалась нотка грусти и печали. Я не мог дать этому объяснение. Позже мне рассказали, что у них нет детей. Они очень хотели. Решившись на серьёзный шаг, усыновили девочку из дома ребенка. Никто толком не знает, чего им это стоило, сколько нервов и денег было потрачено на взятки чиновникам, для скорейшего решения этого вопроса. Но они добились своего. Славная и умненькая девочка была, но, увы, трагически погибла, хоронили всей деревней. В тот день они всей семьёй поехали в Семикаракоры. Навестить родню, пройтись по магазинам и погулять по городу. Шли по тротуару, радуясь жизни, и держались за руки. Мария, Василий, и Ксюша. Впереди из продовольственного павильона выскочил парень, лет двадцати, двадцати пяти и побежал прочь от него. Следом за ним выскочили продавцы в надежде догнать воришку. Тот нёсся очертя голову и сносил всё на своём пути, и тут как назло они ему и попались. Вор на большой скорости врезался в них и разорвал цепочку между Василием Ивановичем и ребёнком. Девочка не удержалась на ногах, и упала прямо под колёса проезжавшего мимо автобуса городского маршрута. Окружающие люди и сами родители, были шокированы произошедшим, и не сразу сообразили, что делать, благо нашлись не растерявшиеся прохожие и вызвали милицию и скорую. После этого родители год были замкнуты и ни с кем не общались. Говорят, что Василий пытался найти эту воровскую сволочь, но безуспешно. Не помогли ни связи, ни знакомства. Следующие полгода он сильно пил. В доме есть её комната, в которой каждый входящий чувствует присутствие девочки, готовой в любую минуту появиться из-за угла, схватить куклу или мячик и снова выскочить гулять на улицу. Вот такая жизнь хреновая бывает. Но, мы не об этом сейчас.

Дядя Вася и тётя Маша проводили нас до калитки.

– До свидания ребятки, не попадайте больше в такие передраги. И заходите в гости, не стесняйтесь! – произнесла тётя Маша, едва сдерживая слёзы.

– Почаще заходите! – повторили они хором с Василием Ивановичем.

– Зайдём обязательно! – отозвались мы.

– Спасибо вам, вы добрые люди. Да хранит вас бог! – поблагодарил их от всего сердца Сашка.

Мария Петровна помахала нам на прощание рукой, отвернувшись, чтобы скрыть свои слёзы. Мы ответили тем же. Шли молча и неторопливо, насколько позволяла размокшая после сильнейшего ливня дорога. Солнце скрылось за новыми тучами, которые обещали новую порцию дождя. Говорить мне не хотелось. Пашка иногда искоса поглядывал в сторону нашего друга. То ли хотел задать ему пару вопросов, то ли поглядывал из боязни, что тот вдруг свалится опять и забьётся в истерику.

Сашка шёл молча и о чём-то напряжённо думал. Так мы и разошлись, каждый к себе домой.

– Наверное, Санек сегодня не придет! – высказал я свою догадку вслух, когда он ушёл. – И не будет продолжения рассказа, которое мне так хотелось дослушать.

– Нет, я думаю, он не такой человек, – возразил Пашка, – могу поспорить!

– Давай, на что?

– На три «шпалы»!

– Хм, – я почесал свой лоб, – по рукам!

И мы ударили по рукам.

К вечеру ливень прекратился. Ветер ослаб, но прежде успел разогнать почти все тучи, оставив лишь небольшие облачка, разбросанные по всему небу.

Я и брат вышли на крыльцо и уселись на стулья, захваченные сразу с собой из дома. Крыльцо в дедушкином доме представляло собой балкон. Площадью четыре или пять квадратных метров, он был открыт со всех сторон и с крышей над ним. Сад, окружавший его вокруг, создавал тень, что позволяло там отдыхать и днём, скрываясь от палящих лучей солнца.

– Паш! Принеси дедов трон!

– Иди сам принеси, мне лень.

Я молча встал, показал брату кулак, пошёл за любимым креслом дедушки.

Около семи вечера на крыльце появился дед Павло. В его движениях сквозило старостью и усталостью, чего раньше я не замечал.

– Деда, ты что-то сегодня неважно выглядишь, – встревожился Пашка, внимательно разглядывая деда.

– Да есть чуток, прихворнул немного я, внучки, – ответил дедушка. – Но моё повествование длинное и надо его продолжать, чтобы ни произошло. И прежде чем эта чёртова простуда уложит меня в постель, я закончу его.

– Можно перенести на завтра, а сегодня отдохнешь, – предложил я.

– Нельзя ребяташки, нельзя! Начатое уже не остановить. Кстати, никогда нельзя останавливать начатое дело, – и тут же повеселевшим голосом добавил, – а где же ваш друг?

– Сашка?! А он, может и не прийти! – сказал я, помня о случившемся сегодня утром происшествии.

– А мне кажется, придет! – твердил брат, демонстративно разминая пальцы.

– Вы что, сорванцы, опять поспорили? – строго спросил дед, глядя на нас.

– Ну, есть чуток.

– Не спорьте по пустякам, тем более на такие вещи, как придет или не придет, успеет или не успеет! Пути Господни неисповедимы. Спорьте тогда, когда знаете, что вы правы и знаете этот вопрос или тему досконально, иначе можно облажаться. Посмотрите, кто идёт! – мы повернули головы, это был Саня собственной персоной. Он поздоровался с дедушкой и

уселся на приготовленный для него Пашкой стул. Выглядел он отдохнувшим и свежим, нас это порадовало.

– Ну, как жизнь внушек? – спросил у него дедушка Паша.

– Я вам всем хочу сказать одну очень важную вещь. Вы не против? – начал Сашка.

Все втроем кивнули головами в знак согласия. У нас были серьёзные лица, лишь дед улыбался краешком рта.

– Дедушка Паша, я вам верю, и буду слушать ваш рассказ внимательно и с удовольствием. Чего бы мне это ни стоило. С сегодняшнего дня, я верю в вещие сны и впредь буду ими пользоваться. Они, кажется, так называются?

– Да Сашок, ты превосходно понял сегодняшнюю ситуацию, – серьёзно ответил дед.

– Деда, ты что, знаешь о том, что случилось утром? – удивлению нашему не было предела.

– Да, а что тут такого! Уже вся деревня знает. Деревенская почта всегда работает хорошо! – непонимающе посмотрел на нас дедушка. Но блеск и твёрдость его взгляда не давали мне покоя, словно он знал гораздо больше, но недоговаривал.

– Ну что, продолжим? – сказал Пашка. – Только закончу одно не законченное дело, а то не смогу спокойно слушать. Подставляй свой лоб!

Я покорно подставил лоб, и получил свои заработанные три «шпалы». В другое время я бы нашёл способ отделаться от него, но не сейчас! Не хотелось тратить время, на пустую перебранку.

– Следующий раз я отыграюсь! – почёсывая лоб, гудевший от шалбанов, сказал я.

– Но это будет потом. А сейчас слушаем продолжение, – прекратил нашу перепалку Сашка.

– Ну что, внушки, готовы слушать? Раскрыли свои уши, а? – спросил дедушка. – Вижу, что да. Тогда начнем. Кто скажет, на чём я остановился? Ага, вспомнил...

***

Спал я тогда крепко, и ничего мне не снилось, чему был сильно рад. Врать не буду, не помню, сколько провалялся в таком состоянии. Но когда открыл глаза, настыпила ночь. Попытался пошевелиться, но всё тело болело, словно из меня сделали отбивную. Попытался встать, не получилось. Моё тело не слушалось! Тогда придумал, как решить эту задачу по-другому. Лёжа на спине, заставлял все мышцы напрягаться, затем расслаблял, потом опять напрягал и опять расслаблял, чтобы разогреть их. Начал с пальцев рук и ног, сжимать и разжимать их. Сначала медленно и неуверенно, потом всё лучше и лучше. Следующий этап, кисти рук и локтевые суставы, для этого начал сгибать и разгибать руки. Боль была такая, что я готов был вылезть из собственной шкуры. Прикусил язык, дабы не кричать от боли, терпел и, потев, работал без перерыва. Потом были плечевые суставы. Наверное, в тот момент инквизиторские пытки показались бы детской шалостью по сравнению с тем, что пришлось испытать мне.

***

– Ух-х! – выдохнул дед, словно заново переживая тот день, и свои ощущения. – Как вспомню, так вздрогну!

***

Не знаю, откуда у меня взялась сила, но плечи удалось-таки заставить шевелиться. Настыпила очередь ног. Всё началось в том же порядке. Только с одним маленьким отступлением на полчаса или час. Когда дошел до тазобедренных суставов, вообще потерял сознание от дикой боли. Спустя какое-то время боль схлынула, и я смог открыть глаза. Первым делом посмотрел на ноги, но те сами делали упражнение, в том же темпе, что был задан мною до отключке. Это меня немного испугало и порадовало. Ведь теперь они двигались свободно, без сильной боли и особых усилий. Попробовал по очереди, правая рука – работает, левая рука – работает. Прислушался к себе, понял, что боль не совсем прошла, она была где-то там, внутри тела, и это меня ещё более порадовало. «Так, – подумал я, – продолжим!». Правая нога – действует, левая

хрустнула, но работала исправно. Попробовал всеми конечностями вместе. Было не привычно, тяжело, но они слушались и повиновались моим мозговым импульсам.

«Ну что, рискнём встать!» – воскликнул про себя я, потому что вслух это произнести оказалось очень трудно, язык бревном лежал во рту и не хотел подчиняться. Ну, думаю, сволочь, я тобой потом займусь! Перевернулся на живот. Первый шаг был сделан. Не спеша подтянул ноги и руки. Попробовал их на прочность. Хорошо! Напрягся и стал на четвереньки, этот манёвр удался, но не без труда. Пришлось попотеть.

Став на четвереньки, словно годовалый малыш, попробовал сделать несколько шагов. Ура! Пошёл! Я радовался как ребёнок. Сделал круг, и вернулся на исходное место. Осталось самое тяжёлое: полностью подняться на ноги. Постоял на четвереньках, собравшись с мыслями и силами, набрал побольше воздуха в легкие и... Не получилось! Плохо старался, чёрт! Кричал я на себя. Ещё попытка... Слёзы от боли, лезвием резавшей всё моё тело, застилали глаза. Ноги дрожали от напряжения, но стояли и постепенно поднимали моё никчёмное тело.

Вскоре ценой нечеловеческих усилий я стоял на ногах. Пусть на дрожащих от слабости и напряжения, но стоял! И это уже замечательно.

«Теперь надо привыкнуть к вертикальному положению тела» – думал я. Стоять было неинтересно и скучно. Поэтому мне пришлось вытворять со своим организмом чудеса. Сначала это было похоже на конвульсии умирающего человека. Но с каждым новым усилием, движения становились все более уверенными. Вскоре оно уже могло извиваться, как змея. Пот тёк в три ручья. Одежда, бывшая на мне, промокла до последней нитки, словно я нырнул в реку или попал под дождь. Где-то внутри себя, я почувствовал некие новые чувства, возникшие неведь откуда, которые подсказывали мне, что я уже готов сделать первый шаг. И повинаясь ему, правая нога двинулась вперёд, совсем чуть-чуть, совсем немного, но вперёд. Следом за ней левая нога. Правая, левая. Стоп, перекур! И всё заново. Шаг правой, шаг левой, шаг правой, шаг левой. Отдых. К тому моменту, когда шаги стали твёрдыми, а ноги уверенными в себе, небо стало сереть, и за лесом зарождался новый день.

С рассветом и в голове моей всё стало на свои места. Чувство тревоги уступило место радости от первых шагов, заставило меня оглядеться. Глаза искали кого-то или чего-то. Пройдясь, по лесной утренней поляне, я натолкнулся на то, что искал. Это был старик Святогор. Я подумал, будто он испугался и ушёл, оставив меня одного. А он вместо этого лежал в траве, свернувшись калачиком, и крепко спал.

- Вот ты где! – закричал я, искренне радуясь, что, нашёл его.
- Сгинь нечистая! Уйди прочь! – спросонья закричал старик.
- Это я, Павло! Что напугал? Извиняюсь. Я за вас волновался.
- А это ты, фуф! – радостно фыркнул Святогор.
- Как вы? С вами всё хорошо?
- Уже да. На, держи! – и протянул мне мой, теперь уже новенький меч.
- Это мне? А где вчерашний?
- Это он и есть. С помощью твоей силы он починился сам.

И, Святогор, поведал мне про возрождение из небытия волшебного меча, принадлежавшего некогда одному из богов. Как гласит древняя легенда, бог услышал мольбы одного воина, просившего его прислать ему великое оружие, чтобы он в одиночку смог защищать свою землю от врагов и прочей нечисти, поскольку остальное войско трусило и разбежалось по заморским землям, бросив своих родных и близких на произвол судьбы. Бог неделю наблюдал за ним, слушая молитвы, и на седьмой день поверил его словам и выковал для него из божественного металла меч. Подарил его воину, взяв с него клятву, что это оружие никогда не повернётся против своего же народа, и не причинит никому горя. Воин согласился, и выполнил свою клятву. Спустя тьму лет меч был утерян. И лишь вчера он был мною.

После его рассказа я серьёзно стал верить в то, что они действительно меня ждали. Но вот для какой цели я нужен, по-прежнему было неизвестно. Святогор не говорил, а я не торопил события.

– Нам повезло, – продолжил старик, – я и представить себе не мог, что заночую под открытым небом.

– А чего здесь такого? Природа, воздух! Красота! – удивился я его словам.

– Так было много лет назад. А сейчас всё изменилось. Нашу землю заплонила разная нечисть. Вампиры одолевают наши деревни. Арты здесь всегда жили, живут, и будут жить! – решительно высказался Святогор. – Наши ближайшие родственники Русы и Славия, в будущем наши племена перемешаются, и родитесь вы, наши правнуки Русские. Так сказано в нашем святом писании. Так вот, если ты нам не сможешь помочь, то наш род вымрет, а следом и Русичи, и далее все остальные. О вас просто знать никто не будет, так как вы не появитесь в истории человечества! И, некому будет оберегать наш мир от душегубов всяких! – старик разошёлся не на шутку, он ходил взад-вперёд и ритмично жестикулировал, потом, несколько утомившись, продолжил:

– Этой ночью, я убедился, что ты тот, кто нам нужен! И это чудо с мечом тому подтверждение. Такое мог сотворить лишь избранный. Хотя мне это слово не нравится. Все мы под Богом ходим. Мы его дети и внуки. Не можно выделять одного среди остальных чад.

– У всех судьба своя, – тихо вставил я.

– Да, каждому предначертано своё будущее. Вот с этим я согласен.

– Святогор, ещё вчера я не верил во всю эту историю. Теперь, – мои слова шли от сердца и совести, – мне стыдно за себя. Но после того как я взялся за меч, который привлёк моё внимание, будучи куском ржавого метала, я узнал очень многое. Словно он передал мне весь свой опыт, и знания, накопленные за многие века. Не могу сказать, что стал большим специалистом, ведь истинно, мастерство приходит с опытом, чего пока у меня нет, но курс обучения прошёл.

– Это хорошо. В Книге о мече было написано, но не сказано где и как скоро ты его найдёшь, поэтому я сильно волновался на этот счёт.

– Ладно, отец, надо двигаться. А то сидим как у себя дома на завалинке. Путь предстоит не шуточный.

– Ну что, тогда в путь!

Я прошёл среди мертвецов, ища подходящие ножны. Снял с одного воина, посмотрел, примерил. Не понравились, откинул в сторону. Подошёл к другому труп, у того было то, что нужно. Ножны были сделаны из хорошей кожи, да и пошиты замечательно. Не в руках же меч нести!

Переоделся в новые одежды, вложил меч в ножны, и повесил на пояс. Перекинул через плечо дорожную сумку, в которую сложил свои вещи и пошёл вслед за стариком. Мы продвигались едва заметными тропами, которые вели нас на север. Идти всё время приходилось по густо заросшему лесу. Но мне это нравилось. Чистый воздух, кругом зелень, радующая глаз. Вековые деревья толщиной в три обхвата взрослого человека окружали нас со всех сторон. Эти великаны, упав на землю, создавали великие буреломы, через них мог пройти лишь знающий человек, показывающий правильный путь, иначе можно переломать ноги и руки, и голову тоже можно свернуть.

Святогор двигался не спеша, щадя моё ещё болезненное тело, но, не останавливаясь ни на секунду, чтобы оглядеться или сориентироваться на местности. Сразу было видно, что старик много раз пользовался этой тропой.

– А куда ведёт эта стезя? – спросил я.

– К нашему племени Славия. Живут они на реке Рос. Если идти от этого места, то дней пять-шесть ходу, – ответил старик.

Щебетание птиц было неутомимым, не замолкая ни на секунду. Один певец сменял другого, словно соревнуясь в своих вокальных возможностях. Если б мне предоставили судейство, то проигравших участников соревнования не оказалось бы. Все пернатые хороши по-своему. Малиновки, пересмешник, иволги, соловьи и даже сойки радовали мой слух.

Кроны деревьев плотно закрывали своими листьями землю от лучей солнца. Поэтому подлесок поредел и не мешал идти. Несмотря на то, что солнце давно перевалило на вторую половину небосклона, было прохладно и влажно.

Старик остановился, осмотрелся и так же молча свернул влево. Пройдя несколько шагов, свернул за кусты. Я за ним. Мы, спустившись с небольшого склона, оказались возле ручейка, протекавшего в небольшой низине. Он еле слышно журчал и нес свои чистейшие воды в одну из ближайших речушек, чтобы потом попасть в полноводную реку.

– Здесь заночуем! – сказал мой проводник.

– Не знаю, как у вас тут с едой. Но думаю, надо что-то придумать на ужин. А то так есть хочется, аж переночевать негде!

– У тебя что, дома нет? – удивлённо спросил Святогор.

– Есть, это шутка такая!

– Шутка... – задумался Святогор, – это хорошо.

– Теперь поделись опытом. Как в ваших леса поймать себе на ужин дичь?

– С помощью лука и стрел, для крупных зверей ямы с копьями, вкопанными на дне, силки для птиц.

– Так, проанализируем, лук и стрелы отсутствуют. Силков тоже нет, яму надо рыть, но нечем. Тогда остаётся одно, ловить руками.

– Ничего не надо делать, уже всё есть. На камни, разводи огонь.

– Хм! – старик заставил меня задуматься, и я начал вспоминать, как это делается. Порывшись в памяти, нашёл обрывки воспоминаний. В какой-то газете, кажется, было написано, как это делали дикари, или это мне кто-то из стариков рассказывал. Я не помнил.

В общем, насобирал сухой травы и листьев, наломал и сверху положил тонких и сухих веточек, немного добавил коры с поваленного дерева. И принялся высекать из камня искру.

Тук-тук. Тук-тук.

Старик в это время перепрыгнул через ручей, поднялся выше по течению и подошёл к огромному дереву исполину. Огляделся по сторонам, убедился, что кроме меня, усердно занятого высеканием огня, в лесу никого нет, ловкими движениями руки поддел кору, и та отошла от ствола. Святогор аккуратно поставил кусок коры рядом с деревом, облокотив его о ствол. Так же легко вытащил слой дерева, потянув за спрятанную ручку. Он был не толстым, но прочным и напоминал собой пластмассовую пробку от бутылки, но овальной формы, около метра высотой. За большой пробкой скрывался овальный проход внутрь дерева. Дупло было огромным и сухим.

Артанец скользнул в темноту. Я по-прежнему настойчиво высекал огонь из камня, очень мне хотелось его распалить к приходу старика, но тот никак не хотел загораться!

Тук-тук. Тук-тук.

«Стоп! А что, если... – мелькнула у меня мысль в голове, – использовать мох!».

Огляделся, и вижу, неподалеку стоит сухая берёза, вся покрытая бородами мха.

– Ага, вот и то, что надо! – воскликнул я.

Нарвал охапку бородача, самого сухого, и вернувшись, аккуратно уложил его под низ листьев и травы. И снова принялся высекать искры, ударяя камни, друг о друга.

Тук- тук. Тук- тук. Тук-тук.

– О, боже! Помоги мне зажечь этот костёр! – взмолился я.

Тук-тук. Тук-тук.

И с удвоенной силой начал двигать руками чаще и сильнее ударяя камень о камень, даже сразу не заметил, как на мох упала большая искра, и он вспыхнул красным огоньком.

Тук-тук-тук-тук-тук.

– О, господи спасибо тебе! Однако непростое это занятие! – произнёс я, вытирая рукавом пот со лба.

Этим временем мой новый друг вынес из своей кладовой сушеный свиной окорок и зелёный свёрток. Переложил свёрток под мышку правой руки, свободной тщательно запечатал свой тайник, направился ко мне.

– Ты быстро справился с костром! – выказал свою радость подошедший Святогор.

– Да нет уж, повозиться пришлось. В нашем мире есть спички, чиркнул раз и всё готово.

– Что есть?

– Спички, это тонкие деревянные палочки, – я подобрал с земли подходящую ветку, отломил кусочек, который, на мой взгляд, был больше всего похож на спичку и показал себе-седнику, – а вот здесь на кончике сера. Специальный воспламеняющийся слой. Они лежат в небольшой коробочке, у которой с двух сторон имеется специальное покрытие, твёрдое и шершавое, предназначенное для трения о них спички. Спичку берут в правую руку, а в левую коробок и вот так чиркают, коричневой головкой о боковую грань коробка, – я показал, как это делается, – подносят и поджигают.

– Хм! Никогда не видел.

– Если я попаду сюда, к вам, ещё раз, то обязательно подарю тебе коробок!

– Спасибо! Но я боюсь, что не доживу.

Он развернул свёрток, там оказались хлебные лепёшки, от запаха свежего хлеба потекли слюнки.

– А что за листья, в которые завернут хлеб? – поинтересовался я.

– Это редкая трава. У нас он называется холодок-трава. Он, очень хорошо сохраняет продукты, если их завернуть в него. Попробуй хлеб!

Отщипнув кусочек от своей лепёшки, отправил его в рот. Вкус и свежесть хлеба меня поразили.

– Он словно только что выпечен! Разве что холодный, – изумился я.

– А ему пять дней.

– Ни за что бы, ни поверил!

– Эта трава не позволяет ему портиться и защищает от лишней влаги. Забирает её на себя и этим живёт, а днём наоборот.

– Удивительно!

Трапеза шла медленно и чинно. Мы поглощали лепёшки с мясом и запивали их ключевой водой.

– Скажи мне, Святогор, – спросил я, подбрасывая дрова в огонь, – для чего мы разожгли костёр, если ничего не жарим?

– Надо приготовить отвар, которым мы должны натереться. Но сначала надо хорошо помыться.

– Зачем?

– Завтра мы будем идти по территории племени Маро. Они отличные охотники с хорошим зрением и отличным нюхом. Запах пота учуют издали, они хуже волка. Поэтому надо обезопасить себя.

– А здесь, эти Маро, могут напасть? – я стал оглядываться по сторонам.

– Маро, как дикие звери, охотятся всегда на своей территории, причём особо не перебирают, кого есть. Будь-то человек или взрослый кабан. Они рассуждают, что в желудках одно мясо от другого уже ничем не отличается.

«Ну вот, завтра увижу живых людоедов. Интересно, что будет дальше?» – подумал я, засовывая в рот последний кусок лепёшки и кусочек свинины.

Пожилой артанец молча встал, тщательно собрал все остатки еды, и даже крошки. Я предложил ему свою помощь в приготовлении отвара, но старик отказался, объяснив, что чужеземцы не в состоянии хорошо проделать эту работу. Он пошарил в кармане своих широких штанов и выудил оттуда причудливый камень и протянул мне.

– Это мыльный камень, – озвучил старик свои действия, видя мой абсолютно недоумённый взгляд, – иди, помой одежду, и сам хорошо помойся.

– Камнем? – удивлению не было предела.

– ...? – теперь настала очередь Святогора застыть в недоумении. – Мы его для этих целей и используем! А ты что, никогда такого не видел?

– Видел, но ни такое! Ладно, камнем так камнем! – согласно кивнул я.

Я пошёл к ручью, снимая на ходу свои одежды. Камень этот оказался вроде нашего мыла. Медленно растворяющегося в воде, образуя мелкую и плотную пену. Что интересно, он очень легко и быстро выполаскивается! «При случае надо будет себе кусочек взять, вдруг пригодится!» – подумал я.

Одежду развесили вокруг костра, оставшись лишь в нижнем белье. Святогор принёс большой пучок дикой петрушки, подобрал с земли около поваленного дерева высохший кусок коры. Он был изогнут не как обычно, по ширине ствола, а вдоль, по ходу роста дерева. Получилось естественное корытце. Старик тщательно переминал листики травы, используя для этого два камня один круглый, второй плоский, с природной выемкой в его середине, словно сама природа, использовала его в качестве ступы. Готовую продукцию складывал в чашку из коры дуба. Затем залил небольшим количеством воды, набранной тут же из ручья, но почему-то с левого берега, а не с правого, где сидели мы.

– Всем этим надо натереться до восхода солнца.

– Надо, натрёмся. А теперь спать?

– Да, но дежурить придётся по очереди.

– Кто первый? Давай я.

– Хорошо, – артанец спорить не стал, – как луна пройдёт, половину своего небесного пути, разбуди меня.

– Сделаем.

С этими словами старик лёг в траву, свернулся калачиком и сразу уснул. Я остался на страже наших жизней.

Ночь была спокойной и тихой. Тишину изредка нарушали крики ночных охотников. Темнота в лесу была плотной и непроницаемой. Сквозь густые кроны деревьев не пробивался ни один лучик света, лишь пламя костра освещало часть леса. Я решил, что его, должно быть, можно увидеть издалека, а потому стал меньше подбрасывать дровишек в огонь.

За спиной послышались шаги, я обернулся и взялся за меч. Шаги затихли. Глазами стал изучать окружающие меня деревья. Ничего. Всё, казалось, было спокойно, и я снова повернулся к огню. Листья снова зашуршали и отчетливо послышались шаги. Я резко обернулся, никого. Я встал и пошёл на шум шагов. Сердце в груди бешено колотилось. В неизвестном месте, в глухом лесу, никто не знает, что может выскочить из-за дерева.

Отойдя от костра метров на пять-семь, я натолкнулся на источник шагов. Это был монстр, который слышав меня, свернулся в колючий шарик, маленький ежик, шагавший по своим делам, или бродивший в поисках пищи.

«Такой маленький, а шума столько создаёт!», – подумал я и вернулся на своё место.

Первое время спать не хотелось, но постепенно усталость стала брать своё, и веки отяжелели. Чтобы окончательно не свалиться, я встал и пошёл к ручью, где ополоснул своё лицо холодной водой и утолил внезапно подкатившую жажду.

– Кш-ш, фыш-ш! – раздалось за спиной.

Я обернулся и опять никого не увидел. Встал, прошёлся. Где-то неподалеку, в глуши лесной чаще, захлопала крыльями птица, перелетев на соседнее дерево, она уселась на толстой ветке.

– Кш-ш, фыш-ш! – снова раздалось в лесу, но уже с другой стороны и ближе. Это мне не понравилось. Такого крика я нигде не слышал.

– Кшш, фыш-ш!

Вот опять зазвучало вдалеке, словно кто-то отвечал на свой позывной. Испытывать судьбу я не стал, и решил разбудить своего похрапывавшего проводника.

– Святогор. Мне нужна твоя помощь или совет, – прошептал я ему на ухо, трясая за плечо.

– Что случилось? – так же шепотом спросил он, как будто и не спал вовсе.

– Здесь кто-то кричит, не могу понять то ли зверь какой, то ли птица какая. Ты бы послушал!

Артанец встал, огляделся, прищулив глаза, присел возле костра и протянул к нему руки. Я сел на корточки и принялся подкладывать в огонь дрова.

Ждать пришлось недолго. Птица снова захлопала крыльями, и, усевшись на новое дерево, прокричала:

– Кш-ш, фыш-ш!

Старик вздрогнул, глаза забегали по сторонам, но остался невозмутимым и, не сделав ни одного движения.

– Мне это не нравится.

– Почему? – спросил я.

– Это землемойка, птичка такая.

– И что тут плохого?

– Лишь то, что она в наших лесах не живет. Землемойка селится в степных местах, чуть южнее за нашим лесом. Там мало деревьев, и земля сухая, песчаная. Её любимое дело валяться в пыли или песке под жаркими лучами всевидящего Хороса. И там строит свои домики.

– Значит, это кто-то чужой? – сделал я вывод из его слов.

– Это Маро. Хорошо, что меня разбудил, а то вертеться бы нам на их вертеле!

От его слов у меня мурашки побежали по спине.

– Чего от них можно ожидать?

– Будь на чеку, как только увидишь, руби голову сразу. Они где-то рядом, я их чувствую.

– Значит, будем сидеть, и ждать, – закончил за него я.

Мы занялись сборами, делая вид, что у нас длинный переход и выдвигаться надо рано.

– Кш-ш! Тыш-ш! Кы-ш!

Опять дикий крик птиц разорвал ночную тишину. Старик даже глазом не моргнул, остался внутренне и внешне абсолютно спокоен. Я старался во всем ему подражать. Мы успели сделать всё, натёрлись настойкой петрушки, оделись в высушенные над костром одежды, и собрались позавтракать, прежде чем появились люди из племени Маро. Возникли они перед нами внезапно, словно выросли изпод земли. Нас, со всех сторон, окружили полуголые воины, одетые только в штаны, сшитые из грубой ткани, и с копьями в руках. Вождь степенно подошёл к нам, точнее будет сказать, появился около нас, поскольку наши уши не слышали звука его шагов. «Их босые ноги, словно кошачьи лапы, ступают мягко и очень тихо!» – мелькнула у меня мысль. Тем временем, коренастый с атлетической фигурой мужчина средних лет, вождь Маро первым начал разговор:

– Мы, – вождь ткнул себя пальцем в грудь, – прийти с мир. Мы, – теперь он показал на своих соплеменников, – нет крови. Наш просить помощь. Иже мы, – вождь ткнул пальцем в меня, – не помощь, то мы, – показал на себя, – кушать, – при этих словах он снова ткнул пальцем в нашу сторону.

– Хорошо, – медленно произносил Святогор, – коль пришёл с миром, то садись у огня, раздели с нами еду, – и протянул ему лепёшку с куском мяса.

Вождь сомневался лишь доли секунды, поборов неприязнь и страх, сел рядом, взял в руки предложенную ему порцию еды.

Потом окинув нас непроницаемым надменным взглядом, принялся её поглощать большими кусками, не особо придавая значение пережевыванию пищи.

– Я, – сказал старик, указывая на себя, затем на меня, – и мой друг, хотим знать, что за беда у вас?

– Святогор стар и мудрён, он знает, когда мы ходить лес и ловить еду, и кушать. А сегодня, ТЕ кушать мы! – он показал на своих воинов рукой. – Это плохо! ТЕ, совсем пить у нас кровь, и будь Маро совсем мёртв. Женщины считать свой муж трус! Но мы не трус!

– Согласен, – чеканил каждый слог Артанец, – но почему вы решили, что мы можем вам помочь? И чем помочь?

– Мы видеть это... это... – вождь стал жестикулировать, видя, что это не помогает, решил снова воспользоваться языком, – это мы, сон... темно, сон.

– Вы видели вещий сон? – помог ему Святогор.

– Угу! – обрадовался тот. – Угу! Был сон, был мы, был мы! – он очередной раз показал на нас по очереди.

– Если мы поможем вам, что получит за это мой род и всё племя Артов?

– Мы, – вождь сделал широкий жест рукой, означавший, что за словом «мы» скрывается всё его племя, – будет помощь и защита Артов.

– Вас убивают ТЕ, кто убивают нас? Это навье? И вы не в силах им противостоять?

– Угу! Угу! – радостно закивал абориген, показывая, что его просьба была правильно понята. – ТЕ много, мы уже мало. Мы ТЕ бить, ТЕ мы кушать! Мы хотел жить!

– Мне надо подумать и с другом посоветоваться, – улыбаясь, сказал старик и подсел ко мне.

– Задача та же. Надо истребить это гнездо навья, и за это мы получим хороших защитников и охотников. Как тебе перспектива?

– Хорошая, но где гарантии? – насторожился я.

– Что такое гарантии? – не понял он меня.

– Я хочу сказать, кто уверен в том, что Маро не нарушат слова?

– Пока такого не случалось.

Но моё сомнение заставило задуматься старика.

– Но всё-таки? – не унимался я.

– Обычно, мы все договоры между племенами запечатывали кровью.

– Это уже лучше! Они же писать не умеют! – воскликнул я.

– Я вот, например, тоже, читать умею, а писать не особо. Почему так получилось, объяснить не буду, на это нет времени. Скоро всё сам увидишь.

Святогор вернулся на своё место, и мы обратили взоры к нашему гостю. Вождь невозмутимо доедал предложенное ему угощение.

– Мы принимаем ваши условия. Но наш договор надо закрепить кровью.

– Угу! – согласился вождь, облизывая пальцы. Это могло обозначать одно, предложенная еда ему понравилась больше, чем сырое мясо.

– Ну что, начнём? – обратился к нему Святогор.

Гость тут же, в ручье помыл руки и утвердительно качнул головой. Старик достал нож, переложил его в левую руку и провёл остриём по раскрытой ладони правой руки. Из пореза потекла кровь. Миколад, так звали вождя племени Маро, проделал то же самое, правда вместо ножа использовал остро заточенный плоский камень. Протянутые правые руки сцепились в

крепком рукопожатии. Это проделывалось над костром, струйки крови смешивались и капали в горячие угли костра.

– Нарушившему клятву, смерть! – торжественно произнёс Святогор. – Я старейшина рода Артов, Святогор Мудрый под пристальным взглядом Великого Сварога, клянусь не забывать и не нарушать данное мною обещание. Сыновья племени Маро отныне мои друзья и братья! Если я или кто-то из детей рода моего, и других родов наших, нарушит эту клятву, тому смерть! – старик, стоя с гордо поднятой головой, торжественно произнёс клятву.

Вождь Маро стоял лицом к лицу со Святогором и, не моргая, смотрел на него. Выдержав торжественную паузу, по-прежнему не отпуская руки, он стал произносить на своём языке:

– Неруш кол хана! А папа семья Маро Миколад. Кола ин низа ни руш дин обет мы папа ин семья. Её а инни си ляля семья Маро на руш э кол то хана!

Я, как и соплеменники Миколада, смотрел на происходившее вокруг меня действие с огромным интересом. Все-таки решалась судьба двух племён!

Оба вождя опустили руки, Миколад левой рукой достал из кармана какой-то точёный камешек и протянул его Святогору. Тот взял протянутый предмет, оглядел его и, улыбнувшись, кивнул. Одна сторона камня была круглая и плоская, с выступающим на ней рукопожатием двух рук, тёмная жмет светлую, которая была сделана чуть крупнее. А с другой стороны камня находилось кольцо, в которое вдевали палку, когда накаливали его на огне.

Старик подобрал в лесу нужную ветку, плотно вогнал её в отверстие в камне и опустил этот край в костёр, который незаметно для нас подкармливали воины Маро, поскольку мы сами про него окончательно забыли. К артанцу подошёл смуглый воин из свиты Миколада и взял у него из рук палку с клеймом. В его отточенных до автоматизма движениях чувствовалась рука мастера. Он так ловко поворачивал ветку, что дерево не загоралось, накалялся сам камень. Я заврожено смотрел на его движения, словно на чудеса, творимые на сцене великим фокусником. Он то опускал камень в самые угли, то неожиданно поднимал вверх, практически вытаскивал из огня. Вдруг поменяет угол наклона камня или сменит градус наклона ветки, или совсем перейдёт на другую сторону костра. Языки пламени так и норовили ухватиться за ветку, но воин ни разу не позволил им дотянуться до неё. Когда камень достиг нужной температуры, маранец подал знак вождю, передал ему клеймо и отошёл в сторону.

Святогор снял рубашку и повернулся к Миколаду грудью. Миколад поднёс раскаленный камень ко лбу старика. Потом к пупку, затем к сердцу и в заключение, к левой стороне груди. Выдержал несколько секунд, приложил клеймо к старческой груди, покрытой седыми волосами. Кожа под ним запеклась, и ветер разнёс по округе запах жженого мяса. Быстро, как приложил, так же и убрал. На теле старейшины остался, ожёг, в форме крепкого мужского рукопожатия. Вернул клеймо своему воину, вытащил черный порошок, похожий на угольную пыль и втёр её в рану старика. Ни одна мышца этого пожилого, но сильного человека не дрогнула, он так и остался стоять с гордо поднятым лицом, в котором отражались его лучшие черты характера, мужество, благородство и преданность своему народу.

Когда настала пора вождя Маро, тот тоже в свою очередь не выказал ни страха, ни волнения, ни боли. Он перенёс это стойко, как подобает лучшим представителям своего племени.

– Ты, храбрый человек! – сказал вождю Святогор, когда процедура была закончена. – Теперь как я понимаю, мы друзья и вражда между нами окончена?

– Угу! – последовал ответ. – Мы знает дружба, и любить твоя дружба. Святогор великий вождь своего рода, мы ценить его дружба! Его Бог, наш Бог!

В общем, так я поприисутствовал при историческом событии, очень важном для этих племён. Маро станут лучшими друзьями с Артами. Они изменят свой уклад жизни и некоторые привычки и обычаи, в частности, перестанут заниматься людоедством.

Святогор ещё долго разговаривал с вождём, обсуждая политические аспекты нового соглашения. Закончив обсуждение, снарядили гонца в город Арту с посланием к князю.

Честно сказать, такая спешка вызвала у меня опасение, вдруг не получится. Ну, не выгорит наша затея, что тогда? Всё это коту под хвост? А если я погибну, кто продолжит начатое дело? Пусть будет, как будет!

Мы расставались с Миколодом, как с близким другом, несмотря на то, что ещё три часа назад встретились они у костра кровными врагами. Дикари пошли своей дорогой, а мы своей.

– Святогор, разреши спросить? – начал я, – почему ты мне не сказал, что являешься главным в своём племени?

– На кой?

– Не знаю, – честно признался я. – Хотя бы для того, чтобы защитить тебя в случае опасности.

– Я могу и сам постоять за себя. Старость, это не слабость и не трусость. Мой дед девяносто полных лет прожил. И погиб в честном бою против готов. Мне тоже не пристало кого-то или чего-то бояться! – гордо сказал Святогор.

– Извини, если что не так сказал!

– Мне не за что тебя прощать. Это разговор двух друзей, которые, как я думаю, должны говорить друг другу правду.

– А почему ты с ним разговаривал на нашем языке?

– Наш род знает их скверный язык. Но мы предпочитаем разговаривать на своём, и хотим, чтобы все соседние племена, живущие с нами в мире и дружбе, тоже на нём говорили. Наш род никогда ни перед кем не склонялся и не собирается этого делать! Пусть они пред нами голову опускают, потому что мы – Русичи! Те, кто держит на себе Мир! Мир не одного десятка племён и народов. Как только наш народ потеряет свою гордость и забудет наставление пращуров своих, он потеряет силу. А это значит, будем влачить жалкое сосуществование в огромном количестве племён, чего стоят одни готы и арабы! Но наш великий бог Сварог не позволит этому случиться, он не допустит до этого, потому что мы его дети!

– На Бога надейся, а сам не плошай!

– Что ты сказал?

– Я говорю, что целиком и полностью согласен с вами, и целиком поддерживаю вашу точку зрения в этом вопросе. (Вот я загнул, даже сам удивился!) – Но пора в путь, а то солнце встаёт, – осторожно напомнил я Святогору.

– Да, Павло ты прав. Нас ждут дома. Заговорил ты меня...

Мы встали, дружно уничтожили следы нашей стоянки. И тронулись в путь.

***

– Ребятишки, и нам пора спать. Я, сегодня, очень устал... – сказал нам дед, – утро вечера мудренее. Завтра продолжим! – сказал он напоследок и скрылся за углом дома.

После того, как дедушка Паша, не оборачиваясь, ушёл спать, нам тоже засиживаться не хотелось, и мы дружно разошлись по домам, чтобы к завтрашнему обеду снова собраться и услышать продолжение рассказа. Теперь он уже говорил нам, в котором часу приходить. У меня всё чаще возникало чувство, что он торопится, но зачем и куда? Вот вопрос! У нас ещё в запасе целый месяц до конца каникул. Можно хоть всемирную историю пересказать!

«А может времени нет... у него самого?» – задумался я.

***

Так мы и шли. По чаще лесной, да по звериным пробирались тропам. По началу, я думал, что здесь все так ходят, потом выяснилось, что существуют и дороги, но они, как правило, делают большие крюки, а нам это в данном случае было не выгодно.

Территория племени Маро была вся покрыта лесами. Через них проходили три дороги. Одна вела к северянам, вторая к тюркским союзническим племенам, а третья далеко на запад. Никто из Артов до её конечного пути не доходил. Говорят, что именно оттуда пришёл человек, сеющий зло, и оставляющий после себя множество детей ада, навье.

- Что такое навье? – поинтересовался я, перешагивая через ствол упавшего дерева.
- Живые мертвецы, – спокойно ответил старик.

У меня открылся рот. Чем дальше в лес, тем больше дров! Ещё мне живых мертвецов тут не хватало! А если мне с ними придётся сражаться? Как они выглядят? Чего боятся? А смогу ли я? Задавал я сам себе вопросы, но все они оставались без ответа.

Наш путь лежал через небольшую, но красивую поляну. Трава стелилась по земле густым зелёным ковром, в котором ноги утопали по колено, и вся поляна была усыпана яркими цветами. Ветки деревьев и кустов сплетались, опускаясь до земли, образуя сплошную непроницаемую природную стену. Через неё нам предстояло пройти и нарушить сложившуюся идиллию. Святогор шёл первый, я следовал за ним след в след. Не потому, что боялся чего-то, а просто старался подражать походке и движениям лесного жителя, чтобы по прибытию на место не сильно отличаться от местных жителей своей неуклюжестью. Ведь современные люди ох как далеки от своих предков, а жаль! Нам есть чему у них поучиться!

Глаза не могли наглядеться на этот райский уголок, затерянный в божественном лесу, где такие красоты встречаются на каждом шагу. Вот опять кромка леса, опять будет сумрак, скрывающийся под кронами деревьев. Опять влажность с присущим ей запахом гниющей листвы. И главное, везде журчали ручейки и родники, так что умереть от жажды нам не грозило.

Святогор раздвинул ветки кустов, собираясь протиснуться вглубь чащи, следуя ему одному известному маршруту, когда вдруг замер. Оттуда на него смотрели красные глаза медведя.

Никто из нас не выказал страха. Животное, видимо, испугалось больше чем мы. Медведь встал на задние лапы и пошёл на старика. Старейшина, в свою очередь, вытащил острый нож и сошёл с тропы зверя, уступая ему место. Но мишка не оценил доброго жеста, сделал шаг вперёд и замахнулся лапой. Старик оказался на его пути, но успел воткнуть ему свой нож в пузо, прежде чем отлетел от него, как резиновый мячик от каменной стены.

Себя я уже не контролировал, рука сама потянулась за мечом, и началась схватка. Медведь сипел. Очевидно, Святогор зацепил ему жизненно важный орган, но это не помешало ему упорно наседать на меня. Я уклонился от несущейся на меня огромной лохматой лапы, и из-за неё почти со спины нанёс ему удар. Рана была глубокой, но не смертельной. Он зарычал от боли и кинулся на меня с утроенной силой, пытаясь догнать и порвать в клочья своего обидчика. Убежать от косилапого невозможно, поэтому мне ничего не оставалось, как подпрыгнуть вверх как можно выше. Топтыгин проскочил, не задев меня. Коснувшись земли, я резко повернулся и нанёс противнику два удара по задним лапам. Медведь упал. Но зверюга не сдавался, он пытался достать меня передними лапами, несмотря на свою неповоротливость, он по-прежнему был опасен. Выбрав подходящий момент, я нанёс ему смертельный удар в сердце. Медведь рухнул на бок и задёргался в предсмертных судорогах. Не обращая внимания на умирающего медведя, я побежал к Святогору.

– Отец, ты как?

– Не очень, по-моему, он меня серьёзно зацепил, – хрипло отозвался тот.

– А ну давай посмотрим, что тут у нас?

– Ты его убил, да?

– Да! – ответил я, отрывая длинные лоскутки от его рубашки, такой большой, что она больше походила на халат.

– Не надо было этого делать, он бы сам ушёл...

– Вряд ли, – я закончил делать бинты, теперь надо было как-то остановить кровь. – Что может остановить кровь?

Старик не успел ответить, так как потерял сознание.

Рана была страшной. Ключица вырвана, грудные мышцы превратились в кровавое месиво. Рёбрам тоже досталось, несколько верхних рёбер было сломано. Я старался сделать всё,

что помнил. Зафиксировал раненое плечо и руку. Потом стал накладывать повязку на грудь. Не знаю, сколько времени ушло, но думаю, что много. Так как приходилось переделывать по нескольку раз, прежде чем всё получилось, как нужно. Тяжело делать то, чего не умеешь, но жизнь всему научит!

Закончив перевязку, аккуратно, стараясь не причинять боль Святогору, перенёс его в лес, положил под большое дерево. Сам же вернулся к медведю. Оглядел зверя и вслух сказал:

– Да-а, ничего себе громадина! От такого бурого не убежишь. Силищи-то сколько! Разорвёт и глазом не моргнёт! – я обошёл вокруг зверя. – Веса в нём пудов эдак тридцать будет!

Надо было что-то делать, но что, я никак не мог придумать. Для начала вытащил свой меч из туши, тщательно вытер его о траву и вложил в кожаные ножны. «Тайников старика я не знаю, а нам надо будет кушать. Значит, следующий шаг, – думал я, – мясо!». Вернулся к раненому, чтобы взять его нож, но вспомнил, что, когда его ударил медведь, нож отлетел в сторону и упал где-то на поляне. Снова пошёл к месту столкновения с косолапым. Нож лежал в траве.

– Что ж, приступим к разделке медведя.

Скажу прямо, я не очень силён в анатомии животных. Поэтому задача решалась легко и быстро. Мои руки доверились интуиции, и без вмешательства мозга выполнили поставленную перед ними задачу. Вскоре на шкуре (подействовали современные предрассудки не класть на землю продукты!) лежало три больших и самых лучших куска мяса.

Дело шло к вечеру, я развёл костёр, и приготовил ужин. Оставался ещё один день пути. С раненым на руках и без его знаний сложно найти пропитание, да и времени уйдёт гораздо больше. Хватит ли на всё это сил, об этом я тогда не думал. Поэтому решил оставшееся мясо порезать тонкими, плоскими кусочками и пожарить тут на месте, чтобы сэкономить себе время и силы.

– Где я? – застонал Святогор.

– Здесь, в лесу, пока ещё в лесу. Но скоро будешь дома! – весело ответил я и поднёс к его губам воду.

– Я хочу, чтобы ты, меня здесь оставил, – тихо продолжил он, – мне не дотянуть до поселения.

– Не могу, – искренне ответил я, – мне нужно вас доставить к вашему племени.

– Нет, оставь...

Старик опять потерял сознание.

– Вот чёрт! – выругался я. – Не дай бог умрёт!

Надо было облегчить доставку северянина домой, и желательно, не доставлять ему при этом дополнительных страданий. И вдруг меня осенила мысль, которую я воспринял, как выход. Я отправился в лес на поиски. Нашёл две идеально ровных и крепких ветки, подобрал толщину, чтоб в руку хорошо ложились, а другой конец каждой палки расширялся. После, поискав вдоль ручья вверх и вниз по течению, натолкнулся на заросли молодого ивняка. Нарубил огромную охапку и перенёс к огню.

Используя ивовый прут и две толстые ветки, сплёл носилки. Пришлось сильно попотеть. Срубил дерево, от его ствола отделил кусок бревна, толщиной сантиметров пятнадцать. Одна сторона вышла хорошо, почти ровная, а вот вторая – с конусом в центре круга. Выпуклость пришлось срезать, проделал я это с помощью острого ножа Святогора и камня, которым пользовался как молотком. Работа была тяжёлой и кропотливой. Когда вторая сторона стала такой же ровной, как первая, я радостно улыбнулся и позволил себе немного расслабиться и отдохнуть. Это была самая трудная часть моего плана.

Один раз за всю работу мне пришлось отвлечься и поменять перевязку своему раненому спутнику. Старые бинты постирал и повесил сушиться у костра. Вскоре, колесо было готово, а это было ничто иное как, колесо!

Потом подобрал ветку, подходящую на роль оси и срубил её. С двух концов сделал срезы, на треть толщины, отступив от края, на пять сантиметров, и то же самое проделал с одного края носилок, где ручки были потолще. Приложил сверху в пазы, – ось вошла туго. Мне это понравилось. Снова снял, сделав две насечки по окружности оси. Оставил между ними расстояние, равное ширине колеса. Намазав это место медвежьим жиром, надел колесо на ось. В прорезанные канавки намотал и хорошо закрепил ивовые прутики. Получилось что-то вроде стопорного кольца, чтобы колесо не бегало из стороны в сторону. И уже готовую ось вставил в пазы на носилках. Из своей котомки достал солдатский кожаный ремень и порезал его на тонкие верёвочки. Ими туго стянул соединение оси с носилками.

Опробовал своё изобретение, работает! Но что-то ему мешало ехать. Оглядев еще раз колесо, нашёл свою ошибку, надо было ободрать кору с колеса, чем я и занялся. Еще каких-то пару минут и всё было готово. Время перевалило далеко за полночь. Пошёл проверить Святогора. Старик заснул. Я смочил ему губы водой и протёр лицо. Осмотрел повязку, она была вся пропитана кровью.

Если кровь не остановить, то он истечёт кровью. Нет, пожалуй, спать не надо, нужно двигаться. Время, это его жизнь. С этой мыслью я подошёл к тачке-носилкам, еще раз оглядел их, проверил на прочность и надёжность конструкции, добавил в трущиеся части колеса медвежьего сала и положил на повозку раненого.

Мне надо было найти тропу, по которой мы шли утром. Как я ни пытался, ничего не получалось. Всё время натёкался на всевозможные преграды и снова возвращался на поляну. В холодных лучах луны она выглядела сказочно!

Приходилось всё начинать сначала. Находил то место, где напал на нас медведь. Вроде бы вот она. Под ногами стелется едва заметная тропинка, протоптанная маленькими лапками и небольшими копытцами. Вот тропа заходит в лес. Доходит до дерева с раздвоенным стволом у корня. Она его огибает и продвигается на север, подхожу к камню, торчащему из земли, а дальше всё испаряется! Каждый раз начинал сначала и возвращался на поляну.

– Так, с меня хватит этих фокусов! – закричал я.

Сотый раз, вернувшись на поляну, упал в траву, и устремил свой взгляд в ночное, усыпанное миллиардами звезд, небо. И стал молиться. Вспомнил много молитв, которым меня учила в детстве моя бабушка. Слова слетали с губ непрерывным потоком, глядя на небо все говорил и говорил. В глазах поплыл туман, я поднял руки, чтобы их протереть, так как пот тёк ручьями. Тогда я встал на колени и продолжил разговор с богом. Я просил у Дажьбога и Сварога за себя, и за скорейшее выздоровление Святогора, и за то, чтобы найти тропу, ведущую в деревню, и ещё много чего. Выбившись из сил, я замолчал, и опустился в траву, лёг на живот и принялся шумно втягивать воздух. В нос ударил запах свежей травы. Чутко полежал, успокоился и со свежими силами подошёл к тропе.

– Да вот же она! – удивлённо закричал я, не веря своим глазам, и побежал по ней.

Мои глаза отчетливо видели дорожку, словно кто-то её подсветил. Я был сам не свой от радости. Вдруг засосало под ложечкой и заныло в груди. А вдруг исчезнет!? Что тогда делать? Надо проверить, сильно зажмурил глаза, выждал минуту, резко открыл, отчаянно волнуясь. Тропа виднелась отчётливо. Опять зажмурился и прикрыл глаза руками, а через мгновение вновь открыл. Она на месте! Моя радость была неопишуемой! Я бегал от дерева к дереву, прячась за ними, и снова выходил на тропинку. Я радовался, как пятилетний ребёнок, которому на новый год Дед Мороз подарил желанную игрушку. Светясь от радости, я взялся за ручки смастеренной мною тележки и потащил Святогора дальше.

Лес был влажным, тёмным и таким огромным! Временами мне казалось, что кто-то за мной идёт. Я проверял, никого не было, но это ощущение не проходило до конца путешествия.

То филин фыркнет, то заяц из-под ног вскочит. Вроде ничего такого, а страшновато. Сердечко ёкало не раз, будоража мою нервную систему, впрыскивая большие дозы адреналина в кровь.

Ближе к утру меня окутала сонливость, деревья стали расплываться. Ноги заплетались и при каждом удобном случае спотыкались о камень или корень, торчащий из земли. Неожиданно для себя заснул на ходу. Такое у меня было впервые. Потом, на фронте, это со мной много раз случалось, особенно в первый год войны.

Сильная боль пробудила меня ото сна. Мой лоб встретился с деревом, ствол которого в диаметре был чуть более метра, шишка от этого столкновения вскочила просто огромная, величиной с грецкий орех! Сон как рукой сняло, появилась бодрость, зато звездочки принялись плясать и кружить вокруг меня, заполнив собой весь лес.

- Чёрт, как больно!
- Что... случилось... – заговорил Святогор.
- Да так, мелочи! Стукнулся о дерево.
- Больно?
- Терпимо. Поесть не хотите или воды?
- Немного.

Я подошёл к раненому, и на ходу доставая из дорожной сумки самый лучший кусок жареного мяса, специально припасённый для него. Отрывая по маленькому кусочку, вкладывал ему в рот. Убедившись, что он проглотил его, клал ему следующий.

- Теперь воды... – попросил он.
- Можно, – ответил я, улыбаясь, и поднёс к его губам кожаную флягу с водой. Святогор пил медленно, но большими глотками. От холодной воды, на лбу выступили капельки пота. Я всей душой сочувствовал старику, и пытался угодить ему. Уж очень не хотелось его смерти.
- Спасибо! – оторвавшись от кожаной баклажки, спросил он. – Как мои дела?
- Я не врач, не могу ничего сказать, мне кажется, нужен лекарь, а то будет плохо.
- Кх-кх! ...скоро будет поворот... фуф... тропа поведет налево... поверни туда...
- Хорошо, а теперь отдохните, а мне пора сделать перевязку.

Когда всё было закончено, двинулись дальше в путь. Телега работала исправно, лишь Святогор постанывал, когда колесо насакивало на кочку и прыгало на ней. Тогда приходилось замедлять ход, чтобы дать успокоится ране, хотя не уверен, что это помогало. Ведь, по сути, я ничем не облегчал ему боль. «Крепкий мужик, – подумал я, – вряд ли я смог бы столько же продержаться!».

Надо было идти, нельзя останавливаться. Ему нужна помощь, иначе умрёт старик. Мне не хотелось, чтобы так вышло, и я прибавил ходу.

Тропа вела по ровной местности, обходя холмы и овраги. Это было нам только на руку.

Солнце встало как-то не заметно для меня. Может, я опять заснул на ходу, не знаю и не помню. Но это было уже и неважно. Главное, идти вперёд.

Постепенно пропали вековые буки и столетние берёзы, их сменили молодые растения и густой подлесок. Движение замедлилось и грозило совсем остановиться, если тропа продолжит сужаться.

В моей голове поселилась мысль о том, что надо бросить телегу. Останавливало одно, нести Святогора на руках, не самый лучший выход из положения.

Я тащил свою ношу вперед, не останавливаясь, понимая, что промедление может привести к смерти старика.

К обеду, когда солнце было в зените, я чувствовал такую сильную усталость, что мышцы рук и ног словно окаменели и отказывались повиноваться.

Но надо было идти, и я шёл. Лес поредел и уже не был таким густым как раньше; прохлада постепенно уходила. Лучи небесного светила, и отсутствие ветра делали окружающий воздух тёплым и очень влажным.

Увидев очередной ручеек, я подкатил к нему телегу и опустил её на землю. Присел и стал набирать свежей водицы в баклажку, закончив, стал обливаться прохладной водой с ног до головы. Как приятно, когда по разгоряченному ходьбой телу течёт холодная родниковая водица из родной земли! Её холодные струйки вонзаются как иголки, смывая с тебя пот и пыль, а с ними и усталость. Чувствуешь себя, как новорождённый! Вновь полон сил, и готов к новым путешествиям и опасностям.

Вот, наконец, тропа разделилась, но стала заметно шире, её чаще использовали люди, а не животные.

Свернул налево и потащил своего нового друга дальше. Но вскоре почва стала влажной, и я остановился возле топкого болота.

– Телега больше не понадобится, – пробурчал я себе поднос.

Болото казалось непроходимым для непосвященного человека. Но, приглядевшись пристальней, я увидел еле заметные кочки, скрытые в болотной траве. Поставил правую ногу на первую кочку, убедившись, что она не тонет, поставил вторую. Вот так, медленно прыгая с одной кочки на другую, стал продвигаться вперёд, под неугомонное кваканье лягушек. Но появилась ещё одна напасть, комары. Они тучами вились над нами. И мы не имели возможности от них хоть как-то избавиться, даже отмахнуться не могли. Старик от боли опять сознание потерял, а у меня руки заняты. Пользуясь нашим бездействием, мошкара облепила открытые участки тела. Хочу заметить, эти комары очень отличались от наших, современных. Они примерно раза в два больше, чем обычно, и страсть как голодны!

Солёный пот застилал глаза, руки дрожали от напряжения и опускались под тяжестью Святогора. Прыгая с кочки на кочку, я постепенно приближался к острову. Не помню, как выбрался на берег. Но когда ступил на твёрдую землю, опустил свою ношу в густую траву и рухнул как подкошенный рядом. Вот как стоял, так и упал, обессиленный.

Помню, что лежал в зелёной траве и почти заснул, но вдруг слышу шаги, тихие такие. Словно кто-то крадёт. Подпустил поближе, резко вскочил, вытащил меч и выставил его вперёд, готовый отразить атаку нападающего врага, и тут же снести ему голову.

А передо мной чучело стоит. Невысокого роста, не-то баба, не-то мужик. Юбка такая разлетайка, как у цыганки, но внизу обтягивает щиколотки ног, издали смотрится как штаны. Сверху что-то вроде рубахи. Но больше похоже на банный халат. Лицо серого цвета, с нечесаными грязными волосами на голове, в которые вплетено какое-то выющееся растение. Все не первой свежести и вещи, и сама хозяйка. Внимательней взглянув, я все же смог разглядеть в этом пугале женщину, несмотря на её облик и обветренное, загорелое лицо и руки.

– Ты, кто? – прохрипел я голосом, не своим от усталости.

– Я, Биба. – приятным на удивление голосом ответило это божье создание. – Ты тот, кого ждал всю жизнь Святогор?

– Да, наверное. Оставим это! Святогору нужна помощь. Его медведь задрал. Спасите хорошего человека! Я прошу вас, помогите ему! – хрипел я.

– Живо неси его в хижину! – скомандовала старуха.

– Где она, я её не вижу! – я сорвался на крик. Мне стоило больших усилий удерживать тело старика на руках.

– Вон, за кустом черёмухи!

Женщина шла первой, мелким, но частым шагом. Я, шатаясь, нес старика на трясущихся от напряжения руках следом за ней. Она открыла почерневшую от времени дверь и пропустила нас вперёд.

– Проходи, прямо до стены, там лавка, положи его туда.

Выполнив то, что мне велела местная ведьма, я отошел в сторону. В доме было тепло, сухо и пахло сушеными травами, настойками и мазями.

– Пошёл на улицу! – прикрикнула она на меня.

После спертого воздуха помещения свежесть лесного воздуха опьянила меня, я сел, прильнув к берёзе, росшей неподалеку от дома, и крепко заснул. Снилось всякая дребедень! То, как оторвались у меня руки, то, как сломал ногу. Внезапно острая боль возникла в левом боку. Прошла, но новый приступ настиг врасплох, когда я из последних сил лез по отвесной скале. Снова прошёл, и опять тоже... Открыл глаза. Гляжу, а это старуха нависла надо мной и пинает меня ногой под рёбра.

– Ты что старая делаешь? Мне же больно! – возмутился я.

– Ну, ты и спишь! – удивлённо сказала она. – Пошли, баньку тебе истопила. Приведешь себя в порядок.

– Какая баня, ночь на дворе! – продолжал возмущаться я.

– Встань и иди! Тебе сразу полегчает.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться этой лесной ведьме. Послушно пошёл за ней. Мы обошли приземистый дом. Баня стояла в небольшой берёзовой роще. Хозяйка завела меня внутрь и плотно закрыла дверь.

– Вот, это дубовый веник, сначала им похлещешься, дуб снимает усталость и дарует свою силу человеку. Затем возьми берёзовый, этот служит защитой, снимает воспаление и убивает всякую заразу. Это кадка с настойкой из молодых берёзовых почек, здесь мочи веник и брызгай корчиком на каменку. Понял?

– Ага.

– Если не хватает сил, то давай подмогну.

– Нет, спасибо, сам как-нибудь! – вежливо отказался я от помощи. Мне не хотелось выглядеть в её глазах дохляком. Подумаешь, прошёл двое суток! Не настолько я выбился из сил, что не смогу удержать веник в руке.

– Сначала дубовым, затем берёзовым! – строго повторила она и вышла из бани.

Баня по-чёрному мне понравилась. Я знал, что это такое, но почему-то думал, что дыма должно быть больше. А я его не чувствовал вовсе. Вытяжная система работала исправно и выводила дым вверх, по специальному встроенному каналу в стене, где он выходил через отверстие в крыше, специально сделанное для этого. Каменка горела жарко, пара хватало с избытком.

Эх, баня! Памятник надо бы поставить тому человеку, который первый её построил! Какой аромат! Дуб, берёзка, парок, что ещё Русской душе надо?

Вышел из бани, словно другой человек. Биба показала мне сеновал, где я мог провести остаток ночи, что я не преминул сделать.

На этот раз мне ничего не снилось. Парок снял все стрессы и облегчил душу. Я просто закрыл глаза и погрузился в крепкий здоровый сон. Сон, единственное средство для восстановления физической силы, успокаивает и приводит в чувство.

Я бы так сказал, хороший сон, моё лекарство.

Разбудили меня воробьи, которые нашли червяка и не смогли его поделить, устроив грандиозную драку прямо около меня. Они орали, клевали и вырывали друг у друга добычу, поднимая целую тучу пыли и перьев.

– Ну, паразиты, неугомонные! – высказался я в их адрес, потягиваясь на своём импровизированном ложе.

Боли в мышцах как небывало, силушки прибавилось у меня после баньки-то.

«Вот это да! Чудо банька!» – восхитился я мысленно.

Погода стояла хорошая, ясное небо, тёплое солнце пригревало своими ласковыми лучами всё живое на земле.

Шелковистая трава была усыпана утренней росой словно алмазами.

Восхищаясь красотой природы, я отправился вдоль поросшей камышом трясины и остановился возле устья небольшого ручейка, впадающего в зелёные воды болота. Выше по течению увидел тропинку, которая привела меня к месту, где знахарка набирает воду. Я присел на корточки и опустил руки в ручей. Зачерпнул прохладной водицы и поднёс к лицу. Какое блаженство умываться утром ключевой водой! Опустился на колени и испил из источника живой влаги.

– Ах, вот ты где! – раздался позади меня приятный голос.

– Доброе утро! – откликнулся я.

– Утро доброе! Возьми свой меч богатырь! И не бросай его больше никогда. Умирать будешь, все равно крепко держи в руках своё оружие.

Я машинально ощупал пояс, пусто. Протянул руку и взял свой клинок.

– Забыл про него. У вас тут можно и голову забыть! Природа, воздух. Красота!

– Тебе Павло, нужно кое-что запомнить!

– Я весь во внимании! – сказал я и стал совершенно серьёзным.

– Не сейчас, сначала пойдём, посмотрим, как там Святогор, – тихо сказала старуха. Сегодня она выглядела вполне сносно, во всяком случае, с первого взгляда можно было определить, что это женщина!

– Как он?

– Хорошо, что поспешил, а не то, даже я не смогла бы его спасти.

– Насколько серьёзно?

– Рана глубокая и рваная. Началось воспаление, но ему уже лучше. Я наложила повязку со своей волшебной мазью. Ты скоро сможешь с ним сам поговорить.

Молча, мы пошли назад к избушке, она была сложена из толстых обтесанных брёвен, которые по прошествии многих лет, почернели. Деревянную кровлю, похоже, недавно обновили. Дом выглядел как обыкновенный квадратный сруб без излишеств. Только крыльцо украшала резьба, пара птиц в брачном танце, олень с поднятой головой поет свою брачную песню, какие-то непонятные символы. Если судить по роду занятий хозяйки, они, видимо, имели магическую силу. По обе стороны от входной двери стояли два деревянных идола. Один изображал мужчину с животиком, с широким лицом и в шапке, с другой стороны стояла высеченная из дерева женская фигура.

– Проходи, садись за стол, кушай на здоровье. Я к Святогору.

Стол не валился от количества блюд, но всё было вкусным и свежим, прямо с печки жареная крольчатина, свежеспеченный хлеб, кислая капуста, которая идеально подходила к жирному мясу кролика, парное коровье молоко, стоявшее в глиняном сосуде.

Не зря говорят, что аппетит приходит во время еды! Когда сел за стол, у меня разгорелся такой аппетит, словно я месяц ничего не ел! Мясо было приправлено местным соусом с пряностями, вкуса которых я не узнавал, да и вообще, здесь всё было как-то не так, ярче, а может сочнее, чем у нас в современном мире.

В общем, наелся я от души! Когда допил кружку молока, в комнату вошла Биба.

– Он тебя ждёт! – она приподняла полог, сшитый из цельных шкур, и приглашала меня войти.

Я встал с лавки и направился в комнату, где лежал Святогор. Старик не сводил глаз с дверей, когда моя фигура показалась в проёме. Он улыбнулся и кивнул головой, приветствуя меня.

– Как вы? – поинтересовался я, подойдя ближе.

– Ничего, уже лучше. Биба знает своё дело. Ладно, нам не об этом сейчас надо поговорить. Павло, ты должен спасти нас от полного нашего уничтожения, больше некому. Святогор стар и уже не способен на великие подвиги, заменить его некем. А тем временем наш народ

гибнет от монстров, кх-кх, этого проклятого навья. Они выходят по ночам из своих могил и убивают наших людей, от мала, до велика, или превращают в себе подобных. Мы не знаем, кто их предводитель, и где он прячется. Навье должно погибнуть или покинуть нашу землю и больше никогда сюда не возвращаться! Надо сделать это как можно быстрее. Биба тебя научит тому, что знает.

– Хорошо, я постараюсь. Это новое для меня дело. А у меня принцип, никогда не обещаю того, чего не смогу выполнить. Поэтому пока не буду ничего обещать и говорить красивые слова. Я сделаю всё что смогу, выложусь весь, а там как получится. Если не суждено мне справиться, вы уж не обессудьте!

– Хорошо сказал! Я тебе верю. Вот, возьми, – старик протянул дрожащую слабую руку и положил в мою ладонь маленький медный крестик на шерстяном шнурке. – Это мой талисман. Он поможет тебе в трудную минуту и спасёт от нечистой силы.

– Спасибо! – искренне ответил я.

– Ступай. И доверяй ей, Биба хорошая женщина, хотя и ведьма!

На прощание мы перекинулись взглядами, и я пожелал ему скорейшего выздоровления, а он мне удачной охоты на навье. На том и расстались.

Знахарка была в соседней комнате, где пахло палёной шерстью, уксусом и дохлой кошкой. Она занималась изготовлением очередного зелья.

– Хороший старик, добрый, давно его знаете? – обратился я к знахарке.

– Да, с самого своего рождения. Он старейшина нашего племени, уже, поди, двадцати зим. К тому же он честный, справедливый и строгий человек.

– И вы ему помогаете, кого пострадать, кого вылечить, кого ещё что похуже? – пошутил я.

Она бросила холодный и колючий взгляд на меня.

– Не без этого.

– Извините, если обидел. Я пошутил. В вашем мире юмор не такой, как у нас.

– Хорошо, прощаю. В нашем мире действует одна очень хорошая поговорка: «Говори, что думаешь, но думай, что говоришь!». Если будешь её придерживаться, то приживёшься в любом мире.

– А их много? – не удержался я от вопроса.

– Много.

В комнате воцарилась глубокая тишина, которую прервала сама Биба.

– Слушай, сынок, меня внимательно. Тебе предстоит тяжёлый путь. Но ты сильный человек, выдержишь.

– Перестаньте меня пугать! Всё пугаете и пугаете, лучше по делу говорите! – вставил я, но она продолжала, не обращая на меня и моё замечание никакого внимания.

– ОНИ очень страшны. Одна их царапина, и ты в их власти. Вот, смотри, – знахарка протянула гладкую доску, стоявшую возле бревенчатой стены, – это наше племя. Каждая чёрточка, это человек, они расположены рядами, одинакового размера, каждый столбик, семья. Вертикальные прорезы поверх горизонтальных, это умершие. Теперь посмотри, сколько нас осталось!

Я взял доску в руки, стал внимательно изучать. Доска была поделена на четыре части. Одна часть довольно большая и три других, поменьше. «Один город и три деревни», – отметил я про себя. Считать точно не стал, но навскидку численность этого рода три-четыре тысячи. Половина из них была уже мертва.

– Раньше, каждую зиму делали пересчёт, а сейчас и летом, и зимой. Если заметил, меньше всего умерших людей в Лесной деревне. Это наша деревня. Мы усилили охрану и бдительность, ни своих, ни чужих после захода солнца не впускаем и не выпускаем из деревни. Мужчины несут службу по ночам.

– Это правильно, – кивал я.

– ИХ в нашем районе и окружающих лесах ещё мало, не добралось проклятое навье! Но с каждым днём, связь с остальными поселениями становится всё хуже и хуже.

– Чем же их можно победить? Чего они боятся?

– Одно мы знаем точно, это чеснок. Родичи наши стали много его выращивать. Его пучками развешивают в комнатах, по окнам и дверям, чтобы не проникли ночью, когда семья спит. Едят его много, мужики говорят: «чтоб подавились, когда будут сосать нашу кровь!». И крест, конечно. Этот знак издревле защищал нас от русалок и водяных. Знак принадлежит нашему богу, Чуру, это он подарил его нашему народу. Если держать впереди себя и произносить: «Чур меня!», навье отступает. А также его рисуют на входных дверях. Это препятствует проникновению слуг Ямы в наши избы.

– Крест мученика Иисуса... – пробормотал я себе под нос, думая, что знахарка не услышит, но она услышала.

– Кто такой Иисус?

– Наш бог.

– У Русских Бог Иисус? – её удивлению не было предела. – Не может быть он вашим Богом! Мы о таком даже не слышали. Ваш Бог и наш Бог, это Сварог, Дажьбог. Потому что и вы, и мы Русичи, и мать наша, это Русь! Позор тем, кто забудет своего Бога!

– Точнее, он сын Бога, – поправился я.

– Как Бога зовут, отца его? – строго спросила разгневанная, моими словами Биба.

– Не знаю, я неверующий. У нас вера запрещена. Сейчас рушат храмы, убивают священнослужителей и верующих людей.

– Если правда всё то, что ты сейчас мне говоришь, то вы, как наши потомки, умрёте! И некому будет больше заступиться нашу землю Мать Макошь и весь прочий мир! – взволновано вскричала Биба.

– Может оно и так. Мне самому это не нравится. А что делать?

– Бороться, как мы! Не давать никому спуску! Если наши воины потерпели поражение и нашу землю захватили чужеземцы, мы собираемся в кулак, наносим ответный удар и возвращаем свое родное.

– А если на это уйдёт много лет?

– Даже много лет мы готовы потратить на это. Здесь много кого уже было, но они как приходили, так и уходили, мы всегда остаёмся, потому что здесь Русь, земля наша!

– Если бы все вот так думали, то революции у нас не было бы, – восхищаясь её прямолинейностью, сказал я. Скажи я такую речь у себя, в миг поставили к стенке и расстреляли!

– Ой! Чаво-то я вспылила! Мы отклонились от разговора. Ещё, говорят, – Биба выдохнула и спокойно продолжила, – их может убить серебро.

– Серебро? – уточнил я.

– Да, серебро. У нас его практически нет. Его добывают наши соседи, поляне. У них его много. Они его держат в слитках, то есть в гривнах.

– Гривны, это деньги?

– Что такое деньги?

– То, за что покупают или продают. Они железные или бумажные бывают.

Глядя на выражение её лица, я понял, что говорю полную ерунду. «Какие деньги, – кричало моё второе я, – болван! У них нет денег, простой товарообмен! Ты мясо, тебе овощи! Ты зерно, тебе серебро! Ты фрукты, тебе молоко или одежду!».

– Вы живете в хорошем обществе, неиспорченном деньгами. Я искренне завидую вам, – тихо сказал я.

– Зависть, это плохо! – сурово произнесла знахарка.

– Деньги ещё хуже, от них и зависть, и жадность, и всё что хотите. Давайте продолжим.

– Так вот, чеснок, это раз. Крест, это два. Серебро, это три. – считала Биба, зажимая пальцы на руке. – И ещё четвертое. Не знаю, правда ли это действует, но легенда гласит, что ИМ надо отрубить голову и вогнать в сердце осиновый кол.

– А, откуда у вас такие сведения?

– Из книги, великой книги наших предков.

– Из той, что прячет у себя Святогор?

– Да. Мы её прячем от чужестранцев и проходимцев. Эта книга наша реликвия, в ней содержатся советы и предсказания наших предков.

– Я, её читал.

– Святогор давал?

– Да, что бы я убедился в его правоте.

– Ну и как, убедился?

– Всё идет так, как в ней написано.

– Эта книга святая! Это самое большое наше сокровище.

– А можно на неё ещё раз взглянуть?

– Зачем?

– Я невнимательно осмотрел книгу. Хочу посмотреть кто, где и когда её напечатал.

– Она была изготовлена с помощью заклинания и великого всемогущего Сварога! Будь он Славен! И пусть всегда на его столе будет творог!

– Там должно быть написано, какие духи помогали в этом.

– Хорошо, – заслышав про духов ведунья тут же согласилась показать мне книгу, –сейчас принесу.

Биба вышла из комнаты, я остался один. В сердце поселилась тревога. Мне было неизвестно, смогу я выполнить взятое на себя обязательство или нет. На меня стало давить бремя одиночества в этом мире, где нет ни друзей, с которыми можно поговорить по душам за водочкой, ни родных, у которых можно спросить совета. Это был неизвестный мне мир. Одно я усвоил здесь точно, меньше болтай, больше слушай. Так и себя не выдашь и много нового узнаешь. Мои размышления прервала старуха, вышедшая из комнаты, в которой находился раненый Святогор, держа в руках книгу.

– Извини, что засомневалась в тебе. Вот, возьми, – с этими словами она протянула мне книгу. – В наше время никому верить нельзя.

– Это правильно. Мне эта книжка не нужна, можете не бояться. А что касается предсказаний по поводу меня, то я не хочу их читать, будь что будет! В связи с этим, заверяю сразу, что кто бы ни пришёл под моей личиной или от моего имени, никому не давайте её! – серьёзно напутствовал я.

Взял предложенную мне книгу и открыл два первых листа, где была напечатана информация об издательстве и тираже.

– Так, посмотрим, что тут есть, – и приступил к чтению мелкого текста. Он гласил:

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 16.11.2222г ФОРМАТ 85+110

БУМАГА ОФСЕТНАЯ. ЗАКАЗ №456. ТИРАЖ 1000экз.

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ им КИСЛЯКОВА С.В.

МИНИСТЕРСТВО ПЕЧАТИ И ИНФОРМАЦИИ РФ 195372

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ул. РУСТАВЕЛИ, д. 15.

– Значит, тысяча штук, – задумчиво я произнёс, протягивая книгу обратно Бибе, – спасибо. А вы не знаете, есть ли ещё у кого-нибудь эта книга?

– Нам этого неизвестно. Считается, что она одна осталась.

– Это уже хуже.

– Ты думаешь, что кто-то может этим воспользоваться?

– Да, как раз об этом я и подумал.

– Я всё рассказала, что знаю. Всё остальное со временем узнаешь сам. Ещё будут денечки, когда ты будешь учить нас, как мы сейчас тебя.

– Дай то Бог! Пора мне выдвигаться навстречу своей судьбе. А то что-то засиделся я тут у вас! Спасибо за всё, дай Бог вам здоровья!

– Здесь идти недалеко, котомку набивать тебе не стану, а подарок сделаю, ты приглянулся мне. Биба сняла со стены лук и протянула его мне. – Держи, он теперь твой!

– Благодарствую! Но это дорогой подарок для меня! Боюсь, мне придется отказаться! – смутился я.

– Нет, в самый раз! Это оружие принадлежало моему мужу. – Её голос заметно дрогнул. – Олег погиб. Он всегда вставал на защиту нашего племени и земли Русской! – глаза Бибы наполнились слезами. – Я думаю, что лук попал в достойные руки. За него в нашей округе и в соседних племенах дали бы много шкур или серебра. Но у меня есть к тебе одна просьба, – тут она замолчала и пристально стала вглядываться в моё лицо. Словно ища во мне подтверждения каких-то своих слов или догадок.

– Я готов выполнить её, какой бы она ни была, лишь бы не принесла вреда нашим людям! – не отводя от неё взгляда, ответил я.

– Прошу, как бы плохо не было, что бы с тобой ни произошло, не меняй его, и уж тем более не продавай. Отдай что угодно, только не лук, он легенда! Проданная легенда теряет свою силу.

– Обещаю! Ни при каких обстоятельствах не расстанусь с ним. Я буду обращаться как с младшим братом!

– Хорошо звучит, но это не так важно. Главное не меняй и не продавай, как бы плохо тебе ни было!

– Я обещаю! Спасибо за подарок!

– Спасибо и вам! – старушка отвернулась, чтобы скрыть свои слёзы.

Я решил не стеснять Бибу и вышел на улицу. Пусть поплачет по мужу в одиночестве. С моей стороны было бы некрасиво наблюдать за тем, как женщина дает волю эмоциям. Наверное, ее муж был хорошим человеком.

Свежий лесной ветерок стряхнул с меня налетевшую грусть и тревогу. Глядя на окружающую красоту захотелось жить, творить, для людей. Я готов был горы сдвинуть! Но этого никто не просил, поэтому я сосредоточился на том, что предстояло выполнить. Меня отвлекли шаги за спиной. Обернувшись, позади стояла знахарка, ещё не полностью справившаяся с нахлынувшими на неё чувствами и воспоминаниями о муже. Она протягивала мне колчан, полный стрел.

– Без них, лук бесполезен, – она попыталась улыбнуться.

– Ничего, я бы новые стрелы сделал!

– Бери, бери. Здесь не хватает одной стрелы, муж её выпустил в последний миг своей жизни. – Она развернулась и зашла в дом.

Я осмотрел лук и стрелы, и остался, удовлетворен их состоянием. Биба ухаживала за оружием мужа. Оно было как новое.

Собравшись с мыслями, я собрал поклажу, набрал воды, и больше не тревожа хозяйку дома, отправился по тропе к деревне.

***

– Вот так ребята. Жизнь иногда преподносит нам такие сюрпризы, что голова идёт кругом. Спокойной ночи! Завтра продолжим! – Дед встал, и прошёл в дом, не говоря больше ни слова. Мы слышали, как он лёг на кровать, которая громко заскрипела под его весом.

– Ну что, по домам? – спросил я.

– Да-а! – задумчиво сказал Сашка и пошёл домой.

– Пока, – крикнули мы ему вдогонку. В ответ он помахал нам рукой и скрылся за углом хаты.

Следующий день был сплошной рутиной, сделай это, принеси то. В общем, к обеду мы освободились. Пообедали, сели на лавочку под столетней шелковицей, раскинувшей свои ветки на полдворика возле дома, где уже ждал дедушка.

– Ну что, внушки, не надоело? – улыбаясь, спросил дед Павло.

– Нет, мне очень интересно! – воскликнул Сашка.

– И мне тоже, – с не меньшим удовольствием ответил я.

– Во всяком случае, не скучно! Да и время быстро проходит! – с легким сарказмом вставил Пашка.

– Вижу никто не против продолжения моей истории. Теперь уже поздно, ребята, отступать назад. Только вперёд!

Мы согласно кивнули ему в ответ, взяв со стола по пирожку, которые принесла бабушка Валя.

***

Путь до тропы описывать не буду, это уже было. В лесу было интересней, чем на болоте, хотя и там мне нравилось. Я шёл своим обычным шагом. Когда вдруг услышал, как за спиной хрустнула ветка. Кто-то наступил на неё, не заметив. Обернулся, никого. Бесшумно прячась за стволы деревьев, я стал искать того, кто следовал за мной. Аккуратно передвигая ноги и практически не дыша, я сделал круг назад. Тем самым, обойдя неизвестного сзади, я пропустил его вперёд, превратившись из преследуемого в преследователя. Его искать, долго не пришлось. Он стоял в нескольких метрах от меня, прячась за стволами, растущих близко друг к другу ясеней. Молодой мужчина, с крепким жилистым телосложением и слегка покатыми плечами, осторожно двигался вперёд, переходя от ствола к стволу. Я за ним. Вот он остановился и начал вглядываться вперёд, было видно, что человек несколько растерялся, потому что потерял меня.

Подойдя к тропе, преследователь присел и начал внимательно изучать следы, оставленные мной. Удачного момента я не смог бы себе и представить!

Тихо подкравшись к нему сзади, схватил за шею, слегка придавил и повернул к себе лицом. У того от неожиданности и боли, глаза стали вылезать из своих орбит. Чтобы не разочаровывать недруга нашей встречей, я ударил его левой рукой в солнечное сплетение. Незнакомый перестал сопротивляться, затих и повис на моей руке, хватая ртом воздух. Посадил его у дерева, и сам присел рядом, снял с пояса кожаную фляжку, набрал из неё в рот ключевой воды и обдал бедолагу фонтаном мелких брызг.

– Мм-м! – застонал тот и открыл глаза.

Взгляд его был туманный и непонимающий. Но по мере того, как человек приходил в сознание, он становился жестче и хитрее. Как будто изучал ситуацию, чтобы в нужный момент сбежать. Но все его попытки я пресёк сразу, поднёс к его носу свой огромный кулак.

– Друг, и не думай даже! – строго произнёс я.

– Ладно, – согласился мужик, – больше не бей, а то раньше времени испущу дух.

– Услуга за услугу. Зачем за мной следишь? Кто тебя послал?

– Святогор, он сказал, чтобы я шёл за вами по пятам, и в случае чего прикончил тебя.

– Интересно, это зачем? – усомнился я в его словах.

– Боялся, наверное, что ты окажешься не тем, кем должен быть.

– Резонно, – задумчиво протянул я, «говорит верно, – думал я, – но где же он был, когда на нас косолапый напал? Хороший вопрос, но ему пока не время, посмотрим, что будет дальше».

– Как тебя кличут? – смягчая тон и добавляя веселья, спросил я.

– Мстиславом, кличут, а что? – насторожился он.

– Меня Павел, – я протянул ему руку для пожатия. Сначала не решаясь, но, пересилив свой страх и недоверие, он протянул свою.

Пожимая руку, я взглянул ему в глаза, пытаюсь раскусить, что за личность прячется за маской честного «посыльного». На моём же лице было доверие, и доброжелательность, сделав вид, что расслабился и потерял контроль, за ситуацией, добродушно улыбался, внимательно следил за его поведением. Изучение мне ничего не дало, лишь один раз его голубые глаза дёрнулись сначала влево, потом вправо и стали на место, словно ничего не произошло. Я это заметил, но не придавал значения, мало ли у кого и куда бегают глаза, да ещё после такой взбучки. Не знаю, как бы сам повёл себя на его месте.

– До деревни далеко? – по-дружески спросил я.

– Нет. Могу проводить, если надо.

– Если тебя это не затруднит. Я бы и сам нашел, но ты понимаешь, вдвоём то веселее, чем-одному-то брести по лесу.

– Понимаю, – ободряясь, ответил Мстислав.

– Ну что, пошли?

– Пошли, – парень отряхнулся и пошёл первый по тропе, я двинулся за ним следом.

Дорога снова пошла через густой лес. Появились хвойные деревья. Сосны шли вперемежку с дубами, ясенями, и осинами. Получался эдакий лесной букет. Почва в этом месте была песчаной и более сухой, поэтому сосны постепенно вытесняли все остальные деревья. Травы здесь было меньше, да и была она не такая высокая. Идти стало гораздо легче. Тропа расширилась, и больше походила на накатанную телегами дорогу, нежели на тропинку в густом лесу.

Хорошенько взглядевшись в лес, я понял, в чём причина такого резкого расширения тропы. Здесь местные жители рубили деревья на свои нужды и с помощью быков и лошадей перетаскивали сваленные стволы в деревню.

– Ты видел навье? – спросил я своего нового попутчика и по совместительству проводника.

– Нет, – коротко ответил он, – здесь их редко кто видел.

– Так значит правда, что они досюда ещё не добрались?

– И, да и нет.

– Это как? Объясни, я что-то не разумею.

– Уже многие пострадали от них, но две деревни и Арта ещё им сопротивляются. Вопрос в том, насколько их ещё хватит! Вот вопрос-то. И мы особо помочь-то им не можем.

– Так они что, сражаются как воины?

– Нет, у них своя хитрая тактика. Навье хотят убить всех, кто был сильный духом, а имеющих слабую душонку людей забрать в рабство.

– Ты откуда столько знаешь?

– Что люди болтают, что сам слышал, то и тебе говорю. Мне встречаться с ними, как-то не хочется, а тебе?

– Естественно, не горю желанием, но придется им головы то пообрубать! И тебе это надо будет делать, если хочешь выжить. Ты наш человек?

– Да, если надо так надо.

– Тогда ты должен биться до конца за свою землю и своих родных. Либо ты их одолеешь, либо они тебя. Если второе, то ты должен забрать с собой на тот свет как можно больше врагов!

– Угу, – согласился Мстислав.

Дальше шли молча, любуясь местными пейзажами, красотами. Вскоре мой нос уловил запах реки, сладкий запах воды и мокрого песка.

– Впереди река? – поинтересовался я.

– Да, – он удивлённо посмотрел на меня.

Ещё несколько минут ходьбы вниз с косогора, и дорога вывела нас на песчаный берег реки. Её берега утопали в яркой зелени, и отражались в зеркально чистой воде.

Мстислав повёл меня к густым кустам молодого камыша. Шли медленно, стараясь не оставлять за собой следов. Едва заметный проход в зарослях привёл меня и моего спутника к челноку, выдолбленному из ствола большого дерева. Сели в него. Под моим весом долбленка стала быстро погружаться в воду.

– Выдержит меня, не утонет?

– Не бойсь, и не таких перевозила!

Мстислав уверенным движением лёгкого весла вывел лодку на открытую воду, где её подхватило течение и понесло вниз, к устью реки. Кормчий не сильно напрягался, чтобы вести лодку в нужном направлении, он редкими, но сильными взмахами весла направлял нос лодки на противоположный берег. Лодка быстро скользила по речной глади, оставляя за бортом песчаный берег. Сильное течение и умелое управление вывели нас на излучину реки. Оттуда открывался прекрасный вид на правый берег.

– Эта река называется Рос? – спросил я.

– Да, откуда знаешь? И в вашем мире её знают? – изумился моим познаниям Мстислав.

– Много слышал, как в нашем, так и в вашем мире. Я же Русский человек, мне грех этого не знать. Я знаю названия многих рек.

– Как вы их именуете? – с неподдельным интересом спросил Мстислав.

– Дон, Волга, Днепр, Москва, Лена, Обь.

– Странные названия, – задумчиво произнес он, пытаясь понять их смысл.

Лодка подошла к противоположному берегу. На холме, который, как клин, входил в водную гладь, в окружении леса стояла обнесённая высоким частоколом, родная деревня Святогора.

– Мы, куда плывём? – обратился я с вопросом к своему проводнику.

– Угу, это и есть родное поместье нашего любимого Святогора. Деревня Лесная.

– Скажи Мстислав, почему на той стороне вырублены деревья. Вы их что, переправляли на этот берег?

– Было дело, это была ловушка.

– Для кого? – не унимался я, решив по возможности узнать что-то новое из истории этого мира. Не сидеть же молча, а за приятным разговором и время бежит быстрее, и дружба завязывается.

– Мы тогда столкнулись с Антами, те шли полчищем на нас со стороны заходящего солнца, и разбили наши дружины. Чтобы совсем не погибнуть, построили несколько град, обнесённых тыном, и привели их войска к нашим жилищам. Анты испепелили наши деревни, и ограбили наши избы. Старейшины из наших поселений во избежание полного истребления народа, пришли к простому, но верному плану. Сначала заманили врага в пустые деревни, тем самым внушив врагу мысль о нашем полном поражении. А потом встретились с их вождём для обсуждения нашего поражения. Всё вышло, так, как мы и планировали. Встреча состоялась, им досталась наша земля. А мы остались жить на ней в новых, только что отстроенных поселениях. Потом пришли Готы и разбили Антов, оставшиеся в живых, ушли на север, и там смешались с нашим родственным племенем Северян и Древлян. А когда мы собрались с силами, то разбили Готов и те бежали на запад.

Слушая рассказ артанца, я не заметил, как лодка вошла в тихую протоку и направилась к песчаному берегу, где лежало множество таких же судёнышек. Несколько крупных баркасов покоились на тихой водной глади притока.

Лодка ткнулась носом в песчаный берег и остановилась.

– Всё, приехали! – воскликнул Мстислав.

– Спасибо за приятную водную прогулку! – поблагодарил своего паромщика я, когда мои ноги коснулись твёрдой почвы.

Двое мужчин одетых в простую серую одежду из тонкого холста, перебирали рыболовные сети; увидев вышедших из лодки людей, они приостановили свою работу и стали внимательно следить за нами. Мстислав затянул лодку подальше на песок, хлопнул меня по плечу, как старого закадычного приятеля и направился в деревню, приглашая меня следовать за ним.

– Здорово мужики! – проходя мимо оных, поздоровался Мстислав.

– Здорово, – пробурчали они в ответ.

– Здравствуйте, – приветствовал я рыбаков, – Бог помощь! – и добродушно улыбнулся. – Как, рыбака, то есть?

– Здравствуйте, – тепло поздоровались они со мной, – рыбака есть! Боги нас не обижают! А вы тот, про кого нам твердил Святогор?

– Ну, насколько я сам смог понять, то да! – отшутился я.

– А где Святогор? – серьёзным тоном обратился ко мне второй рыбак, молчавший всё это время.

– В лесу мы столкнулись с медведем, и ему почему-то не понравился Святогор. Была неравная схватка, в которой мишка пал замертво и распрощался со своей лучшей филейной частью! – не вдаваясь в подробности ответил я.

– А старик? – рыбаков моя шутка взволновала серьезней, чем я мог ожидать, хотя мне хотелось рассказать правду в шутилой форме.

– Да успокойтесь вы! Разве мог бы я шутить, если б случилось что серьёзное? У нашего старика прибавилось несколько боевых шрамов на теле и только. Или вы думаете, что медведя завалить простое дело?

– Ты прав парень, скажи, сильно помял его косолапый?

– Мужики, скажу честно, не знаю, что, по вашим словам, «сильно помял», а что «слабо помял». Для меня показалось его рана смертельная, поэтому я решил нигде не задерживаться, и принёс его к знахарке Бибе.

Услышав знакомое имя, мужики успокоились.

– Да, она знает свое дело, и быстро поставит его на ноги.

Я заметил нервность в поведении Мстислава. Ему, очевидно, была не по душе затянувшаяся беседа, я решил задать последний вопрос, прежде чем зайти в деревню.

– Вы видели навье? Если видели, то, как давно?

– Те, кто их видел, либо ушли с ними, либо похоронены, но этих совсем мало. Они всё больше превращают наших людей в себе подобных.

Рыбаки отвернулись и принялись за дело. Сначала я подумал, что я их чем-то обидел и ругал себя за этот глупый вопрос, хотя ничего не находил в нём обидного. Это потом мне рассказали, что у них погибли родные. Три человека в одну ночь.

Ворота открылись, скрипя петлями, и нас пропустили во внутренний двор деревни. Я, так же, как и Мстислав, никого не пропускал, со всеми здоровался. Поселение изнутри, казалось гораздо больше, чем снаружи. Жителей на улицах было не так уж много. Вы, наверное, скажете, что я ждал толпы народа, оваций по поводу моего появления. Скажу сразу, вы ошибаетесь! Во-первых, мне ничего такого не хотелось, наоборот, в тот момент я хотел спрятаться, чтобы на меня не глазели, как на живого идола. Во-вторых, мне как можно быстрее хотелось поговорить с другими старейшинами где-нибудь в спокойном месте, подальше от любопытных глаз. Они смотрели на меня как на героя, но я таковым не являлся. Вы же, внушки, знаете, что мне не нравится незаслуженная похвала.

Внешне мужчины и женщины выглядели спокойно, не выказывали ни интереса, ни эмоций по поводу моей персоны. Мы шли по улице, у которой по обе стороны дома выстроились впритык друг к другу. Избы сплошь из брёвен сложенные. Кругом было чисто и по-деревенски

уютно. Где-то вдалеке кузнец стучал по наковальне, выделявая нужный инструмент или оружие. Меня удивило то, что вся улица была покрыта деревянным настилом, как сейчас стелют асфальт. Такого я никогда не видел и не слышал. Оказывается, таким способом наши предки боролись с грязью, и делали это весьма успешно! Не то, что сейчас.

Мстислав привел меня к большому отдельно стоящему, от остальных построек, дому. Дверь была открыта, и мы беспрепятственно вошли в избу, там встретила нас женщина средних лет, с лёгкой сединой, тронувшей её каштановые волосы.

– Здравствуйте, – сказали мы почти хором.

– И вам здравия, – ответила она нам, – чего хотел Мстислав?

– Вот, принимайте гостя! – ответил он на её вопрос и снова хлопнул меня по плечу.

– А где Святогор? – последовал вопрос, который я уже предвидел.

– Задержался у Бибы, – опередил я с ответом, – он попозже прибудет.

– Хорошо, проходите в комнату.

Там было сухо и прохладно, по сравнению с той жарой, что стояла на улице. В соседней комнате на печи стоял большой горшок с похлёбкой или щами. Аромат, который исходил от него, распространялся по всей избе. В центре другой комнаты стоял большой деревянный стол с лавками, за которым сидели два пожилых человека. Они наблюдали в окно за развлечением голозадых детишек трёх-пяти лет, бегавших по зелёной лужайке. Когда мы вошли, старики обратили на нас свои взоры.

После приветствия и знакомства, нас пригласили за стол. Женщины тут же засуетились, ставя на стол миски с едой.

– Значит, вы и есть тот самый Павло, про которого пишут в писании? – первым задал вопрос тот, что постарше и звали его Яр Водяной. Говорят, будто прозвище своё получил за умение общаться с водяными и русалками, договариваясь с ними о хорошей рыбалке и погоде на воде.

– Выходит, что так. Моё полное имя Павел Кошляков. Для друзей Павло или Кошляк, – ответил я.

– Скажи-ка нам, правда, это или нет. На днях пришёл к нам гонец от Миколада, вождя племени Маро, и сказал, что Святогор заключил с ними договор?

– Есть такое дело, мы обсуждали этот вопрос и выслушали их просьбу и условия. Они теперь наши друзья и братья.

– Но, что мы дадим им взамен? – продолжали свой опрос старейшины.

– Ничего, у нас враг один, это навье. Когда с ними будет покончено, бояться этих дикарей уже не надо будет. Они станут первым эшелонам вашей обороны. Другим языком, будут защищать границы вашей земли. – При этих словах я деловито посмотрел на своих собеседников.

– Мы, только «за»! А как вы собираетесь с ними бороться? С навье?

Этого я и сам не знал. Мне даже в голову не приходило, с чего начинать-то надо. В этом вопросе всегда полагался на себя, Бога и интуицию. Поэтому я ответил честно и без всяких там выкрутасов.

– Не ведаю. По первой, нужно ознакомиться с проблемой поближе. Изучить местность.

В комнате воцарилась полная тишина, наверное, переваривали мои слова.

– Не знаю, – повторил я, – конечно, я не Бог, и не могу одним движением руки творить чудеса. Но вы же местные головы, посидим, подумаем, покумекаем, помолимся Сварогу, Хоросу, Дажьбогу. Глядишь, подскажут и наведут на путь истинный.

Старики переглянулись, наверное, на них действовало моё знание их Богов. Не зря я старался узнать об этом месте как можно больше! Вот и пригодилось.

– Что от нас нужно? – спросил второй старейшина. Он почти всё время молчал, лишь изредка кивал головой в знак согласия или отрицания. Его внешность говорила о том, что он

гораздо старше своего сотоварища и за его старческими осунувшимися плечами был громадный жизненный опыт.

– Расскажите, кто, где, когда и при каких обстоятельствах погиб? Или ушёл и не вернулся?

– Всех перечислять? – спросил Святослав Мудрый, так звали второго старика.

– А, их много? – отвечал я вопросом на вопрос.

– С каждым днём их количество растёт, и пока погибших двадцать человек из нашей деревни. Пятнадцать самых лучших, смелых и ловких мужчин, достойных представителей нашего рода! Четыре самых красивых и гордых женщины, и один ребёнок. Сын Олега рыбака, он был тогда вместе с матерью, когда на них напало проклятые навье.

– Разбейте по группам, где чаще всего нападали мертвецы, у ручья, в поле и так далее. Таким способом можно примерно вычислить то направление, где прячется наш враг. Найдём направление, откуда они пришли, оттуда и начнём!

– Мм... Значит... Мои... – задумался Святослав. – Так, ага, вот значит, как складывается обстановка! Как я сразу не догадался!

– Что именно? – не уловил я ход его мыслей.

– Погодь... Ага, восемь человек, мужчин погибли на берегу около пристани, возвращаясь поздно ночью с рыбалки. Остальные в лесу, когда задерживались на охоте. Женщины погибали по пути в другие деревни и град Арту.

– Это уже интереснее! Кто-нибудь, видел этих мертвецов. То есть навье?

– Нет. Из жителей нашей деревни, точно никто не видел их, – ответил один из стариков.

– Кто-то болтал, что был один человек, но вот беда, я запамятовал, кто. Эх! Старость не радость! – вздохнул Святослав Мудрый, и окинул комнату взглядом. – Ой! Так это ж, по моему, мужики про тебя болтали, а Мстислав?

– Я?! – удивился тот. – Почему сразу я?

– А, кто если не ты? Не ты ли у нас проныра? Аль не так? – глядя на него своим тяжёлым взглядом, задал вопрос Святослав.

– Ну, есть чутко, да толком не видал я их. Лишь краем глаза. Они как мы, такие же люди, правда зубы у них огромные!

– И всё? – поинтересовался я.

– Да. А что вы хотели, чтобы я сдох как все? – воскликнул Мстислав. – А, дудки вам! Мне жить больше охота, чем погибнуть от этих вурдалаков! Если вам надо, то сами сходите ночью в лес и посмотрите всласть! Коли они вам горло раньше не перегрызут. Видал я их мельком и вины в том, нет моей!

– Тише, тише! Зачем же так вопить, никто тебя ни в чём не упрекает, уж тем более не обвиняет, – успокаивал его Яр.

– Прости нас, если мы тебя обидели, но ты говоришь, что они такие же, как мы, ничем не выделяются, лишь зубы большие. И ещё они не любят солнечный свет и нападают по ночам, – размышлял я вслух, не обращая на своих собеседников, никакого внимания, – мне нужно подумывать. Я могу, где-нибудь приютиться? Ненадолго?

– Да, конечно. У нас есть пустой дом, – засуетились старики, – остановишься там. Живи сколько нужно!

Я со старейшинами вышел на улицу, и мы направились к моим новым апартаментам. Изба была небольшой, но уютной. И выглядела, словно хозяева вышли погулять и вернуться с минуты на минуту. Но меры предосторожности были приняты. На дверях нарисованы кресты, в окнах висели пучки чеснока, сплетённые в форму девичьей косы.

– Мне нравится! – воскликнул я. – Уютный домик! Да, хоромы что надо.

Сопровождающие молча покинули избу и оставили меня одного. Я не знал с чего начинать, просто бесцельно ходил по комнате и разглядывал местный быт, думая о том, с чего начать, то ли сразу пойти в соседнюю деревню то ли ещё здесь задержаться.

Обойдя весь дом я, погруженный в свои мысли, вышел на улицу. Решил изучить деревню и её укрепления. Изъянов в обороне, на мой взгляд, не было. И ров есть, и насыпь с частоколом из толстых и остро заточенных брёвен, и подмости для лучников, защищающих стену.

Незаметно для себя подошел к кузнице. Там работали двое. Огромного роста мужик, с большими ручищами, величиной с футбольный мяч! Я сразу представил себе, какой должен быть удар у этого человека. По его чёрному от загара и копоти лицу струился пот. Большой молот в его руках казался детской игрушкой. «Вот это богатырь!» – подумал я. За всё время моего пребывания здесь, ещё никого не видел здоровее себя. «Не хотел бы я встретиться с этим гигантом в честном бою!» – проскочила глупая мыслишка, и я откинул её прочь.

Подмастерье был совсем ещё мальчишка, хотя развит не по годам, наверное, весь пошёл в отца. Безусловно, это были отец и сын. Они даже двигались одинаково, как говорят в народе, яблоко от яблони не далеко падает.

– Здорово, мужики! – крикнул я громче, чтобы они услышали меня за ударами своих молотов. – Бог в помощь!

– Здорово! Коль не шутишь!

– У меня к вам дело, вот лук, это самый лучший и дорогой подарок в жизни, и вот колчан стрел, можно ли металлические наконечники поменять на серебряные? И желательно сделать еще, чтобы был запас?

– Это лук Олега, мужа Бибы?! – на выдохе произнёс кузнец. – Он лучший из всех, которые я когда-то видел. Он всегда своими руками делал стрелы. И разговаривал с луком, как с живым. Я сам, не раз его заставлял за осмотром оружия, когда заходил к нему по делу. – Сказал кузнец, бережно взял его в руки и внимательно осмотрел. – Ни разу не держал этот лук в руках! – он на секунду задумался.

– Ясь! – протянул он руку.

– Павло! – пожал я протянутую мне руку.

– Ты правильно пришёл, мы тебе поможем. Но у меня есть одно условие, нет, скорее просьба. Возьми меня в свою дружину!

– Ну-у-у! – протянул я задумчиво, так как на такое предложение не рассчитывал. – Дружины у меня нет, а верный друг и помощник мне бы не помешал. Но понимаешь...

– Я не в герои напрашиваюсь, у меня жена от их рук погибла, два года назад.

– Скорее зубов, – поправил я.

– Да, хочу хоть одного гада задушить своими руками! И отомстить за смерть моей любимой Алёнушки и его матери! – в нём вскипели чувства любви и мести, вот-вот готовые вырваться наружу.

– Я, не против. Но то, что я узнал, за последние несколько дней о навье, говорит о том, что их голыми руками задушить не получится. Нужно хорошо вооружиться, – согласился я, – как оружием, так и знаниями.

– Мне всё равно, чем и как, меня успокоит одно, их смерть! Ты ещё молод, и не знаешь, что такое потерять близкого и любимого человека!

– Отец, не надо, – тихо и немного грустно произнёс сын, – вы сами меня учили держать себя в руках, мстить в битве не помощник.

– Да, да сын. Всё что я тебе говорил это правда. Я уже успокоился. – Ясь отвернулся и стал часто дышать, он не хотел показывать своих слёз перед сыном.

Пауза, повисшая в кузнице, продолжалась не долго. Её прервал появившийся неведомо откуда старейшина Святослав.

– Моё почтение! – произнёс он с лёгкой хрипотцой в голосе, которую я не заметил в доме. – Вот ты где! А я обыскался, думаю, может окрестности осматривает. И точно! Уже познакомился с нашим кузнецом?

– Да. Хожу, смотрю, знакомлюсь с людьми.

– У меня к тебе серьёзный разговор. Отойдём? – сухо спросил Святослав.

– Секрет?

– Да.

– Ясь, мой помощник и состоит в моей маленькой дружине, – твёрдо сказал я. – В которой ты, да я, да мы с тобой... – уже про себя продолжил я.

– Тогда, кузнец, присоединяйся, – обратился к нему старик, решивший не спорить, а тут же приступить к делу.

Сын кузнеца покорно вышел из кузницы и удалился. Чтобы не мешать старшим.

Все трое сели на лавку в соседнем помещении, служащем для работающих здесь людей кухней, и, по совместительству, комнатой отдыха. Подальше от посторонних глаз.

– Внимательно вас слушаю, – тихо заговорил я.

– Как вы относитесь к Мстиславу? – так же шёпотом спросил старейшина, опасаясь быть подслушанным.

– Мне никогда не нравился этот человек, – с лёгким презрением ответил кузнец, нисколько не понижая голоса.

– Ничего не могу сказать. Я его совсем не знаю. Мы знакомы всего несколько часов, – ответил я и рассказал свою историю знакомства с Мстиславом.

– Странно, очень странно! – кузнец со стариком переглянулись после того, как внимательно выслушали мой рассказ. Святослав продолжил, – Святогор сильный и умный человек. Не мог он так бесстыдно поступить! Тем паче, что верил в тебя больше всех нас вместе взятых. Павло и нас всех заставил поверить в тебя. Хотя скажу, не кривя душой, сомневался я, что ты когда-либо появишься. Да и не только я один.

– Не обо мне речь, – скромно напомнил я.

– Да, конечно. Мне кажется, в наших рядах завёлся предатель, но я могу и ошибаться.

– Какие доказательства против него? – задал я новый вопрос.

– Их нет, есть много совпадений. Мстислав не из нашей деревни, он из полян. Хороший бегун, выполняет разные посыльные поручения. Нареканий не имеет. Не могу сказать, что он в чем-то виноват, но, припоминая, что именно он должен был ходить на рыбалку и на охоту, но почти всегда в последний момент находились другие дела! Когда погибла первая женщина, угадайте, кто был с ней?

– Мстислав! – выдохнул я. – Тогда-то он с ними и увиделся!

– Да, но опять, НО! Почему они его не тронули, вот где закрадывается подозрение!

– Это уж точно! И, кстати сказать, Мстислав присутствовал при нашем разговоре, в вашей хижине, – высказал я своё наблюдение, – может и сейчас он ждёт темноты, чтобы под её покровом пойти на встречу в условленное место и передать полученную информацию, а её у него предостаточно!

– Верно, а к тому же Святогор у Бибы один и без охраны. И то, что мы заключили договор мира и дружбы с племенем Маро, и то, что ты появился, настоящий и живой, а не в фантазиях пожилого человека. Всё было сделано, так что ты должен погибнуть, но благодаря Святогору ты выжил. Даже могу предположить, правда, это не доказуемо, что нападение медведя не обошлось без Мстислава. Уж больно мишка себя агрессивно повёл. Наши косолапые, редко без особой нужды, бросаются на человека. Вот если его разозлить и вывести на тропу, где вы шли... Ага, это могло бы сработать! – удивился своему новому открытию Святослав.

– Хватит гадать! – вставил своё мнение на этот счёт Ясь. – Надо заниматься делом, а не ласы попусту точить!

– Правильно, – поддержал его я. – Уже темнеет, вскоре он может двинуться в путь, и нам надо проследовать за ним. А там, как Бог даст.

– Верно, так мы и поступим! – согласился со мной кузнец. – О нашем разговоре не должна знать ни одна живая душа. Вы, Святослав, я и Павло. И... я думаю надо посвятить Святогора, а заодно прислать к нему пару наших лучших воинов. На всякий случай.

– Этим, пожалуй, займусь я, и прямо сейчас! – старик встал. – Действуйте, пусть вам покровительствует Хорос! – и вышел из кузницы.

Времени на сборы ушло немного. Когда мы подошли к избе, в которой жил Мстислав, то успели как раз вовремя. Он вышел на крыльцо, посмотрел на солнце, скрывшееся к тому времени за деревьями.

– Тс-с! – предупредил меня кузнец.

Мы спрятались за стеной сарая и сквозь щель наблюдали за ним. Мстислав вел себя так естественно, что я на мгновение усомнился в нашей версии. Ему не составило труда пройти по деревне, не привлекая к себе внимания. Лишь один раз он отвлекся от исполняемой роли. Остановился возле узкого прохода между двумя избами, стоявшими близко друг к другу, лицо его стало на мгновение серьёзным, глаза рыскали по улице, не следит ли кто за ним. Убедившись, что слежки нет, он тихо скользнул в проём, который упирался в частокол, образуя более мощное укрепление. Он ещё раз оглянулся, убедился в очередной раз, что за ним никто не идёт. Толкнул одно бревно вперёд и проскользнул в образовавшийся лаз. Мы отправились следом за ним, тихо и очень осторожно, стараясь не подходить к нему на близкое расстояние, дабы не быть замеченными. Иначе вся наша затея рухнула бы, не успев начаться, а предатель сбежал бы.

Шли лесом. Насколько я смог сориентироваться, двигались на север или северо-запад.

– Сколько мы уже прошли? – очень тихо спросил я у Яся.

– Достаточно много, скоро должна быть охотничья сторожка. Мне кажется, он держит путь туда, – так же тихо ответил кузнец.

– Это хорошо. Если это подтвердится, у нас есть шанс застать их врасплох.

Солнце давно село и тусклый лучик молодой луны не проходил сквозь густые кроны деревьев, идти приходилось практически на ощупь. Лишь благодаря Богу и страху быть обнаруженными, нам удавалось избежать хруста сухих веток, которые предательски громко ломались бы под ногами, извещая всех местных жителей о нашем присутствии.

– Стой тут. Я схожу, да посмотрю, что и как... – произнёс мне на ухо кузнец, едва шевеля губами.

– Крест взял, чеснок?

– Не беспокойся.

Он растворился в ночной мгле. Стоять одному в лесу ночью, когда вокруг кишат вампиры и дикие звери, не очень приятно, скажу я вам. В голову начинают лезть неприятные мысли. Сосредоточившись на предстоящей операции, я выкинул всё лишнее из головы и заставил работать на всю катушку своё обоняние и слух.

Вокруг было тихо и спокойно. Ничто не нарушало ночного спокойствия, кроме хищников, вышедших на охоту, и ночных птиц, которые оглашали всю округу своими воплями.

Вскоре мой слух уловил еле слышные шаги. Они становились всё явственней. Вдруг снова затихли. Лес замер, даже насекомые перестали летать. Холодный ветерок пробежал по лесной чаще, наполняя её приятной свежестью. Я инстинктивно спрятался за толстое дерево.

Кто-то легко тронул меня за плечо.

– Тс-с! Это я! – раздалось над ухом.

– Что там?

– Они встретились. Что будем делать?

– Дверь надо подпереть.

– Пошли, там, на месте, решим.

Мы двинулись в сторону охотничьего домика, затерявшегося где-то в лесной глуши. Дорогу, к нему знал один кузнец. Не прошло и нескольких минут, как мы упёрлись в боковую стену избы. План был прост. Запереть их в охотничьем домике и продержат в нем до утра, если получится. После небольшого военного совета приступили к его воплощению в жизнь. Притащили огромное бревно и хорошо подпёрли им дверь. Мы стали использовать все, что прихватили с собой из деревни.

Мелом Ясь нарисовал на двери кресты, я, для лучшего эффекта, чистил от шелухи зубки чеснока и засовывал его в щели и дырки, делая чесночный щит, через который вампир не смог бы пробиться. Через несколько минут кропотливого труда незащищенной осталась одна крыша и единственное маленькое окошко в сторожке.

Нам было достаточно пару жестов и слов, чтобы понять друг друга. Я нашколовал окно чесноком, как хорошая хозяйка курицу. Ясь нашёл две ровные ветки и как заправский плотник смастерил крест. Стараясь не производить шума, воткнул его в землю рядом с окном, тем самым закрывая проход для отступления навья. Скажу сразу, тогда нам повезло, на тот момент я ещё не знал, насколько бывает, безгранична сила вампира.

Осталась без защиты одна крыша, когда в доме стали слышны странные звуки. Сначала они были похожи на человеческий крик, от которого душа уходила в пятки, по коже бегали мурашки, а волосы поднимались дыбом на всех частях тела.

Не теряя ни единой секунды драгоценного времени вскарабкались на крышу и принялись чертить на ней кресты и засовывать чеснок.

Вампир почувствовал, что его зажимают в клещи и пытался вырваться из западни. Единственный путь к спасению лежал через крышу. Он стал монотонно крушить потолок. Удары были частыми и сильными, но потолок был крепкий, и эта задержка была нам на руку. Эта пауза позволила закончить начатое дело. Вскоре вся изба была защищена. Таиться не было смысла, они уже знали о нашем присутствии, и мы стали вести разговоры вслух. В темноте общаться с помощью знаков тяжело.

– Из какого дерева сделаны стрелы? – спросил я у кузнеца.

– Осина.

– Бери лук, если вылетит из окна, стреляй прямо в сердце, именно в сердце! Попадешь в другие части тела, это его не остановит, немного замедлит. Так что, это бессмысленная трата стрел. Понял?

– Понял, – ответил Ясь, взял из моих рук лук и колчан, полный стрел. Даже в темноте я различил, как у него загорелись глаза от восторга и гордости! Ведь в руках у него было оружие великого Русского воина Вещего Олега, даже человек не любящий оружие, почувствовал бы великую силу, заключённую в нём. Ясь прыгнул на землю.

Вампир проломил потолок и оказался на чердаке, там было душно и пахло мышами. Это не помешало ему начать крушить крышу. Первые его попытки были неудачны, он словно проверял её на прочность. Но, вскоре найдя слабое место, он изловчился и ударил с такой силой, что от удара задрожала вся изба, кровля проломилась, и рука навья вырвалась наружу.

Мои движения были чисто интуитивными. Я прыгнул на высунувшуюся из избы руку и прижал её своим весом к скату кровли. Навье сопротивлялся изо всех сил, пытаясь вырваться из моего захвата. Не мешкая ни секунды, я вытащил из кармана большой зубок чеснока. Чистить, не было времени, поэтому откусил половину, а другую половину, оставшуюся в руке, сильно прижал к запястью пойманного навья.

Тут началось такое! Кожа под чесноком покрылась большими пузырями, которые лопались, и оттуда текла черная жидкость. Завоняло паленым, как будто вместо свежего чеснока к руке приложили раскалённую головешку, извлечённую из огня.

– Отпусти! – закричало существо грубым грудным голосом. – Мне больно!

– А людей, которых ты сожрал, не было жалко? – крикнул ему в ответ кузнец.

– Не шуми, Ясь, будь внимателен и осторожен. Здесь поблизости может быть ещё один...

Не успел я закончить фразу, как из кустов, растущих неподалёку от хижины, выскочил мужик с красными глазами и бросился на Яся. От его жуткого оскала у меня похолодело внутри.

Хвала Богам! Реакция кузнеца была молниеносной. Он вскинул лук, и выстрелил в навье, практически в упор, стрела с треском пробила одежду и тело врага насквозь.

Вампир замер, схватившись за пронзившую его грудь стрелу, и попытался её вырвать.

– Ты-ы м-о-ой! – закричал он и медленно пошёл на Яся.

– Руби голову! – что было сил, закричал я. – Руби! Не жди!

Ясь отскочил в сторону, вытащил свой меч, сделал шаг вперёд и со всего размаха снёс голову вампиру. Откатившаяся в сторону голова, попыталась закончить фразу, но вместо этого из горла вырвался ужасный булькающий хрип, тело, оставшись без мозгового центра, стояло и размахивало руками, в надежде поймать то ли свою голову, то ли кузнеца, но тот предусмотрительно отошёл на несколько шагов назад.

Мой вампир затих на время, я отвлёкся, а это исчадие ада воспользовалось удачным моментом, и вырвало запястье из моего захвата, спрыгнув на пол. Оставшейся во рту половинкой зубчика чеснока, я натёр края пролома. Ещё несколько штук мелко разгрыз и покидал туда в тёмную дыру.

Изнутри послышался шорох, и в доме началась возня, похожая на драку. «Не знаю, насколько это хорошо или плохо, но нужно быть настороже!» – подумал я и предупредил своего нового друга, чтобы тот следил за лесом и приглядывал за дверью и окном. Никогда не знаешь, откуда ждать неприятностей.

Сидя на крыше, я для себя вдруг понял, что чего-то в мире стало не хватать. Вопрос, чего?

Где-то далеко испуганно каркнул ворон и взлетел с дерева. Точно! Прекратилась вся лесная какофония. Ни птиц, ни зверей не было слышно. Даже листва перестала шуршать под дуновением ночного ветерка. Он словно уставший труженик ушёл на покой после трудового дня.

– Сейчас что-то будет! – пробурчал я и крикнул Ясю. – Будь начеку!

– Понял! – крикнул он мне в ответ, по небольшому волнению в его голосе я понял, что кузнец тоже почувствовал не ладное.

Существо в доме словно взорвалось! Оно билось о стены, дверь и потолок, пытаясь разнести избу в клочья. Она ходила ходуном, со всех щелей летела пыль, набившаяся туда не за один год. Животный рёв попеременно с человеческим криком, оглашал лесной массив. Испугавшаяся стайка птиц вспорхнула с ветвей огромного ясеня и улетела прочь.

Ошеломлённый Ясь опустил лук и, выпучив глаза, смотрел на едва не разваливающийся под натиском разбушевавшегося вампира охотничий дом. Сильный удар в потолок сбил меня с ног. Ещё удар, ещё, и ещё! Я почувствовал, что крыша вскоре не выдержит, надо было принимать меры, для того, чтобы не дать навью вырваться из нашей ловушки.

– Крест! Дай мне крест! – закричал я.

– Сейчас! – кузнец бросился к кресту, стоявшему возле окна, выдернул и бросил мне. Как раз вовремя. Следующим ударом навье пробил потолок и кровлю. Я почувствовал его взгляд и мерзкий оскал с обнаженными клыками. Вампир попытался вылезти из дыры, в которой он застрял. Я резко обернулся, выставил вперёд крест, и пошёл на него. Подойдя ближе, различил, что голова то была женская. Наш вампир оказался симпатичной женщиной! Со словами «Чур, меня!», я стал подносить крест, стараясь не смотреть на неё.

Голова рассмеялась противным металлическим смехом и плюнула на крест. Но когда он оказался рядом с ней, выражение ее лица стало серьёзным, потом скривилось, и она заплакала, умоляя меня приятным женским голосом:

– Перестань, не надо! Я прошу, пожалуйста! Мне больно. Ты что не человек? Будь милостив!

Честно говоря, я не знал, что в данной ситуации делать дальше. Мне она была нужна живой, а в таком положении я её долго удерживать не мог. Огляделся по сторонам и увидел, как Ясь, воспользовавшись нашей борьбой, заново сделал и укрепил возле окна новый крест. Я, особо не церемонясь, наступил ногой на симпатичную женскую головку и вдавил её обратно внутрь избы. Оттуда вновь послышалась возня, и шум, похожий на то, что двое борются, катаясь по полу.

– Сколько сейчас времени? – я поинтересовался у кузнеца, поскольку сам не мог пользоваться небом как часами.

– Скоро рассвет.

– Мстислав, ты там живой! – крикнул я в дыру на крыше. И решил запустить в ход новый, неожиданно вспыхнувший в моей голове план.

– Живой, – вяло отозвался тот.

– Как ты с ней там уживаешься?

– Когда они сытые, они не нападают.

– Ты её знаешь?

Некоторое время ответа не было. Все молчали.

– Ты её знаешь? – повторил я свой вопрос.

– Да.

– Кто она?

Тишина.

– Кто она? Как её зовут?

Тишина. Шорох. Всхлип.

– Здесь кроме меня и кузнеца нет никого. Не бойся. Скажи нам, кто эта девушка? Это останется между нами! Обещаю.

Небольшая пауза, за которой последовал ответ.

– Это Елена... Моя жена...

– У-у-у! Тебе не повезло! – я почесал свой затылок. – Скажи-ка нам, как долго ты им служишь?

– Давно, – виновато ответил он.

– Как давно?

– С самого начала, как только они появились здесь. Их главный, не помню, как его зовут, сказал, если я не буду этого делать, то они убьют мою любовь! А если стану помогать им, то она останется жива.

До моего уха долетел его глубокий и грустный вздох. Похоже, Мстиславу было тяжело об этом говорить.

– Если это можно назвать жизнью..., – эти слова, Мстислав, произнёс так тихо, что я едва их уловил.

– Елена, вы меня слышите? – обратился я к молодой женщине.

– Ох, доберусь я до вас! – вопила она.

– Извини, это не входит в мои сегодняшние планы! Уже небо стало серым, ещё час и солнце покажется из-за горизонта.

– Ты не посмеешь!

– Кто, я?

Небо стало сереть. Близился рассвет.

– Ты сильно ошибаешься, Лена! – подержал меня Ясь. – Вот твой муженек не смог бы, любит тебя! А Пашка, сейчас очень злой и убьёт любого, кто попадётся ему под руку!

– Вот и случай познакомиться. Вы Павел, верно? – донёсся из хижины чарующий и нежный голосок, который можно услышать лишь в раю. Эти слова коснулись моих ушей, и они возжелали слушать эти речи соловьиные вечно! Ещё и ещё! В них было столько ласки и любви...

– Верно, я Паша! – поддавшись ее чарам, я стал опускаться к пролому в крыше.

– Иди ко мне, любимый! Освободи руки и обними меня! – шептал её голосок.

Сильный удар в спину встряхнул меня, я едва ни выронил крест из рук. Пелена с глаз упала.

– Ты что делаешь! – закричал на меня Ясь. – А ну приди в себя! А то расшибу твою голову!

В его руке был камень, второй раз воспользоваться им я ему не дал. Хватило и одного.

– Всё, всё... Я здесь, я вернулся! – встряхнул я головой. – Спасибо, дружище!

– Да не за что!

Вампирша грубым хриплым голосом гоготала.

– Га-га-га! Ха-ха-ха!

– Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним! – вспомнил я народную пословицу. – Из-за горизонта показалось солнышко...

Дом трянуло, словно в нём взорвалась граната.

– ...Так вот, я и говорю, солнце всходит...

Елена истошно вопила и билась о стены, пытаясь вырваться из деревянного плена.

– ...а у нас столько нерешенных вопросов, – продолжал я говорить, не обращая никакого внимания на шум и крики женщины. Нужно было тянуть время, и я тянул его. – Мстислав, ты готов нам помогать?

– Она меня убьёт! – отозвался тот.

– Ну, тогда мы сами, да, Ясь?

– Конечно, это нам как раз плюнуть! – весело отозвался кузнец.

– Тут дело такое, что нам пора приступать ко второй части нашего плана.

– Какого ещё плана? – спросил у меня Мстислав. – Вы что задумали?

– Вот то, что ты сейчас сидишь со своей женой в охотничьей избе, запертый как в мышеловке, это первая половина моего плана, а сейчас наступает время второй его части. Ты как думаешь Ясь? Или ещё рановато?

– Солнце уже показало свои лучи из-за края земли, так что можно начинать.

– Что вы задумали, смертные? – перебила наш шутливый разговор Елена.

– О! Сейчас узнаешь. Поверь, ждать осталось недолго! – с иронией в голосе отвечал я ей. – Ну что, приступим?

– Ага.

– Что вы затеяли, я не хочу умирать! Не убивайте меня! – вторил своей жене посыльный.

Не обращая на причитания и возмущения пленников, мы приступили к разборке кровли. Сбрасывая вниз доски, которыми была покрыта крыша, и весь мусор, очищая место солнцу, которое с каждой минутой поднималось всё выше и выше.

Работа была тяжёлой, наши предки строили на совесть и на века! Через два часа с небольшим хвостиком, изба лишилась кровли, и первые лучи дневного светила коснулись перекрытия, и стали проникать через дыру в ней.

– Может не надо, – жалобно скулил Мстислав, – вы её убьёте! Я прошу вас, остановитесь!

Меня удивляло, что строили в то время без гвоздей и прочих современных штучек. Не скажу, что не знал об этом, конечно же, знал, но подозревал, что от этого прочность и устойчивость строений была плохой. На деле всё оказалось наоборот, даже прочнее, чем современные постройки.

Брёвна снимались легко и с грохотом падали вниз на траву, поднимая тучи пыли и трухлявых древесных опилок. Сначала было тяжело, пока изо всех сил пытаешься вытащить одно

бревно, второе ужасно мешает и не позволяет вытащить первое. Лишь разобравшись в системе укладки брёвен, стало легко разбирать избушку. Словно детский конструктор, в руках опытных инженеров-строителей. В местные тонкости строительства посвятил меня кузнец. Он показывал, что делать и как, а я выполнял. Тут поддень, здесь удар. Дело двигалось быстро, но изначально мы продумали всё таким образом, чтобы осталась небольшая тень, в которой мог бы укрыться человек, то есть, извините, оговорился, вампир!

Солнечный свет с каждым следующим убраным бревном заливал всё большее пространство в доме, где сидели наши пленники.

Бывшая Елена, нынче женщина вампир, металась из угла в угол, издавая нечеловеческие крики. Горло людей не способно такое воспроизвести.

– Ну что, Павло, осталось три бревна?!

– Вижу. Ну что, приступим? Осторожно! И смотри, не подходи близко к ней, – предупредил я кузнеца.

Ясь спрыгнул с крыши и отправился отпирать двери, я же спустился внутрь избы.

Мстислав сидел в дальнем углу, вытянув ноги вперёд, голову опустив на грудь, руки беспомощно раскинуты по сторонам. Его жена, ставшая вампиром, забилась в самый тёмный угол, её красные глаза горели как два раскалённых уголька. Оскалившийся рот обнажил белые огромные клыки. Она защищалась. И это было понятно.

– Ну что, Елена, – начал я, – нам нужна твоя помощь.

– Ничего не знаю. Никогда мы не помогали простым смертным! – верещала она.

– Ладно, ладно! – дружелюбно согласился я, и посмотрел на Яся, который загородил своей огромной фигурой дверной проём. Он кивнул мне, дескать, давай продолжай. – Согласен, обычно вампиры не помогают простым людям. Но ты не обычный вампир! У тебя, Елена, есть любимый муж, который ради тебя пойдёт хоть на край земли!

Её зрачки потускнели, верхняя губа опустилась, пряча под собой острые клыки.

– Разве тебе хочется вот так жить, днём прятаться в тёмных воняющих гнилью подвалах, а по ночам охотиться за своими родственниками? Ты никогда не будешь иметь детей, и никогда не умрешь, оставив этот бранный мир для своих потомков! Как тебе такая перспектива?

– Да, я знаю, – тихо согласилась она. – Но я свободна!

– Ты свободна? – передразнил я её. – Да ты посмотри на себя! Где твоя свобода? В чём она заключается? Свободен я! Меня ничего не держит, никто мной не управляет и тем более не понукает.

– Я свободна! – глаза Елены снова загорелись не добрыми огоньками.

– Хорошо, – продолжал я свою политинформацию, – значит, ты думаешь, что свободна? Тогда встань и подойди к своему мужу, обними и пожалей его! Ты свободна как я. Ясь, пропусти её, пусть идёт, хоть на всё четыре стороны света!

Женщина молчала и смотрела на меня, следя за моими движениями и ловя каждое моё слово.

– Я не шучу, иди. Никто не тронет тебя. Я обещаю! – не унимался я. – Ну, что же ты сидишь? Ты же свободная женщина и можешь делать, что тебе хочется! Ты дитя божье, которому дана настоящая свобода. А тебе суждено жить под землёй, и охотиться за нами по ночам. Так что же ты медлишь? Мстислав, у вас дети есть?

– Дочки... две... – угрюмо отозвался тот.

– А! Ты ждёшь ночи чтобы пустить кровушки своим маленьким дочуркам? Так это по-твоему свобода! Да?

Елена опустила голову вниз, словно нашкодивший ребёнок прячет виноватый взгляд. Потом резко рванулась вперёд. Но едва жгучие лучи солнца коснулись её нежной белой кожи, кожа стала обугливаться, и с диким криком и безумным страхом в глазах, она отпрыгнула назад, под прикрытие тяжёлых брёвен, образующих потолок. Ударилась о стену и съехала по

ней на пол. Подняла заплаканное лицо и посмотрела на меня с такой нежностью, что я едва удержал себя в руках, чтобы не броситься к ней и облегчить её мучения.

– Я хочу вернуться к прежней жизни, – чеканя каждое слово, произнесла она. – К моим дочкам! К мужу!

– Это правильное решение! – я одобрительно кивнул головой. – Обещаю тебе помочь со своей стороны, но помоги мне и ты.

– Обещаю! Прошу, свяжите меня покрепче, дабы я ненароком не навредила вам. Пожалуйста, не позволяйте больше солнцу светить на меня.

Мстислав сидел молча и не подавал никаких признаков жизни. Его отрешенный взгляд был направлен в никуда, он был похож на шамана, который впал в наркотический транс, где духи древних ему ведали великие тайны бытия.

– Возьми лук наизготовку и целйся ей прямо в сердце! – обратился я к кузнецу.

Я же достал из сумки заранее приготовленную верёвку, держа её в руке, пошёл в сторону Елены. От неизвестности и страха притронуться к навье, кровь стыла в жилах! Я был готов бросить всё и убежать, лишь бы не касаться холодного тела, но слово, данное мной, не позволило этого сделать.

Медленно, но уверенно, я подошёл к вампиру, и стал связывать ей руки, которые она сама любезно сложила у себя за спиной. Оставшейся верёвкой связал ноги, тем самым, снизив её шансы на побег.

– Ты готова? – спросил я жену Мстислава.

Ответа не последовало. Как я тогда взбесился, если б кто знал! Но сдержал себя, и не дал выплеснуться своему гневу наружу. И правильно сделал. Эмоции мешает принимать правильные решения. Я продолжил разговор:

– Елена, послушай, не доводи до беды! Лучше давай по-хорошему! – я выдержал небольшую паузу, давая ей понять, что не шучу. – Скажи нам, где вы прячетесь и как вас найти?

– Всё вам расскажу, что знаю, но прошу, не оставляйте меня такой! Помогите! – как она не крепилась, слёзы все-таки одолели её.

– Я тебе это обещаю. Но пойми нас правильно, нам необходимо знать всё, пока ты контролируешь себя. Слышишь? Всё!

– Да. Спрашивай.

– Где вы прячетесь?

– Днём спим в гробах, которые прячем в разных тёмных местах, в подвалах, погребах, в шахтах, не гнушаемся и могилами.

– Где ваши главари... или как их там, прячутся?

– Точно не могу сказать. Они живут отдельно от остальных. Насколько я знаю, постоянно меняют свои места ночлега.

– Как можно вылечить человека, укушенного вампиром?

– Припоминаю, что как-то, будто бы в голове слышала разговор двух вампиров про это. Один другому рассказал, что ему известно о том, как можно вернуть человека. Это убить укусившего его вампира!

– Что? – переспросил я.

– Убить... а, как больно... этого вампира... м-м-м! Больно!

– Где болит? – встрепенулся Мстислав. – Кто тебе сделал больно? Они? – и ткнул в нас пальцем.

– Нет... любимый... не они... Кто-то копается в моей голове и пытается... стереть мою память... Как больно! – застонала она, и бросилась на пол, корчась от боли, словно всё её тело сводила судорога.

– Успокойся, – тихо и нежно заговорил я, – дыши ровно и глубоко. Представь, что-нибудь красивое, тёплое и родное. Такое, с детства знакомое и милое. Если хочешь, то можно маму или отца. Или те счастливые минуты, когда вы были вместе, ты и Мстислав.

Девушка закрыла глаза и погрузилась в воспоминания.

– Не думай о боли, о своих новых друзьях и вожаках, пытающихся проникнуть к тебе в голову. Ни о чем таком, что могло бы тебя разволновать и встревожить, выкинь всё из головы! Думай о приятном и любимом.

– Что ты делаешь! – захрипел от злости Мстислав. – Ты её околдовываешь! Ты подлый колдун!

– Заткнись дурак! – закричал я на него.

Посыльный вытаращился на меня и растопырил руки, словно хотел кинуться драться, но так и остался стоять у стены.

– Елена, тебе лучше? – продолжил я разговор с девушкой.

– Уже, да! Как вы, это сделали?

– Это не я, это ты сама сделала! Главное не думай ни о чём плохом.

– Как?

– Правда, что они передают мысли на расстоянии? – я не стал отвечать на её вопрос. Задал свой, на который ответ был на поверхности.

– Чистая. Они не только общаются, но и отдают приказы, и проверяют, чем мы занимаемся.

– Это уже хуже. Спрашиваешь, как ты это сделала? Да очень просто! Когда думаешь о хорошем или красивом, например, о море. Синие волны плещут и бьются о каменный берег, или о лесной поляне, которая усыпана спелыми ягодами, то возникает мысленная преграда, между твоим умом и навье. То есть, получается стена, через которую они не могут пробиться. Пользуйся этим приёмом, очень полезная вещь.

– Ты что, колдун? – спросил меня кузнец, не прерывавший до сего момента наш разговор.

– Нет, жизненный опыт, – улыбнулся я.

– Здесь, в округе, их много? – вместо меня продолжил допрос кузнец.

– Нет. Было двое: я и Митрофан. Тот, кого вы убили...

– Откуда знаешь?

– Почувствовала. Мы, как один организм. Палец уколешь, всё тело знает и чувствует.

– Это плохо? – неуверенно спросил Ясь у меня.

– Не знаю. С одной стороны, да, а с другой – пусть знают, что им это с рук не сойдёт!

– Хм! Елена, скажи, сколько навье в нашей округе... ну, или вообще, их количество на нашей земле? – волнуясь, спросил Ясь.

– Вожаков пятеро. А всего, не могу сказать точно, но уже очень много. Если убить вожаков, то мы исчезнем с земли как вид.

– Вряд ли, – усмехнулся я, – вы дети ада, вернее сказать, исчадие ада. Вас, так просто не убьёшь!

– Вы! Я вас...! – её глаза вспыхнули красными огоньками, и клыки снова обнажились.

– Тихо, девочка тихо! Не надо злиться. Я чувствую, в душе ты хороший человек. Это в тебе яд гуляет. Борись с ним, не давай ему брать верх над твоими чувствами. Мы не против тебя, и я, и Мстислав, и Ясь. Хотим тебе помочь. Вернись к нам!

– Да, я пытаюсь, но они сильнее! – с трудом произнесла Елена.

– Нет, ты сильнее. Да, тебе сложно и трудно, но раз ты сопротивляешься, значит живёшь! А жизнь, значит победа!

С этими словами я отошёл от неё и приблизился к моему другу кузнецу.

– Надо придумать, что дальше делать. Есть два варианта. Первый, дожидаться ночи и привести их назад в деревню. Её заточить в подвал, а его... – я задумался на секунду, – а его судьбу пусть старейшины решают. Второй, это оставить их здесь.

– Но для этого, нужно восстановить избу! – Закончил за меня Ясь. – На это уйдёт много времени. Мне больше по душе первый, но как её привести в деревню?! Люди разорвут Елену на части.

– Значит, надо их убедить в обратном!

Мстислав не отрываясь смотрел на свою жену.

– Кажется, я придумал! – воскликнул кузнец и указал пальцем в небо.

– Ну и?

– Мстислав, хватит пялиться на жену! Дырки в ней прожжёшь! Лучше подойди сюда, дело есть, – позвал Ясь Мстислава, не сводившего глаз со своей любимой жёнущки. – Ты хочешь помочь Елене?

– А вы бы хотели? – огрызнулся он.

– Ну, если бы у меня была такая жена, в которой я бы души не чаял, то, конечно. – Согласился с ним Ясь. – Потому что любимого человека в беде нельзя бросать!

– И я хочу! Но как? Вы же видите, в каком она состоянии! – всхлипывал он, едва держась, чтоб не впасть в истерику.

– Слушай, жизнь жены в твоих руках. Сейчас ты, пойдёшь в деревню и убедишь старейшин в том, что она должна находиться в поселении. И приготовь для нее хороший и крепкий погреб!

– А, если я не смогу?

– Если любишь, то сможешь! – парировал я.

– Объясни, что она не опасна и не хочет ни чьей смерти. Если спросят, почему сразу не пришла, скажи, что как стемнеет, мы её приведем к вам, – напутствовал его Ясь. – Понял?

– Пока, я буду идти, вы её не убьёте? – причитал он.

– Убить её можешь ты, если не поспешишь выполнить наше поручение. Ты же слышал, Павло дал слово, а его слово закон! Всё, иди, у тебя мало времени! – кузнец сказал это и подтолкнул Мстислава к двери.

– Я попробую... отозвался тот.

Сначала робко, постоянно оглядываясь, он шёл к тропе. Потом бросился бежать со всех ног. Вот что с нами, мужиками, любовь делает! Любишь её, даже если она монстр, и всё время норовит вогнать свои клыки тебе в шею!

– Ну что, приятель? Каковы наши шансы? – спросил я Яся.

– Чаю, что будет всё хорошо.

– Помоги ему Бог! А нам надо попробовать собрать избу заново. Боюсь, если солнце развернется, то ей плохо придется!

– Кого? – не понял кузнец, погружённый в свои размышления.

– Избу. А то как-то ни красиво получилось, разломать разломали, а собирать, кто будет?

– Ладно, займёмся делом. До вечера ещё далеко.

И мы, засучив рукава, приступили к ремонту разрушенного нами же дома.

Строить, не ломать! Очень сложно готовить место для бревна. Его ещё поднять надо наверх, уложить. Мне было интересно этим заниматься, что-то новое никогда не помешает узнать или освоить. Пот застилал глаза, солнце палило нещадно. Но мы трудились, а что нам было ещё делать? Валяться в траве? Глупо и утомительно. А так, заняты делом, и время летит незаметно.

– Всё, перекур! – сказал я, держась за поясницу.

– Что?

– Пе-ре-кур!

– Чего?

– А! – махнул я на него рукой. – Не бери в голову. Это у нас есть такое выражение, когда хотим отдохнуть.

– Понял, – понимающе кивнул головой кузнец. – Перекур, так перекур! Не мешало бы водицы испить, пошли к роднику.

Мы углубились в лесную чащу, где нас окружала прохлада. Никакого ручья перед собой я не увидел, когда Ясь сказал, что пришли.

– А где ручей? – не понял я.

– Вот он! – и указал мне вперёд. – Видишь, струится под листьями.

– Не вижу!

– Ладно, смотри сюда!

Ясь присел на корточки и руками стал разгребать прошлогодние листья, из-под которых показался маленький родничок. Он вымыл себе небольшую канавку, по которой он нёс свои прохладные чистейшие воды, куда-то вглубь дремучего леса, прячась под кустами и опавшими листьями.

– Это полезная вода. Помогает излечить раны и никогда не портится, сколько её не храни.

– Да?! Ух ты! Это может нам пригодиться.

– Чем?

– Ещё не знаю, надо кое-что проверить.

– Как? – Ясь посмотрел на меня как ученик на преподавателя химии, когда тот показывал опыт.

– Сначала давай утолим жажду. Потом набери в свою посудину воды, а дальше всё сам увидишь!

– Хорошо.

Как приятно было пить эту холодную воду, от которой сводит зубы! Её живительная влага струйкой пробегала через рот по пищеводу в желудок, остужая его и наполняя свежестью и силой.

После водных процедур вернулись к охотничьему домику. Солнце клонилось к закату, а мы уложили едва брёвна перекрытия. Глядя со стороны можно было подумать, что пронёсся ураган и оставил хижину и людей, живущих в ней без крыши.

– Крышей заниматься не будем! – словно учитель ученику сказал мне Ясь. – Поздно уже.

– Учитель, как скажете! – пошутил я.

Остановились у строения и осмотрелись, вроде всё на месте, никто, не появлялся, все наши вещи лежали не тронутыми.

– Ну что, попробуем? – взволновано спросил я.

– Давай, – спокойно ответил Ясь.

Я снова стал размышлять. Если вода не портится, значит, она «святая» или содержит частицы серебра, как в источнике в поселке Малый Мишкин, что около Черкасска. Поэтому я хотел проверить её воздействие на Елене. Да, ей будет больно, и мне неприятно этим заниматься, это похоже на опыт ученого на лабораторной мыши. В данном случае Лена выступала в роли этой самой мыши. С неприятным ощущением я зашел в дом. Девушка-вампир сидела в той же позе, в которой мы её оставили. Она подняла голову, посмотрела на нас. Глаза Елены вспыхнули, из-под её верхней губы опять показались клыки. У меня засосало под ложечкой.

– Что, пришёл убить беззащитную слабую женщину? Давай, развяжи меня, и тогда мы посмотрим, кто кого! Что, уже боишься? Так я и знала, трус!

– Елена, помни про то, что я тебе говорил! Не позволяй им править тобой.

Переведя дух, я продолжил:

– Я не хочу тебя убивать, если и были какие мысли, то лишь из-за боязни тебе навредить.

– Ты лжешь, смертный!

Мне не нравилось вот так стоять перед ней и перекидываться пустыми репликами. Тогда решил действовать быстро, чтобы избавиться от неловкости. «Так, её ноги!» – подумал я. Они, эти две симпатичные ножки, были неприкрыты ничем, что позволило мне именно их выбрать тем местом тела, на котором нужно провести наш опыт. Не в лицо же плескать воду!

Открыл фляжку, смочил ладонь и брызнул на её ноги. Небольшие капли попали на открытые участки кожи и зашипели, проедавая в теле вампира дырки, как будто на нее брызнули не водой, а серной кислотой. Она стала извиваться и визжать.

– Что случилось? – с криком в избу влетел Ясь.

– Моё предположение подтвердилось! Эта вода несёт смерть этим существам.

– То есть... Ты хочешь сказать... Что навье боится этой воды? – и удивление, и радость, и недоверие, одновременно отразились на лице кузнеца.

– Посмотри сам.

Он наклонился. Осмотрел её ноги и понимающе кивнул головой.

– А-а-а! Сволочи, празднуете победу! Но я вам испорчу праздник! Ну-ка! Развяжите меня! Я-то вам, яйца по отрываю! – орала женщина-вамп. – Скажите спасибо, что я ещё слабая, будь я посильнее, вам бы со мной никогда не справиться!

– Я это запомню, – тихо ответил я ей.

Мы молча вышли из хижины и уселись у стены, прячась в её тени. Сидели молча, ничего не говоря. А что тут скажешь? День был бешеный, от всего происшедшего кругом шла голова. Под конец даже воду «волшебную» нашли! Есть от чего какое-то время помолчать.

Жара постепенно спадала, и лес неторопливо с чувством собственного достоинства, погружался в вечерние сумерки. Дневное светило опустилось за кроны деревьев.

– Скоро в путь, – устало прошептал я, глядя на заходящее за горизонт солнце.

– Как думаешь её вести?

– Может, сделаем носилки? Ведь для того, чтобы её вести, надо развязать ноги, а это, сам понимаешь, чревато.

– Ага, а потом ещё, заставить её идти. Артачиться будет. А пинками гнать не хочется. Может, все-таки носилки?

– Ну, тогда пошли делать.

К заходу солнца мы успели в четыре руки смастерить носилки, на которых будет ехать Елена.

– Слышь, Павло, она как княжна поедет! – улыбнулся Ясь.

– Пусть хоть богиней будет, лишь бы идти не мешала! – серьёзно ответил я, не принимая шутливый тон своего друга.

– Не переживай так. Здесь идти-то недалеко. Мы будем быстро шагать, а не красться, как за Мстиславом.

– И то верно.

Действительно, весь переход занял часа три, не больше. И ничего с нами не случилось. Мы двигались быстро, но не забывали о предосторожностях. Оружие у нас было наготове. Пленная тоже вела себя спокойно, если не считать нескольких её выходов. Один раз Елена так завопила, что у меня уши заложило. И ничего не помогало, ни уговоры, ни угрозы, просто издевалась, как хотела, доводя нас до сумасшествия. Тогда мы пришли к обоюдному решению, остановились, приподняли носилки повыше и бросили её на землю. Жена Мстислава, ничего, не подозревая, грохнулась о землю и от сильного удара и неожиданности заткнулась.

– Если ещё откроешь рот, воспользуюсь этой волшебной водой! – прикрикнул я.

Следующий раз она спрыгнула с носилок. Мы потом пробовали повторить это, не вышло ни разу! Лёжа на носилках, связанная порукам и ногам, она изогнулась дугой, словно пружина и вылетела, нарушая все законы физики! В общем, скучать нам с ней не приходилось.

Я не знаю подробностей разговора Мстислава со старейшинами, но ему, каким-то образом, удалось их уговорить. И слава Богу! Перед открытыми воротами собралась, наверное, вся деревня, люди стояли группами, женщины разбились на группы поменьше, и молча наблюдали за нами, изредка шепча что-то друг другу на ухо. Мужчины же, напротив, толпились человек по двадцать, и все с оружием. За это я мысленно их похвалил, надо быть всегда начеку. Темнота как маска, скрывала выражение их лиц. Первый подошёл к нам Святослав Мудрый, держа в своей руке факел, которым он освещал нам путь. Мы молча проследовали за стариком, ведя Елену под руки. От носилок отказались перед самой деревней, решив, что остаток пути она сможет пройти и сама.

Вдруг из темноты выскочила женская фигура. Она выросла, словно из-под земли и бросилась к нам. Как только она оказалась между Святославом и нами, со всего маха швырнула в вампира камень. Но тот едва зацепил левое ухо, просвистел мимо и угодил в толпу зевак. Женщина, видя, что её попытка оказалась неудачной, бросилась на вампиршу, пытаясь её задушить. Но девушка почувствовала угрозу своей жизни, стала сопротивляться, насколько это было возможно в её положении.

Толпа оцепенела, Ясь один не растерялся и бросился их разнимать, предоставив мне самому держать навье. Я вцепился в нашу спутницу и изо всех сил старался её удержать, чтобы не позволить дотянуться до взбешённой женщины, которая к своему огорчению не знала о грозящей ей опасности. Нам, двум здоровым мужикам, с трудом удалось их растащить.

– Ты! Ты! – задыхались от ярости, кричала женщина. – Ты убила моих детей! Я убью тебя!

На лице навье не было человеческих эмоций и чувств. Глаза горели ненавистью ко всему человечеству. Рот был приоткрыт, из него исходило шипение, обнажившиеся клыки были готовы в любую секунду укусить разгневанную женщину.

Святослав стоял столбом, впрочем, как и все жители деревни. Все опешили от неожиданности.

– Ясь, уведи её подальше! – крикнул я, стараясь перекрыть вопившую и бьющуюся в истерике женщину.

Кузнец оторвал её от земли и понёс в сторону, где пришли в движение несколько мужчин. Замешательство с них спало, и они дружно поспешили ему на помощь. Передав её в другие надёжные руки, он побежал назад ко мне, чтобы подстраховать на всякий случай.

– Святослав, пошли быстрее, нам лишний скандал не нужен! – попросил его Ясь.

Мы подхватили вырывавшуюся девушку под руки и быстрым шагом последовали за стариком.

Погреб был просторный и прохладный. У дальней стены лежало свежее сено, а поверх сухой травы, кем-то заботливо уложенное одеяло. Продуты вынести не успели. Так и оставили.

– Будешь теперь жить здесь. А твой Мстислав будет тебя проводить. Чтобы тебе скучно не было! – заговорил с ней Ясь.

– Она точно не опасна? – серьёзно спросил Святослав.

– Если не будете без надобности к ней подходить. И не вздумайте её отпускать! – пояснил я. – Кормить вам её не надо. Хотя, когда они сытые, то меньше бросаются на людей. Можете дать ей крови любого убитого вами на охоте животного. Но питание делает их сильнее, и их способности становятся лучше! Нет, не надо. Не кормите её вообще, тогда она будет спать и станет слабее. Ни в коем случае ни давайте ей есть! Запомнили? НИКОГДА!

– Ясно. Любое её посещение, через моё разрешение. К тому же, ключи от погреба у одного меня. Так это правда, что они пьют кровь животных и людей? – спросил Святослав. – Всё-таки это не враки!

– Конечно. Человеческую кровь, конечно, больше предпочитают, но в голодный год и рак рыба! – отвечал я.

Елену уложили на сено, укрыли одеялом и вышли из погребца, тщательно заперев за собой засовом дверь и повесив замок.

– Святослав, а где Мстислав? – спросил я.

– Сидит под надзором в своей избе.

– Вы с ним не сильно строго. Он зло сотворил из-за любви, – попросили мы за него. – Но не спускайте глаз, следите за каждым его шагом.

– Ты думаешь?

– Присматривать нужно. Как говорится, береженого, Бог бережет.

– Что, верно, то верно.

– Кстати тот лаз, через который он покидал деревню тайком от всех, надо заделать.

– Завтра же займёмся, – согласился старейшина.

Ужасно хотелось спать. Поэтому, подойдя к своей хижине, я вежливо распрощался со всеми и отправился спать. Едва голова коснулась подушки, заснул мертвецким сном. В ту ночь мне ничего не снилось, очевидно, сказала усталость.

***

– Ну, хватит на сегодня, ребятишки. Продолжим завтра! – сказал дед, и больше не говоря ни слова, зашёл в дом, плотно прикрыв за собой дверь.

На следующее утро дед Павло продолжил свой рассказ после завтрака, на который он, кстати сказать, опоздал. Он проспал!

***

Остаток ночи и всё утро я провёл в постели. Когда встал, солнце было уже высоко, и успело высушить утреннюю росу с растений. Птички вовсю щебетали, напевая свои лучшие трели. Жители деревни работали, каждый занимался своим делом. Кто в поле, кто в лесу, а кто на охоте. Жизнь, как говорится, шла своим чередом. Один я, как лодырь, спал, глядя на то, как весь деревенский люд трудится как муравейник, отчего мне даже стало немного стыдно. Чувство стыда быстро сменилось чувством голода. Надо было найти, чего-нибудь покушать. Ветер, дувший с востока, принёс с собой шум базара. Этот гвалт голосов ни с чем не перепутаешь. Если человек хотя бы раз побывал на деревенском рынке, то никогда не спутает его шум ни с каким другим. Мой желудок протестовал против промедления в поиске пищи. Не откладывая больше ни секунды, я отправился добывать себе пропитание. Идти пришлось не долго. На восточной окраине, возле ворот, находился сельский рынок. Несмотря на сравнительно небольшие размеры деревни, было многолюдно. Народ шнырял между рядами в поисках подходящих товаров. Кто-то пробовал ягоды и восторгался их вкусом на весь ряд. Вот крепкий, деревенский мужик разложил на прилавке рыбу. Сушеная, вяленая, копчёная! Я полез в карман своих штанов за деньгами и... О, нет! Денег не было! Впрочем, они здесь и не нужны. Местные жители вместо денег использовались медные пластины шириной сантиметров пять и толщиной до сантиметра, рубленные тонкими пластинами и назывались, рубль. И были они далеко не у всех, а служили не для обогащения, а для облегчения торговли. Но кушать то хочется! «Ладно, идём дальше, может, что и подвернётся под руку!» – сказал я себе поднос и углубился в рыночную площадь.

Запахи разной снеди, сводили меня с ума. Вот, в крынках домашнее масло, сметана, парное молочко. Рядом, толстая краснолицая женщина средних лет жарит блины, смазывает их коровьим маслом и горяченькими продаёт всем желающим. Дети тоже не сидят без дела. Они бегают взад-вперёд, то принося товар, то убегая с ним совсем в противоположном направлении.

«Ага! Вот оно!» – мысленно воскликнул я. Старик только что приехал и слезил с телеги, груженной мешками.

– Отец, помочь разгрузить? – спросил я.

– Что за это хочешь? – прищулив левый глаз, ответил он вопросом на вопрос.

- А что дашь, то и возьму.
- Три шапки муки, устроит?
- Сойдёт! – махнул я рукой, не торгуясь.

Через десять минут все мешки лежали в нужном месте, а три шапки муки были отсыпаны мне. Я с чистой совестью и перепачканными в муке руками, направился к мужику, торгующему рыбой.

- Слышь, мужик, страсть как хочется рыбки! – обратился мой желудок к рыбаку.
- Ну и?
- Смотри, у меня есть мука. Сколько за это дашь рыбки?
- Сколько муки?
- Три шапки.
- Ха! Это Кузьма расплатился за работу?
- Ага, он самый. Так что?
- Давай её сюды!

Рыбак принял мешочек, который я ему подал через стол. Поставил его на землю. Взял новый кулан и насадил на него одного большого жирного с зана, пару небольших вяленых сомиков и несколько сушеных тараней. И с дружеской улыбкой протянул мне.

- Хватит?
- Премного благодарен!
- Смотри, другой раз торгуйся с Кузьмой, он гусь ещё тот!
- Хорошо! Благодарю! – поблагодарил я рыбака за совет и побрёл дальше.

Войдя во вкус местной базарной жизни, тарань поменял на хлеб, квас и пучок лука. Получился шикарный обед.

Вы себе не представляете, как это было вкусно! Сазанчик сушеный, жирный, просто объеденье! Зелёный лук придавал особенную пикантность еде. И всё это запивать отличным холодным хлебным квасом... Не каждый день такие яства на обед подают!

– А, вот ты где! – удивлённо воскликнул кузнец. – Я бегаю по деревне, ищу тебя целое утро, с ног сбился. А ты здесь, значит, сидишь. Спрятался в тени тютины и набиваешь свой желудок!

– Привет! – поприветствовал я своего нового друга. – Двое суток ничего ни ел. Слушай, какая прелесть ваша рыба! Мм-а! Мм-а! – облизал я пальцы на руке.

– А то! У нас всё отличное. Своими же руками всё делаем! Кстати вот твой заказ.

И Ясь протянул мне два колчана полных стрел. Идеально ровных и гладких. Я вытащил одну, осмотрел взглядом специалиста. Главное, что мне нужно было увидеть, так это их накопечники. Они были серебряными. То, что нужно! Во всём остальном, я ещё плохо разбирался.

– Что должен? – осведомился я.

– Ничего.

– Как ничего?

– У нас с тобой уговор. Не иначе позабыл?

– А! Ты, про то чтобы я взял тебя с собой?

– Да, я же в твоей дружине.

– Немного, подзабыл, – честно ответил я, – как ты успел столько сделать? Причем, так быстро и хорошо!

– Это не моя заслуга, работал сын. Пока мы занимались своими делами, он решил нас обрадовать. Говорит, что в каждом убитом этой стрелой навье будет и его заслуга. Его, так сказать, маленькая месть за смерть матери.

– Способный малый! – искренне порадовался я.

– Все надежды на него. Сильные задатки в нём, природный талант. Весь в деда.

– У вас кузнецы в почёте!

– И то верно, всего хватает, и работы, и почёта.

– Ух! Хорошо! – выдохнул я, допив последние капли кваса.

Мы сидели молча, думая каждый о своём. Когда я наелся, желудок получил работу, а мозг стал лучше думать, что делать дальше. Сегодня выдвигаться нет нужды, да и смысла в этом мало. Хотя что-то мне подсказывало, что надо выйти вечером. Моя интуиция не раз помогала в трудную минуту, поэтому я снова решил на неё положиться.

– Вечером выдвигаемся, – озвучил я свои мысли. – Заодно осмотрим подступы к деревне и послужим приманкой для навья, если решат сунуться в деревню. Они знают о нас, но не ведают наших планов.

– Мы пойдём в деревню Безводную?

– Ага, дорогу знаешь?

– Да.

– Ну, вот и отлично! Оставшееся время посвятим сборам, нельзя же идти в серьёзный поход с пустыми руками. Встретимся у ворот. И ещё. Надо сходить к источнику и набрать больше воды, так сказать про запас.

– Я это уже сделал. Четыре фляжки дома лежит, надеюсь, хватит.

– Что ж, дай-то Бог. Кстати, как насчёт серебра, запас в поселении есть?

– Плохо. Мой запас, десять гривен, весь ушёл на наконечники для стрел. Но Святослав обещал чуток подкинуть. О, чуть не забыл! Он же просил тебя зайти к нему.

– Да я и сам хотел зайти, но только после завтрака. Всё, пошли, заниматься делами!

Дома я осмотрел свои вещи и очистился от муки. Сходил на базар, выменял на оставшуюся рыбу косичку чеснока. Разложил все вещи на столе. Лук и три колчана полных стрел. «Где-то, штук сто пятьдесят, – прикинул я в голове, – это хорошо!». Косичка чеснока, головок двадцать. Меч, в кожаных ножнах. Фляжка с волшебной водой и котомка с формой бойца Красной армии. Вроде бы всё. Да, точно всё! Прихватив с собой двух вяленых, небольших сомов, я отправился к Святославу.

Шёл я медленно, небольшими шагами к дому старейшины. По дороге я анализировал произошедшее за несколько дней. Разложил все факты по полочкам, и был готов принять всё, как есть и твёрдо вынести любые невзгоды.

В избу заходить не пришлось. Святослав Мудрый и Яр стояли на крыльце своего дома и в полголоса о чём-то шептались.

– Кх-кх! – известил я их о своем приближении к ним.

Старики повернулись ко мне лицом и приветствовали меня своими добродушными улыбками.

– Вы хотели меня видеть? – спросил я.

– Да, я недавно заходил и не застал тебя дома. Кузнеца просил передать тебе, чтобы ты зашёл. Он передал?

– Да. Ясь человек обязательный.

– Вы, когда уходите? – старик перешёл на суровый тон.

– Сегодня вечером.

– А если они на нас нападут, что нам тогда делать?

Я был готов к этому вопросу, и поведал им все, что знал сам. Во-первых, выставить караул, чеснок развесить, и про кресты не забыл упомянуть. Дольше всего мне пришлось убеждать их в нецелесообразности избавления от Елены. Говорил убедительно, но мало было козырей у меня на руках! Одни догадки и байки. Скажите, пожалуйста, как я мог им объяснить, каким образом и когда вылечится девушка, если я сам этого не знал! «Ну, ничего, где наша не пропадала!» – сказал я сам себе и сделал всё возможное, чтобы избежать ненужного кровопролития. Мне показалось, они остались довольны моими объяснениями и разговором в целом.

Сменив тему разговора, я узнал о самочувствии Святогора. Яр давеча был у него, принёс ему гостинец, свежие фрукты и овощи. Потом у них был совместный обед, где они вели серьёзный разговор. Яр Святогору поведал о событиях последних нескольких дней, а в ответ услышал полный рассказ о приключениях Святогора и про его ранение. Я так думаю, что они проверяли меня. Наверное, в свете происходящих событий, правильно поступили.

В общем, из всего его рассказа я уловил самое главное, что старик Святогор всецело на моей стороне и никому не дозволено вмешиваться в мои дела, а даже наоборот, все должны всецело мне помогать, и ни в чём не отказывать. Вплоть до приготовления мне пищи. От чего я искренне отказался.

Впечатление от беседы осталось хорошее. Лишь один вопрос был им неприятен, и они старались как можно скорее от него отделаться. Когда речь зашла о серебре, добродушные улыбки мгновенно исчезли, словно ветер сдул их. Вот тут-то я почувствовал разницу между людьми. Святослав от чистого сердца предложил весь свой металл, накопленный за долгую жизнь, ради общего дела, а Яр стал уваливать от ответа. Наверняка у него было гораздо больше серебра, чем у Святослава. Мне не хотелось трогать его за живое, поэтому я лишь попросил их держать его наготове, потому что оно может понадобиться в любой момент. Старики согласились, что вызвало у них безумную радость, особенно со стороны Яра, который едва не запел от счастья оттого, что его кошель не тронут. Закончив разговор, я вернулся в избу, где застал Яся. Он сидел на хозяйском сундуке с хмурым лицом.

– Что случилось?

– А! – отмахнулся кузнец.

– Лучше расскажи сейчас, чем потом держать всю дорогу камень за пазухой.

– Ярослав хочет идти снами, – буркнул Ясь.

– Нельзя! Ты сам знаешь, куда мы идём!

– Да, но он сказал, сбежит, если не возьмём с собой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.